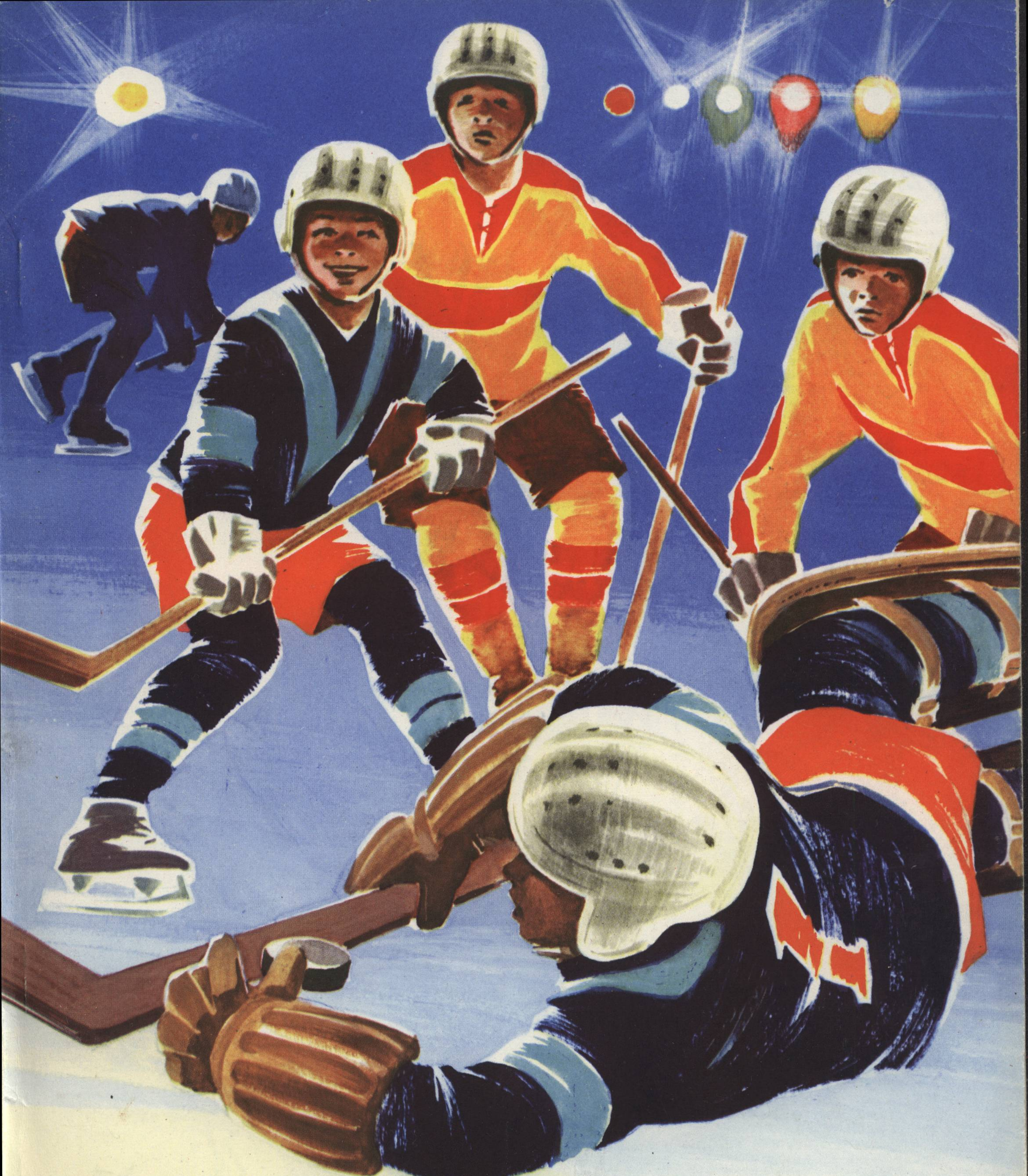


ПИОНЕР

ЯНВАРЬ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

Разрешите представиться! Меня зовут Атомино. Я сын науки и прогресса.

Хотите знать еще что-нибудь обо мне? Я атом. Но атом необыкновенный. Большой, как вы. Не хвастаясь, скажу, что я просто фантастически силен.

Но моя сила не в мускулах. Видите, какие у меня тоненькие руки! Моя сила в энергии, которой я, атом, обладаю. Стоит мне только подуть в бак автомобиля и наполнить его атомной энергией, и автомобиль взлетает в небо, как межконтинентальная ракета!

Обо всех моих приключениях рассказывает «Пионер Униты» — газета итальянских пионеров.

Однажды, когда я и Змеральдина... Впрочем, об этом я расскажу вам на странице 46. Там мы познакомимся с вами поближе.

Пользуюсь случаем пожелать вам, чтобы 1966 год был для вас самым лучшим.

Ваш Атомино



Может быть, вы меня уже знаете? Я Пиф.

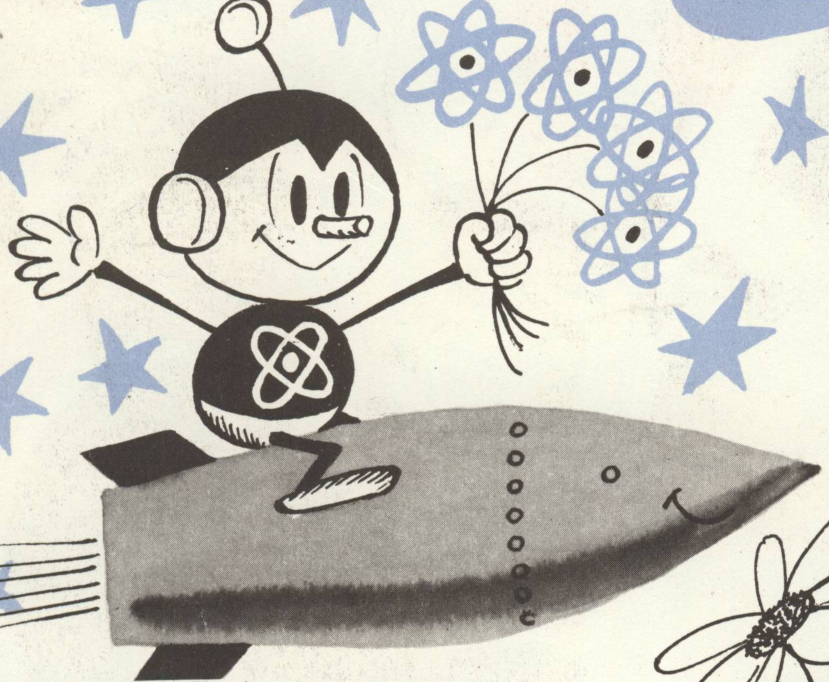
У нас, французов, есть поговорка: «Не суй свой нос в чужой вопрос». А я, признаться, частенько сую нос не в свое дело. Что из этого получается?! О-ох! Самые невероятные вещи. Если вы будете так любезны и заглянете на 78-ю страницу, то я познакомлю вас с одним из своих приключений.

Но сейчас у меня дело чрезвычайно важное и очень почетное.

От имени всех читателей журнала «Вайян» поздравляю вас, читатели журнала «Пионер», с Новым годом.

Целую всех крепко. Жму вашу лапу. Ох, извините... руку. Гав-гав!

Ваш Пиф



Я девочка Клубничка из журнала «Фройзи». Он издается в ГДР. «Фройзи» — его сокращенное имя, а полное — «Fröhlich sein und singen», что значит «Будь веселым и пой».

Мне хочется пожелать вам от имени моих читателей:

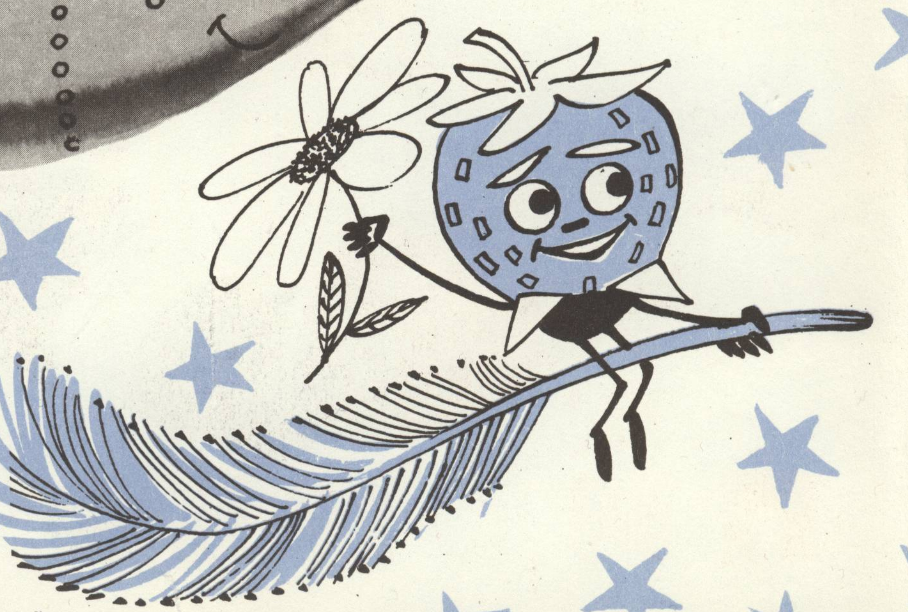
здоровья — пусть вам никогда не понадобятся врачи;

успехов в учебе, чтобы в дневниках были только пятерки и четверки;

чтобы журнал «Пионер», как и прежде, был для вас надежным другом.

Будьте веселы и пойте!

Ваша Клубничка



П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ГОД ИЗДАНИЯ 43

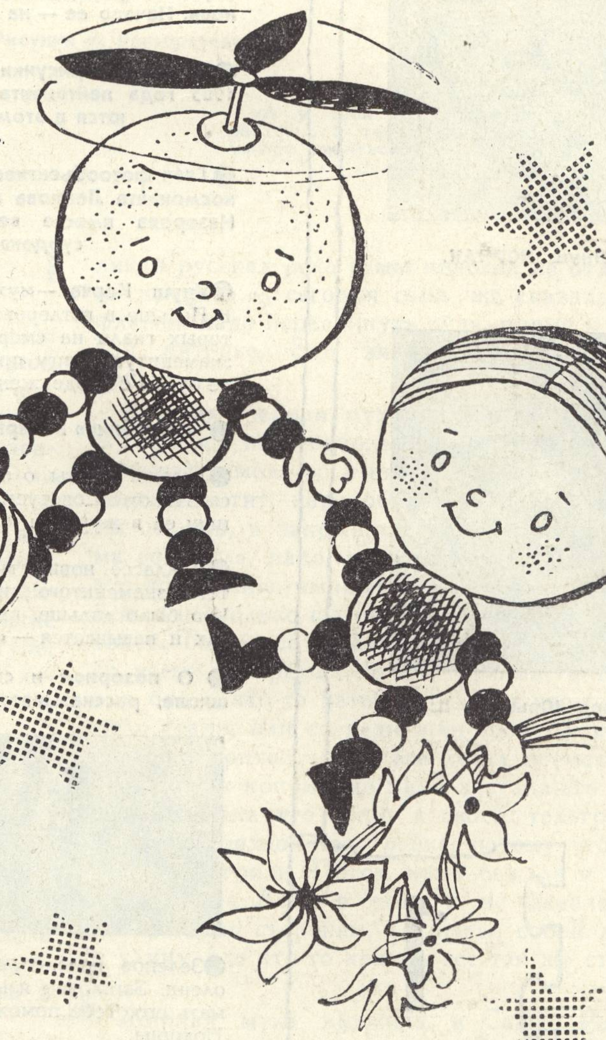


А это мы, Ролли и Флитци, из журнала ABC — Zeitung. На этих страничках мы самые маленькие. В ГДР мы дружим с ребятами от шести до девяти лет. Мы всегда рассказываем и показываем им что-нибудь интересное.

Нам очень хотелось бы подружиться и с вами, дорогие читатели журнала «Пионер», и, конечно, с вашими друзьями — октябрятами.

Теперь вы знаете, кто желает вам удачи и успехов в Новом году.

Ваши Ролли и Флитци и все ваши друзья из ABC — Zeitung.



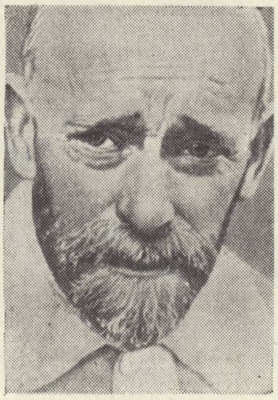
ЯНВАРЬ № 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1966 г.

КЛЮЧ К НОМЕРУ

МЫ ОТКРЫВАЕМ С ТОБОЙ НАШ ПЕРВЫЙ В ЭТОМ ГОДУ НОМЕР ЖУРНАЛА.



Януш КОРЧАК.



Альберт ЛИХАНОВ.

● **Авиапочта принесла нам из Новосибирска первую повесть Альберта Лиханова. Начало ее — на соседней странице.**

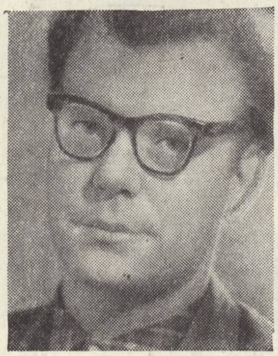
● **Письма и рисунки героя революции 1905 года лейтенанта Шмидта публикуются в этом номере.**

● **Глаз фотообъектива, кисть художника-космонавта Леонова и перо журналиста Назарова вместе ведут репортаж из сурдокамеры.**

● Януш Корчак—мужественный человек и прекрасный писатель. В Польше в гитлеровские времена он отказался покинуть детей, которых гнали на смерть, и погиб вместе с ними. Мы перевели его знаменитую книгу про короля Матиуша, короля-мальчика. Печатать ее будем с продолжениями.

● **«Кораблик» набирает команду. Хочешь в матросы!**

● Знаешь ли ты о том, что журнал «Пионер» стал заядлым подсказчиком? Советуем тебе воспользоваться нашей шпаргалкой. Поищи ее в журнале.



Эдуард Юрьевич ШИМ.

● В классе новый мальчишка. И вдруг оказывается, что он сын того знаменитого гипнотизера, о котором заговорил весь город. Что было дальше, вы узнаете из рассказа Эдуарда Шима, который так и называется — «Сын гипнотизера».

● **О позорной и страшной истории, которая случилась в одной школе, рассказывает подполковник милиции Чванов.**



Алевтина Афанасьевна ПОКОРНА.

● Зеленое поле, голубое поле, красное, оранжевое, львы, кошки, олени. Загадочен язык геральдики, но ты можешь научиться понимать его. Тебе поможет в этом научный сотрудник Эрмитажа А. А. Покорна.

● **Трое мальчишек бежали с урока физкультуры. На пути столкнулись с нашим корреспондентом... О чем они вели разговор, прочитай!**

1



Звезда упала в лесу

Маленькая повесть

А. ЛИХАНОВ

Рисунки Е. Расторгуева.

«А у тебя будут совсем особенные звезды... У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!»

Антуан де Сент-Экзюпери.

I

У мальчика было странное имя — Лека. Он всей душой ненавидел его, потому что оно казалось ему девчачьим, вроде Лельки. И еще он ненавидел свои брезентовые сапоги. Никакой другой обуви для второклассника Леки мать не могла найти во всем городе и вот купила на толкучке эти зеленые сапоги, которые складывались в гармошку и походили на две зеленые гусеницы. Лекины тонкие ноги хлябали в голенищах, как пест в ступе, портянки сбивались вниз, и Лека вечно ходил со стертыми ногами. А что такое ноги для мальчишки — кто не знает?

Вот и сегодня. Так и не догнал он Сашку Рыжего. Рыжий — это кличка такая, а вообще-то фамилия у него Соловьев.

Все это приключилось после второго урока, на перемене. Сашка был ответственным за флажки и сам всегда передвигал их. Где флажок, там наши. Марья Андреевна сказала Сашке, что сегодня флажок надо передвинуть чуть правее. Она сказала это, закуталась в свою пуховую шаль и ушла из класса.

Ребята притихли, и в тишине Сашка передвинул флажок в сторону голубой жилки на географической карте. Это была Волга. Марья Андреевна говорила, что Волга — великая русская река и мы никогда не отдадим ее немцам. А сегодня сама же сказала, что флажок надо передвинуть туда, прямо к голубой ниточке. Это значит, немцы сильнее наших...

Жирная черная муха билась в стекло и жужжала, как самолет. Лека помнил, как жужжат самолеты, а потом что-то свистит, и когда свистит, надо обязательно падать, где ты стоишь, и закрывать голову руками. Мама говорила, надо падать, и они, заслышав это жужжание, выпрыгивали из вагона и, отбежав несколько шагов, обязательно слышали свист. Тогда все падали, и Лека падал вместе со всеми, закрывал голову руками, а потом ему будто кто-то затыкал уши, и что-то гремело сзади, или спереди, или сбоку, и кто-то страшно кричал. Лека все хотел посмотреть, кто это так кричит, но мама хватала его руки и прижимала его лицо к своей телогрейке. К своей грязной телогрейке, потому что они лежали в грязи. Потом мама бежала к вагону, прятала Леку в угол и не давала ему смотреть по сторонам, закрывая собой дверь и улицу, где кто-то кричал все так же страшно...

Жирная муха кружила, а Сашка Рыжий переставлял флажок ближе к Волге, куда показала Марья Андреевна.

— Эх,— сказал вдруг Сашка,— был бы я генерал!

— Ну? — спросила его Нюська из Лекиной деревни.— Ну, был бы ты генерал?

— Да я бы как дал! Тр-р-р! — Сашка показал, как бы стал он стрелять из автомата.— И все бы немцы — брысь! Обратнось к Гитлеру!

— Обратнось! — передразнила Нюська.— Тоже мне, генерал выискался!

— А что! — закричал Рыжий Санька, и веснушки со всего его носа вдруг собрались на самый кончик.— А что! — повторил он.— У меня имя такое!

— Какое? — спросил Лека и покраснел. Он сразу заругал сам себя, что не промолчал и спросил. Пусть бы кто другой спрашивал. Та же Нюська.

— А вот такое! — шумел Сашка.— Александр! Александр Суворов — слыхал? Александр Невский — слыхал? Кино еще есть — видал?

— Эх, ты,— сказал Лека,— так-то я тоже!

— Что тоже?

— Да то. У меня имя полностью Валерий. А про Чкалова ты слыхал?

Санька начал идиотски хохотать и кричать, что Чкалов — хоть и законный, конечно, но только один летчик, а Суворов и Невский — полководцы, и что полководцы — это сила, а один летчик ничего не сделает...

В общем, Лека сказал ему прямо:

Рыжий пес, яичко снес,
Старой бабушке отнес!

У глазастого Саньки глаза стали еще больше. Не успел Лека опомниться, как Санька дал ему в нос и тут же побежал за дверь. Лека кинулся, да сапоги помешали. Захлопали голенища на тонких ногах, будто петух крыльями замахал. И в дверях воткнулся Лека головой в живот Марье Андреевне. Опять записала в тетрадке замечание. Тетрадка у Леки была сшита из газеты. Марья Андреевна написала на белых полях, чтоб виднее было, чтоб мать не пропустила...

Шурш, шурш... Шуршит Лека брезентовыми сапогами по осенним листьям. Нарочно ноги волочит — чтобы легче идти было. А еще чтоб листьев побольше перевернуть. Бредет не по дороге, как все люди ходят, а по придорожной сухой канаве — там листьев больше. Домой не к спеху.

Шуршит Лека по листам, смотрит под ноги, а в глазах рябит. Вспомнил Лека, как отец купил ему игрушку — трубочку такую. Крутишь трубочку, смотришь на свет в глазок, а в трубочке цветы. И каких только красок там нет: и красные, и голубые, и желтые, и зеленые, и рябиновые...

Идет Лека, а в руке у него букет. Чудной, из листьев. Нюська увидит, скажет свое: баско́! А мама прижмет опять Леку к своей телогрейке и ничего не скажет. Листья в банку поставит.

2

Дрын стоял рядом, прислоненный к воротам, и Лека удивился: значит, кто-то дома. Повернул ржавое кольцо, тихо звякнула железная планка, и Лека пошел в ограду по деревянной доске, обсиженной курами.

У печи, давно не беленной и обшарпанной, на широкой лавке сидел дед Антон и задумчиво глядел на иконы.

Лека удивился: ни разу, пока они жили у деда, тот не зажигал лампадку перед иконами да никогда и не глядел на них, а тут уставился, как неживой. Лека притих, думая, что дед станет молиться, но тот молчал, не шевелился и по-прежнему смотрел в угол на мертвые лики, почерневшие от старости.

Дед Антон говорил иногда в свободную минутку, что как померла его старуха, так с тех пор никто и не дотрагивался до этих икон, потому что сам он, Антон, в бога не верил.

Тут обыкновенно дед вставлял крепкое словцо, и Лека смотрел в сторону, а мать сердито взглядывала на деда:

— Антон Макарович!

Дед Антон махал своей корявой рукой и жмурился:

— Извиняй, Машута!

Дед был добрым. Это Лека знал точно. Это он понял еще тогда, когда заморенная кобыла привезла к сельсовету Леку с матерью и еще несколько беженок с ребятами.

Дело было вечером, и Леку сильно клонило ко сну, и хотелось есть. У дома, где остановилась телега, сразу появились какие-то тетки в одинаковых серых платках, и Леке показалось тогда, что это все старухи. Потом вышел дед с широкой бородой, и Лека ему сразу улыбнулся — уж больно хорошая борода была у деда, как елочная, бе-елая.

— Беженцы,— сказал кто-то из старух.

Дед быстро повернулся и сердито поправил:

— Не беженцы, а экаиранные.

— Что в морду, что по морде,— ответил тот же злой старушечий голос.

На приступку вышла тетка в таком же, как у всех, сером платке и тоже похожая на старуху и сказала негромко:

— Ну вот, бабы. Теперь у нас гости. Принимайте.

Взяла из телеги на руки чью-то малышку и пошла, оскальзываясь по грязи. А за ней послушно побрела и та женщина, которая ехала вместе с Лекой и его матерью на одной телеге и чью малышку взяла тетка.

Лека смотрел по сторонам и боялся, что их не возьмут или что-нибудь скажут нехорошее. Старухи стояли вокруг, глядя под ноги, и лишь одна, что увела беженку с ребенком, уходила вдоль улицы, прямо по лужам, не оборачиваясь назад.

Моросил мелкий, колючий дождик. Лека весь промок, а меховой черный воротник пальто блестел, как шерсть у кошки, если ее окунуть в воду. Посмотрев на лужу, Лека увидел ноги, обутые в лапти. Он даже не сразу понял, что это лапти. Он никогда не видел их раньше, только на картинках в книжках, которые приносил отец. Лапти были в коричневой грязи. Лека смотрел на них и все удивлялся, потому что он думал, будто лапти носят только в сказках.

Он поднял голову и увидел, что это тот старик с бородой. А борода намокла, и с нее каплет, как с мочалки.

Старик протянул сучковатые крепкие пальцы, и Лека прижался к матери, но тот, улыбнувшись, сказал: «Иди, иди, внучек» — и взял Леку на руки.

Так они стали жить у деда Антона, и Лека звал его дедом.

Было в дедовой избе просторно, жил он один. Старуха померла еще весной, и дед почему-то радовался, что она померла весной. Лека удивлялся, чему это радуется старик, и долго думал об этом, но никак не мог понять, чему тут радоваться. Сын у деда воевал. Лека по слогам читал треугольные письма, которые приходили деду из Действующей армии.

Дед Антон молчал, дымил самосадом, пуская длинную и тонкую струю до самого потолка, а Лека читал и перечитывал, а потом Лека потел, краснел и огромными буквами выводил дедов ответ на обрывке газеты, вырванной из тетради. Письма у деда получались всегда одинаковые и короткие. Лека даже наизусть знал, что будет диктовать дед:

«Здравствуй, дорогой сыночек Иван Антонович! Письмо твое получил. Я, слава богу, жив-здоров, чего и тебе желаю. Квартиранты мои тоже ничего...»

Дед говорил «фатеранты» и «тож», но Лека сам исправлял дедовы выражения: ведь нельзя же было писать неграмотно в Действующую армию.

«...Усадьба тоже ничего. В колхозе дела такие...»

Дальше дед перечислял, какие дела в колхозе, а кончалось письмо словами:

«Воюй, сыночек Иван Антонович, спокойно, не волнуйся, у нас тут как-нибудь. Через тебя передаю привет всей Красной Армии».

А потом, после таких правильных слов, дед вдруг заканчивал:

«Жду ответа, как соловей лета».

Сколько Лека ни уговаривал его не писать этих слов, дед не соглашался с ним.

По вечерам дед плел лапти. Вся деревня ходила в дедовых лаптях, а он ворчал, что, мол, пропадут без него, без его лаптей бабы, потому как он один мужик на всю деревню, а бабы, надеясь на своих мужей, не научились даже лаптей плести. И вот теперь, когда ушли на войну мужики, остались бы босы.

Когда Антон плел лапти, он всегда ворчал, и всегда про лапти, потому что знал: житье худое, и лапти опять в моде, мужнины сапоги попрятали бабы в сундуки, и хоть у кого поубивали мужей, все равно сапоги те держат, берегут, а носят лапти.

Плел лапти дед по ночам. Днем он работал в колхозе, и Лека всегда домовничал один. Но сегодня дед сидел дома и глядел на иконы. Даже лампадку зажег. И смотрел на фитилек, не мигая.

3

Лека ступил на скрипучую половицу, дед вздрогнул и повернулся.

— А-а,— сказал он,— это ты, Валерушка.

Лека опять удивился: первый раз дед Антон назвал его так. Вон, значит, еще какое имя у меня есть. Валерий, Валерка, Лерка, Лека. И вот теперь еще Валерушка. Что он, маленький, что ли?

Дед Антон встал с лавки, пошел к печи, снял с таганка чайник, уселся за стол. Дед любил его, свой чайник, и сиживал перед ним по часу и более.

— Ну-ка, дай мой корапь,— сказал он, и Лека пошарил в маленькой нише в печи. Их было несколько, таких мест, в печной стенке, где нет кирпичей,— пустое место, вроде полочки. Леке кажется, что печка походит на старуху, которая смотрит своим белым, многоглазым лицом на него, на деда Антона, на мать, на всю их домашнюю жизнь. Старуха печь — добрая, она варит щи в своем черном брюхе, жарит картошку, а однажды испекла блины из остатков ржаной муки, которую мать натрясла из пустых мешков. А дед клал в старухины глаза разные свои ценные вещи: свой «корапь», самосад, кресало — два камешка и льняной фитиль.



Лека сунул руку и вытащил дедов корабль — большую эмалированную кружку. И Лека любил пить из нее молоко. Сначала, когда кружка полна, ничего в ней не видно. А когда отопьешь до половины, из молочного моря поднимается чудной остров: эмаль обилась, и на стенке черный остров.

Только молока он давно не пил. Летом козлуха, у которой было кошачье имя Мурка, заболела, вымя у нее раздулось, а молоко пошло с кровью.

Дед Антон повздыхал и крепко привязал ее к столбику в ограде. Потом он ушел в сенцы и долго бренчал там в старом ларе, от которого еще пахло мучицей и салом, и где теперь лежал дедов инструмент — молоток, ржавые, погнутые гвозди, которые он при надобности выпрямлял, стамеска и рубанок. Старик долго скрипел там чем-то железным, а Мурка стояла у столба, блеяла коротко и беспокойно, будто чувствовала что-то. Мурка была последней животиной в дедовом хозяйстве.

Дед вышел из сеней с ножом, и Лека понял, что коза Мурка сейчас умрет. Он оторопел от этой мысли, даже не отошел в сторону, даже не отвернулся. Дед Антон погладил козлуху, размахнулся, и нож вошел в Мурку по самую рукоятку. Коза с протяжным, печальным вздохом завалилась на бок, и черные ее глаза потухли.

Лека смотрел на свою руку, по которой ползла капля козлиной крови. Сердце билось неровно, как тогда, когда они с матерью возвращались в вагон и она не давала ему смотреть по сторонам и прижимала его лицо к своей грязной телогрейке...

Вышла мать и, увидев медный таз, куда стекала козлиная кровь, сказала деду:

— Зачем же вы, Антон Макарович, при Леке?

Дед стоял, сгорбившись, смотрел, как тонкой струйкой стекает кровь в медный таз. Он ответил хрипловато:

— А нешто он крови не видел?

Потом Лека жевал твердое Муркино мясо, а рога спрятал в углу на сеновале. Он хотел похоронить рога — они только и остались от козлухи,— но потом решил сохранить их, чтобы вспоминать Мурку.

— Ну-кась,— сказал дед Антон,— тащи мои зубы!

Лека опять пошарил в печном окне и протянул деду вставные зубы. Старик обтер их рукавом и вставил в рот, щелкнул, будто щеколдой. Он хлебал пустой чай, сахар давно уже кончился, а последние дедовы сапоги, которые ушли за малый мешочек кускового сахара, донашивал где-то новый хозяин. Но даже когда дед хлебал пустой чай, зубы свои вставлял все равно. Такой уж он был человек.

Но сегодня он пил чай тихо и был какой-то смирный, будто в чем провинился.

В сенцах кто-то затопал, гулко гукнула деревянная дверь, и в избу вошла почтальонка.

Было у нее удивительное, нездешнее имя Христина, и все звали ее ласково — Христей. Лека вспомнил, как Нюська говорила ему, будто Христя поет и у нее красивый голос. Лека не верил и смеялся над Нюськой. Никогда он не слыхал, чтобы почтальонка Христя пела, да и сама она никак не походила на такую, которая умела бы красиво петь. Была тетка Христя большая, больше всех в деревне, и угловатая. А лицо у нее было некрасивое — тоже большое и скуластое.

Христя поглядела на Леку и, не глядя на деда, спросила:

— Не приходила?

Дед Антон мотнул головой.

— Ты, Лека, иди-ка на клеверище,— сказал старик.

На клеверище уже почти ничего не было, это он знал точно, потому что был там не раз. Собирали клеверовые цветы, кашку. Кашку клали на железные черные противни и сушили в печи. Потом мать толкла их в ступе, и получалась коричневая мучица. Ее ссыпали в мешок, а потом, добавив немного муки, пекли шаньги с картошкой или оладьи.

Леке эта стряпня из клеверной муки понравилась сразу, и он удивлялся, чего это мать, глядя, как жует он черные оладьи, вдруг пригорюнивалась или, того хуже, начинала плакать.

Ему нравилось собирать кашку и приносить домой целую корзину цветов, пахнущих медом, но сейчас-то там уже почти ничего не осталось. Сентябрь все-таки.

Дед Антон дул в «корапь» и глядел на дно кружки.

Лека вышел за ограду и огородами пошел к клеверищу.

Из головы не выходил тихий дед Антон.

4

Как Лека думал, так и вышло. Он шел домой, а кашка чуть покрывала дно ивовой корзинки.

У своего дома, на лавочке, сидела Нюська и во все глаза глядела на Леку. Он подбежал к ней. Нюська должна была удивиться, но она не удивилась, а только по-прежнему во все глаза глядела на Леку.

— Ты что?— спросил он.— Онемела?

Нюська ничего не сказала, только поправила свой серый платок, из-под которого выбились белые, совсем льняные волосы.

Ах, эти волосы! Длинные и пушистые, белые, с золотинкой. За эти белые волосы в деревне звали Нюську Светлячком. Нюська обижалась, когда ее так звали, но Леке казалось, что она совсем зря обижается: ведь Светлячок — это хорошее имя.

Нюська хотела что-то сказать, даже рот приоткрыла, но раздумала, моргнула и промолчала.

Навстречу по улице ехала телега, на которой сидела Антонида, председательша, та тетка, которая встречала эвакуированных.

Издалека еще она уставилась на Леку. Лека побаивался ее, а когда разминулся с телегой, припустил бегом. Потом оглянулся. Антонида все смотрела на него — жалостливо и печально.

Лека побежал к дому. Дед Антон всегда запирал дверь на щеколду, а тут она была распахнута, и еще с улицы Лека увидел, что в ограде стоят какие-то люди.

Лека не помнил, чтобы женщины с дальних концов деревни когда-нибудь заходили к ним, и удивился, и одновременно застеснялся чужих.

В сенцах тоже толпились бабы, и, пока Лека проходил, его несколько раз погладили по голове чьи-то чужие, шершавые руки.

На лавке сидел дед Антон, у печки, прислонясь, стояла Христя-почтальонка.

Рядом с дедом сидела мать.

Она сидела на лавке, за деревянным столом, который скоблила ножом каждые две недели и который всегда был словно свежеструганый, и смотрела прямо на Леку. Нет, пожалуй, она глядела чуть повыше Леки отчаянным, остановившимся, сухим взглядом.

Лицо у нее было серое. И вдруг Лека понял, что мать, всегда казавшаяся ему такой молодой и такой красивой, сегодня совсем старуха.

Сбоку прошла какая-то тень. Это большая Христя села рядом с матерью и погладила ее по голове. Как маленькую.

— Поплачь, Маша, поплачь.

Мать по-прежнему сидела, глядя в угол мертвым взглядом.

Христя обняла ее за плечи, и Лека вздрогнул. Христя запела. Сначала Леке показалось, что она плачет, но потом он услышал слова.

Калинушка со малинушкой в саде
расцвела.
Ой, в саде расцвела, ой да на ту пору...

Христя вздохнула, переждала секунду, набирая дыхания, и слезинка прокатилась по ее щеке.

Да на ту пору, на то время
Мать дочь родила.

Голос у нее был глубокий, задушевный, и пела Христя будто не горлом, а сердцем, таким же большим, как и сама она.

Мать дочь родила,
Да ой, не собравшись с умом да разумом,
Замуж отдала-а...



После этих слов Лека неожиданно понял, что случилось какое-то несчастье.

...замуж отдала за такого детинушку,
ой, что за горькую пьяницу
да за разбойничка...

Мать вдруг вздрогнула — и телом и лицом,— уронила голову на стол, страшно, тихо завыла. Лека испугался, и слезы покатились из его глаз сами собой. Он обернулся, глядя на баб, а они, тревожно смотревшие на мать, вдруг вздохнули, лица их размягчились, будто свалилась с плеч какая-то гора, и запели тоже вместе с Христей.

Рассержусь я на маменьку, на родимую,
Не приеду в гости к маменьке
Ровно три года.
На четвертой год
Пташкой прилечу.
Ой пташечкой, да сизой пташечкою,
Да во зеленый сад.

В ушах у Леки стоял какой-то стеклянный звон, и он слушал песню, будто в полусне.

Чья-то рука взяла его за плечо, и Лека оказался у деда Антона. Тот прижал его голову к себе и сказал:

— Батьку твово убили на войне.

Лека закричал диким, пронзительным голосом, но бабы не замолчали, только посмотрели на него жалостливо и пели дальше:

Сяду в садик да на яблоньку,
Да на кудрявую
И спою я песню жалобную,
И спою я песню жалобну,
Да жалобнехоньку-у...

5

На другой день мать поднялась рано, когда еще спал даже дед Антон, и долго бессмысленно бродила по избе, выходила в сени, обошла ограду, а потом принялась чистить закоптелый дедов чайник. Она терла его мокрой тряпицей с песком, тихо, чтобы не разбудить деда и Леку, всхлипывала и подолгу терла одно и то же место. Песок поскрипывал, и Лека проснулся от этого тихого скрипа. Он спустился с полатей вниз, подошел к матери босой, в одной нательной рубахе и латаных кальсонах и прижался к материнской груди.

Она гладила его нестриженую, лохматую голову, захлебываясь в слезах и сдерживаясь, чтобы не перейти на громкий, безудержный плач.

Лека рано пришел в школу. Его встретила уборщица тетя Катя с засученными рукавами и мокрой тряпкой в руках. Увидев мальчишку, она было всполошилась и зашумела, но потом вдруг замолчала, разглядев его, и пустила в класс.

Лека сел за свою парту. Спрятал холщовую сумку с книгами. Сумка за два года, пока он учился, пообносилась, нижний угол ее был залит чернилами, потому что однажды они после уроков дрались на улице сумками и Лека разбил свою непроливашку.

Он опустил крышку парты и облокотился, глядя на карту, на которой флажки подошли совсем близко к синей жилке.

Лека вспомнил, что у отца на руке, чуть повыше ладони, тоже была такая голубая жилка. Когда отец колол дрова или чертил свои чертежи, жилка вздувалась и становилась синее.

Лека все никак не мог вспомнить отца целиком, всего, полностью. Он явственно видел отцовскую жилку на руке, родинку на шее, помнил, что, когда он был совсем маленьким, отец пел ему странную песню, где были такие слова:

Черные силы мятутся,
Ветер нам дует в лицо...

Еще он припоминал тот день, когда началась война.

Тогда играл патефон, и на траве сидела мать, нарядная, с косой, уложенной на голове толстым калачом. Коса была золотистая, красивая и поблескивала на солнце.

На скатерти стояли бутылки с каким-то питьем, а рядом с матерью сидела мамина подружка, тетя Лена, а с другой стороны — отец и дядя Миша.

Потом отец с дядей Мишей пошли зачем-то в магазин, но очень быстро вернулись. Лека запомнил, что они вошли в сад, не закрыв калитки, шли очень быстро и тревожно, а когда подошли, мама и тетя Лена над чем-то громко смеялись.

Потом они утихли вдруг, увидев бледные лица отца и дяди Миши. И тогда отец сказал:

— Война с Германией!

Лека не знал, что́ это — Германия, только потом, в эшелоне, когда немцы бомбили их, какая-то женщина крикнула громко: «Ух, германцы проклятые!» — и он понял, что немцы и германцы — это одно и то же и что, наверное, Германия—так называется их страна.

Потом отец уходил на войну, и за спиной у него висел тощий зеленый мешок. Он не взял ничего лишнего.

Лека вспомнил еще, как он с мамой, когда отец уже воевал, вернулся домой из детского садика. Сыпал тихий снег, а в голубом почтовом ящике краснела обложка «Мурзилки».

А потом был эшелон, свист бомб, телега с усталой лошадью, которая привезла их в деревню с веселым именем Суднишонки.

Нет, Лека никак не мог вспомнить отца. Он и раньше это пытался сделать, но не получалось и тогда, хотя он ясно видел широкие отцовские брови и серые глаза. Мать не раз говорила, что Лека весь в отца, а значит, будет несчастливый, потому что мальчики должны походить на матерей, а девочки на отцов, иначе им не повезет в жизни.

Отец в его памяти состоял из частей, которые он хорошо представлял,— руки, брови, глаза, зеленый мешок и гимнастерка,— а вот сложить эти части воедино он никак не мог. Раньше, когда отец был жив, это еще прощалось, но сейчас то, что он не может вспомнить отца, казалось Леке кощунственным.

Скрипнула дверь, и в класс вошла Нюська Светлячок. Она подошла к Леке и села рядом с ним, положив на парту зависть всех мальчишек противогазную сумку,— в ней Нюська носила книги.

Лека отвернулся и стал смотреть в окно. Он слышал, как в класс приходили ребята, потом прозвенел звонок и пришла Мария Андреевна, зябко кутаясь в свою шаль.

Он все глядел за окно. У него болела голова, он ничего не слышал, что говорили в классе. Ему все было безразлично, раз нет теперь отца и раз такое серое лицо у матери. Он пытался вспомнить, что пела вчера тетка Христя, но никак не мог припомнить слов. Такую песню он никогда не слыхал. И других песен, которые бабы пели потом, он тоже не знал.

К нему подошел Санька Рыжий и сказал:

— Ну ты, слабак. Догони меня, Лелечка!

Лека не повернулся. Он слышал только, как кто-то хлопнул Рыжего по башке книгой, и тот обиженно зашипел. «Наверное, Нюська»,— вяло подумал Лека.

На второй перемене к Леке подошла Мария Андреевна. Он оторвался от окна и посмотрел на нее. Из-за учительницы выглядывала Нюська.

— Ты отдохни, Валерий,— сказала Мария Андреевна.

Она помолчала, потом посмотрела на Нюську, обернувшись, и добавила:

— А тебя, Анюта, я тоже отпускаю. Идите в деревню вместе.

Лека машинально удивился. Анюта. Какое, оказывается, красивое имя у Нюськи! Анютины глазки. Цветы такие бывают.

Они шли по старой, вдоль и поперек исхоженной дороге. Только сегодня Лека шел по колее, а Нюська — по канаве, где лежали осенние клады — золотые листья.

— Нюська,— спросил Лека,— а почему бабы тебя кличут Нюська Колихина?

— Это значит, отец у меня Коля был. Николай. Вот и кличут...

— Почему ты говоришь «был»? Где он?

Нюська помолчала минуту и сказала тихо:

— Убили на войне. Как и твоего.

Лека остановился пораженный и переспросил растерянно:

— Убили?

— Еще в том годе,— сказала Нюська.

— Году,— поправил он ее механически, все еще пораженный.

— Еще в том году,— сказала Нюська.

6

Теперь уж Саньке Рыжему была отрада. Как только Лека с Нюськой появлялись в классе, он орал во всю мочь:

— Жених и невеста! Жених и невеста!

И ребята смеялись. Они, наверное, тоже думали, что Лека и Нюська — жених и невеста, потому что они в школу и из школы в свои Суднишонки всегда теперь ходили вместе. К тому же Лека звал Нюську не Нюськой, а Анютой. Он-то делал это назло Саньке и остальным. Но они говорили, что он Нюську полюбил, потому так и зовет. Дураки!

Лека попробовал было врезать Саньке Рыжему, да опять не догнал его в своих сапожищах, будь они прокляты.

Странно, ребячьи обзывательства на Леку не действовали. Он каждый день шел с Нюськой, и даже в голову ему не приходило куда-нибудь спрятаться от нее. Больше того, когда не было Нюськи, он ходил как потерянный. Будто чего-то не хватало.

Анюта жила в дальнем конце деревни, и Лека, выходя из избы, всегда поджидал, пока она подойдет. За околицей лежали три километра кочковатой, неразъезженной дороги.

Шуршали под ногами листья, пожухлые, посеревшие уже, а долгая, теплая осень не хотела уходить. В небе клубились быстрые, низкие облака, иногда проливался дождь, но потом снова выходило солнце, и дорога медленно просыхала, оставляя неглубокие, хрустальные лужи.

Нюська рассказала Леке, что, оказывается, Мария Андреевна совсем еще молодая, только кажется такой старой, и замуж вышла совсем недавно, в субботу, перед войной, а в воскресенье муж ее, тоже учитель, ушел на войну, и с тех пор не получила она от него ни одного письма. И похоронной тоже не получила. Это говорила школьная уборщица, тетя Катя, когда приходила к Нюськиной матери, они с ней еще с детства дружат.

Лека выслушал Нюськин рассказ без удивления, он теперь этому не удивлялся. Только боялся, что придет похоронная деду Антону на его сына Ивана. Он очень боялся этой похоронной, боялся и ждал ее. Ему почему-то казалось, что тогда дед Антон не вытерпит такого горя, умрет, а без деда он не представлял, как будет жить дальше. Вот отца убили, нет его больше, и это горе для него, Леки, но если не будет деда Антона, это будет еще большее горе.

Лека представил себе деда Антона в гробу и испугался сам себя, испугался, что к нему лезут такие мысли в голову.

Потом они прочитали «Тимура и его команду», прочитали по очереди, аккуратно перелистывая лохматые, обтрепанные страницы, и решили, что надо, как в книжке, нарисовать звездочки на домах. Только на тех, где кто-нибудь убит на войне.



Вечером, когда стемнело, они, взяв с собой мелок, украденный из школы, пошли по деревне. Когда прошли одну сторону, на каждой избе рисуя звездочку, Нюська остановилась и сказала:

— Пошли назад.

— Почему? — спросил Лека.

— На всех избах звездочки рисовать надо. Только у Христи никого на войне нет. Никого у нее нет.

Леку потрясли эти слова. В Суднишонках, хоть, правда, деревенька и небольшая, нет избы, где бы кто-нибудь не погиб на войне: или муж, или брат, или сын, или зять...

Они шли обратно, к Лекиному дому, обходя лужицы.

— А почему Христя плачет и поет? — спросил Лека, и Нюська поняла, о чем он.

— Жалеет, значит. Жалостливая она.

Жалостливая...

Дома в ограде дед Антон колол дрова. Когда Лека зашел в избу, мать сидела за столом и ничего не делала, просто сидела и глядела, задумавшись. После того дня все у нее валилось из рук, и она часто сидела вот так, как сейчас.

Увидев Леку, мать поднялась и поставила миску со щами. Поставила и снова села, думая о своем.

Мать здорово изменилась за последнее время. Когда приехали в Суднишонки, она была еще совсем молодой и выделялась среди деревенских баб, похожих на старух.

Потом она положила свое городское пальтишко в дедов сундук, а сама надела стеганку умершей дедовой бабки, серый платок и по одежде стала такой же, как остальные бабы, — похожей на старуху.

Но это только казалось, что она старая, из-за одежды. А глаза у матери были красивые, черные, и глядели они молодо из-под старушечьего платка. Мать похудела, кожа ее пожелтела, а глаза по-прежнему смотрели по-молодому.

Лека хлебал несоленые щи и глядел на мать, совсем старуху. Желтая кожа на лице и тусклые, бесцветные глаза.

Он хотел было сказать ей, что она забыла посолить щи, но потом раздумал и сам полез в печной глаз за солонкой из зеленого и толстого пузырчатого стекла. Мать так ничего и не заметила. Она глотала бессолые щи, а сама все смотрела и смотрела в стенку.

Вошел дед Антон с охапкой смоляных поленьев и затопил печку.

Из печной полки вылез, разогревшись, отопок — черный, толстый таракан — и пополз по белой стене.

Дед взял его за бока, поглядел, как тот барахтает в воздухе лапами, и сказал:

— Ишшо говорят, тараканы шастье несут.

Мать оторвалась от стенки и протянула:

— Да-а.

И неизвестно, чему она это сказала — дедовым ли словам или своим мыслям.

Говорили в избе с того дня мало. Молчал дед, а мать и подавно. Лека тоже не лез к ним со своими разговорами, он обо всем говорил с Нюськой, а дома все больше молчал.

Одна мысль не давала ему покоя. И когда он с Нюськой разговаривал и когда оставался наедине. И вот сейчас, когда дед сказал про таракана, эта смутная, неясная мысль стала четкой и понятной.

Раньше Лека не понимал, почему дед радовался, что старуха умерла весной, в сорок первом. Теперь, когда Антон держал в руке таракана и глядел на него так, будто этот черный огарок принесет счастье, Лека вдруг понял, что дед Антон радовался не смерти своей старухи, а тому, что она умерла до войны, не дождавшись ее и так не узнав о ней.

Лека подумал, что он ни от Нюськи, ни от матери, ни от деда, ни от кого не слышал, чтобы теперь, в войну, кто-то умер своей смертью — от старости. Сейчас люди умирали только от войны, только от нее.

Даже Христина тетка, старуха Маковеевна, которая померла прошлой зимой, кончилась не просто так, а от какой-то болезни, о которой раньше, до войны, и не слыхивали.

Во всем была виновата война.

Дед постоял у печи, сунул таракана в печной паз и вздохнул, сказав неожиданно:

— Эх, счастьица бы.

— Счастьица бы, — как эхо отозвалась мать.

«Ну да, — подумал Лека. — Счастьица бы!» Вот о чем он думал столько времени. Счастья бы!

7

На другой день по дороге в школу Лека спросил Нюську. Даже не спросил, а сказал просто, но сказал как-то вопросительно, будто Нюська должна была ответить ему и помочь. Сказал серьезно, подражая деду и матери, как говорили это они вчера.

— Вот счастья бы! — сказал он.

Потом они долго шли молча, каждый думал о своем.

Листья больше не шуршали под ногами, они лежали мокрые и прелые от частых дождей и уже не казались дорогими кладами,

а были просто горкой черных и липких остатков осени.

Лека думал о том, что хорошо бы совершить какое-нибудь дело, от которого всем сразу стало бы хорошо и счастливо, и чтобы поганые немцы полетели вверх тормашками и припустили обратно.

Нюська думала тоже о чем-нибудь таком, что приносит счастье.

— Вот,— сказала она,— мать говорит, если черная лошадь дорогу перейдет, значит, счастье, а белая — значит, к беде.

— Это ерунда,— ответил Лека,— так каждый взял бы, на дорогу встал и ждал, когда черные лошади пойдут.

— Тараканы вот...— начала Нюська, но Лека только махнул рукой и вздохнул:

— Во всех избах тараканы...

Он вспомнил вечернюю деревню, когда они с Нюськой ходили рисовать звездочки, ходили считать горе. Ему снова сделалось жутко от мысли, что он, Лека, ничего не может поделать.

— ...или сверчок! — сказала Нюська.

Сверчка у деда Антона в избе не было. И у Нюськи не было тоже. Сверчков не было во всей деревне, это они знали точно.

Лека с Нюськой остановились. Они глядели друг на друга и улыбались. Конечно, сверчок! Вот кто принесет счастье Суднишонкам. Да только как его найти? Он живет в избах, в щелях или за обоями, и Лека его никогда не видел, даже на картинках.

— Я знаю, где его взять,— сказала Нюська.— У Саньки Рыжего. Он говорил, у них в избе даже два сверчка. Пилят и пилят, говорил, уроки учить не дают.

Точно, говорил, Лека тоже это вспомнил. Было это, когда Санька Рыжий получил в один день три двойки, и Мария Андреевна спросила его, почему он не учит уроков. Тогда Санька и сказал, что ему сверчки мешают.

— Удивительно,— сказала тогда Мария Андреевна, почему-то улыбаясь.— Другим людям сверчки счастье приносят, а тебе двойки.

— Не даст он,— сказал Лека.— Жадюга Санька! Даром что рыжий. Рыжие, говорят, добрые.

— Даст,— ответила Нюська.

— Не,— сказал Лека,— бесполезный разговор.

— Даст...— упрямилась Нюська.— Я ему свою сумку отдам.

Лека посмотрел на ее противогазную сумку. Жалко отдавать сумку этому Рыжему Саньке. А Нюська — молодец, ничего не жалеет.

— Ну, за сумку, пожалуй,— сказал он. С Санькой они решили поговорить сразу же, не откладывая дело в долгий ящик. Но, как назло, Рыжего в классе не оказалось. Они, волнуясь, прождали его до самого звонка, Санька так и не появился.

На переменке Лека и Нюська договорились, если Санька не придет, после уроков пойти к нему домой. Он жил в Матанцах, деревне недальней, всего в километре от школы. Так и так к Саньке надо было идти: сверчок-то жил у него дома.

Все уроки Лека с Нюськой просидели как на иголках, вертелись и шептались. Только однажды они утихли, когда Мария Андреевна оторвалась от чистописания и стала рассказывать про звезды.

Лека поднял руку. Мария Андреевна кивнула ему.

— А бывает,— сказал он,— звезды падают. Я видел.

— Бывает,— ответила Мария Андреевна. Она почему-то задумалась и посмотрела в окно. Леке показалось, что она чем-то походит на мать. Потом понял — платок. Платок, постарушечьи надвинутый на лоб. Хоть он у Марии Андреевны и пуховый, мягкий, не то что у матери, но все равно в нем учительница походит на старуху, хоть она и совсем молодая, как говорила Нюська.

— Бывает,— повторила Мария Андреевна, по-прежнему глядя в окно на пасмурное, низкое небо.— Есть даже такая примета: загадай желание, пока звезда падает, и оно обязательно сбудется.

Дорога до Матанцев — всего один километр, в три раза ближе, чем до Суднишонок, но Леке с Нюськой она показалась страшно длинной.

Лека придумывал всякие слова, которые надо было сказать Саньке, чтобы получить сверчка и в то же время не уронить свое достоинство.

Например, можно было начать так:

— Мы пришли к тебе, Саша Соловьев, как к человеку...

Нет, это не то. Санька может обидеться, сказать: «А что, я не человек, что ли?»

Можно, конечно, было бы сказать так:

— Сашка, будь другом...

Но это уж слишком. Даже если Санька и даст сверчка, так другом он никогда не будет, не такой он, Лека, человек, чтобы предлагать ему дружбу.

Наконец Лека придумал. Такое начало ему самому понравилось.

— Саша, выручи нас и всю нашу деревню Суднишонки.

Впрочем, слово «Суднишонки» можно не говорить, потому что, во-первых, Сашка и так знает, как называется их деревня, а во-вторых, раньше он смеялся над этим названием и говорил, что Матанцы лучше.

Избу Соловьевых они нашли быстро. Потом вежливо постучали и открыли дверь.

Лека сразу все понял. Как тогда, у них дома, на лавке сидела почтальонка Христя и пела ту печальную, знакомую песню, одной рукой обнимая женщину, видно, Сашкину мать.

Сашка лежал рядом, на желтой лавке, такой же, как и во всех избах. Другая тетка, приподняв его голову, поила его. Сашкины зубы стучали о кружку, и слезы падали прямо в воду круглыми, стеклянными горошинами.

Увидев Леку и Нюську, Санька сел и сказал громко:

— Братана убили фашисты!

И заревел громко, навзрыд, не вытирая слез, глядя на ребят широко открытыми глазами.

На столе, перед матерью, лежала фотокарточка. На снимке был молодой парень с чубом из-под фуражки и с гармошкой в руках.

«Это и есть Сашкин брат,— подумал он.— Эх, Санька Рыжий!»

Нюська что-то шепнула Леке на ухо. Он не разобрал.

— Открой свою сумку,— повторила она.

Лека удивленно послушался. В следующую же минуту он понял, что придумала Нюська. Она вытащила книжки и тетрадки из своей противогазной сумки и сунула их в холщовый Лекин портфель. Потом положила свою сумку рядом с Санькой, и они пошли к дверям.

На пороге что-то скрипнуло. Лека подумал, что скрипит дверь, но скрип был длинный, веселый, совсем некстати... Это сверчок! Тут же запиликало еще, и Нюська толкнула его: второй!

Они послушали мгновение, как пилят где-то за обоями знаменитые Сашкины сверчки, и вышли в сенцы.

8

Утром, едва только Лека натянул порты и, заспанный, еще не умытый, стоял, потягиваясь и ежась, дверь распахнулась, и явилась Нюська.

Дед Антон топтался у дверей, поджидая мать. Сегодня они вместе со всеми шли на картошку. Лека знал: дед пойдет за лошадью с плугом, аккуратно выворачивая картофельные рядки, а мать с ведром будет топтаться где-то сзади, отдирая от земли большие, крахмалистые картофелины.

Картошку должны были всю оставить в деревне, потому что нынче смолотили хороший урожай хлеба и сдали и за картошку хлебом. Бабы радовались, что в погребах будет полно картошки, хватит сытно перезимовать. Но дед Антон сказал Антониде, что и картошку надо, сколько положено, сдать государству. Дед просто сказал, и Антонида просто передала дедовы слова всем бабам, и никто не сказал ни слова, все согласно кивали головами, и вот сегодня все выходили на картошку.

Мать кивнула Леке, прихватила с печной приступки старые варежки, которые носила еще дедова бабка, и вышла вслед за стариком во двор.

Лека, уже умытый, уставился на Нюську, и она, перебивая сама себя, запинаясь, волнуясь, сказала, что надо «поймать звезду». Лека ничего не понял, только фыркнул:

— Какую звезду?

Тут Нюська все выложила снова, уже спокойнее и понятнее. Оказывается, она, как и Лека, все думала о том самом и вдруг вспомнила вчерашний школьный разговор, когда Мария Андреевна сказала, что, если падает звезда и что-нибудь загадаешь на нее, все сбудется.

Лека задумчиво прошел к печи, налил в дедов «корапь» жидкого чаю и стал пить, дуя и с шумом прихлебывая, совсем как дед.

Нюська сидела рядом, придерживая на коленках книжки, перевязанные обыкновенной бельевой веревкой, толстой и лохматой, и ждала Лекиного суда.

— Нет,— сказал он.

Ждать ему не нравилось. Вот кабы...

— Слушай! — вдруг вспыхнул Лека.— Слушай!

Он даже покраснел от своей прекрасной мысли.

— Нюська! Надо вот как!..

...В школу они не пошли. Чтобы сохранить силы. Мало ли сколько придется идти! Да ночью. По кочкам. А может, и по лесу. И приготовиться в дорогу надо.

Они привязали Нюськину бельевую веревку к Лекиной холщовой сумке, чтобы можно было нести, как мешок, через плечо. Нюська сбегала домой и принесла несколько холодных вареных картофелин и горбуху хлеба, а Лека сложил в сумку три ватрушки из клеверной муки, большую репу и даже морковь — на всякий случай, хоть он ее и не любил.

Потом они забрались на полати — подождать, пока стемнеет, и отдохнуть немного.

Они уговорились рассказывать сказки, кто какие знает. Оказалось, Лека знает больше Нюськи, и, когда у той кончился весь запас, он говорил уже один, вспоминая, какие сказки говорил ему отец там, в большом красивом городе, где жили они до войны.

Потом Лека увидел, что Нюська заснула под его сказки, и хотел было обидеться, толкнуть ее в бок, да раздумал, вспомнил, что впереди ночь, которую надо пройти пешком, и сам привалился к Нюське, к чистым ее золотым косичкам, выглянувшим из-под платка, и заснул тоже.

Проснулся он неожиданно. Нюська спала так сладко, что даже слюнка выбежала на воротник. Лека толкнул ее в бок, и она вскочила, непонимающе глядя по сторонам, потирая рукой красную щеку.

Наступили сумерки, но было еще светло. Они выскочили на улицу. Небо золотилось у края земли, потом постепенно голубело и, наконец, синело, у другого края становясь сиреневым.

Торопясь, Лека и Нюська забрались на крышу и по деревянным досточкам, прибитым к крутой ее спине, влезли на конек.

— Подождем,— сказал Лека.

Они уселись рядом, как два воробья, и стали глядеть в небо. Там, где небо было сиреневым, чуть заметно мерцали звезды. Ночь приходила тихо, неслышно.

Лека чувствовал себя легко и просторно, будто он стал частичкой всего этого: и медного, как ступа, заката, и ключевого воздуха, и птичьего толковища, и чуть слышных шорохов земли. Он не чувствовал ни своих рук, ни ног, ни биения сердца, он забыл, что Нюська рядом сидит. Оказавшись между землей и небом на коньке крыши, он будто растаял во всем, что его окружало.

Нюська толкнула Леку в бок, и он вздрогнул.

— Смотри,— шепнула Нюська, и Лека оторвался от красного зарева и посмотрел наверх.

Небо смотрело на них тысячами белых глаз. Одни из них подмигивали, другие смотрели цепко, не моргая.

— Ну, смотри! — сказал Лека.— Тебе эта половина неба, мне — эта...

Они зашевелились на коньке, повернулись спиной друг к другу и задрали головы.

Звезды висели низко, зачаровывая и маня. Безмолвное небо, странное черное небо с белыми крапинками смотрело на них, как волшебник, обещавший подарить счастье.

— Не пропусти! — прошептал Лека.

— Не бойсь!—как эхо, вздохнула Нюська.

Звезды висели на своих местах и не собирались падать, прочно, видно, приколоченные к небу. Как загипнотизированные, Лека и Нюська смотрели, не мигая, на них, ожидая, прося, моля, требуя чуда.

И оно свершилось.

Прямо перед Лекой с черного полотнища сорвалась звездочка и, прочертив золотую дорожку, упала в лес.

— Упала! —крикнул Лека, не отрывая глаз от того места, куда она упала.

— Где? — обернулась Нюська.

— Вон там, за той елкой, видишь?

Они заметили елку, по которой нужно было равнять путь, и быстро скатились с крыши. Вдалеке гремели ведра. С картофельного поля возвращались люди. Котомки с едой лежали на лавке.

9

Идти было страшно. Пока шли по полю, еще ничего, видно все хорошо, луна вовсю помогала, хотя она и тонкая еще была, серпиком. А в лесу стало совсем плохо.

Лека шел впереди и все время натыкался на кусты или елки. Он вздрагивал от прикосновения холодных, как чьи-то ладошки, листьев, кололся о хвойные иглы, но шел, стараясь не сбиться с дороги. А дороги не было. Лека просто шел прямо. Если прямо перед ним вырастала огромная сосна, он обходил ее и продолжал дорогу прямо перед ней, по ровной линии.

Нюська шла сзади, не хныкала, а поэтому Лека чувствовал, что за спиной есть защита, если чуть что.

Было тихо-тихо. Над головой по-прежнему блистали звезды, и Лека рисовал себе картину, как они с Нюськой выходят на поляну, а поляна вся горит в темноте, как хрустальный дворец. На поляне, на траве, еще зеленой, лежит осколок звезды — это он освещает поляну. Звезда горит, но не горячим пламенем, как уголья в печи, а просто светится голубым светом, и ее можно взять в руки и не обжечься. И как только они с Нюськой подходят к звезде и берут ее в руки, сразу наступает счастье.

Ему казалось, что счастье будет таким: все будут чувствовать себя так, как он чувствовал на крыше, и так же всем будет легко и свободно, и чего бы люди ни пожелали, все станет так, как им надо. И будет в доме какая-то настоящая мука, о которой часто говорит мать, и дед Антон закурит не самосад, а тонкую папироску, какую он курил до войны, покупая в сельпо, и найдется муж Марии Ан-

древны, и придет письмо от Ивана Антоновича.

Лека остановился, и у него оборвалось сердце, и нехороший комок подкатил к самому языку — в темноте гулко что-то захлопало, затрепетало. Лека остолбенел, до боли в глазах вглядывался в ночь, и только красные искры мельтешили перед ним.

— Не бойсь, — сказала Нюська, взяв Леку за руку.— Это, поди-ка, тетерка. Аль глухарь...

Лека, сам того не замечая, крепко сжал Нюськину ладошку и долго не отпускал, все еще не в силах отойти с перепугу.

Потом они шли рядом, держась за руки, шли, переступая через сухие ветки, проваливаясь в неожиданные ямки.

Лес то расступался, открывая поляну или большое поле, то они вновь входили в чащу, шагая прямо, прямо и только прямо.

На какой-то поляне, где было чуть посветлей, чем в лесу, они сели на кочки и достали еду. Ватрушки съели сразу же, и холодные картошки с Нюськиной горбушкой съели тоже. Осталась репа и морковка.

— Лека, — спросила Нюська, — а вдруг не найдем?

— Найдем! — сказал Лека. — Как же не найдем! Нам никак нельзя не найти. Да ты не бойся.



Потом они шли снова, и молчали, и говорили о пустяках и о школе, и снова молчали.

Страх перед лесом постепенно пропал, притупился. Может, потому, что они устали. Ноги у Леки болели, стертые этими проклятыми сапогами,— хотел лапти обуть, да забыл, когда торопились с крыши. Но он молчал и не жаловался, потому что жаловаться было нельзя.

З а ш е л е с т е л дождь. Лека с Нюськой постояли под елью, дожидаясь, когда он перейдет, но дождь не утихал, и скоро с веток на них закапало. Нюськин жакет набух и стал скользкий, как жаба. С подола Лекиного пальто тоже капало.

— Ну, пойдем,— сказал он,— все равно измокли.

Они почти побежали, натыкаясь на деревья, спотыкаясь, но все-таки старались бежать прямо, туда, где упала звезда.

Потом силы кончились, и они брели, еле передвигая ноги. Лес шумел, свистел, как разбойник, хлопал ветками, будто рукавицами. Ноги заплетались. Хотелось сесть, куда попало, и остаться тут, никуда больше не ходить.

— Не могу,— сказала Нюська и повалилась на землю.

Лека упал рядом, и они минуту лежали, не шевелясь. Перед Лекой сразу поплыли круги и зеленые сверчки с рогами, как у жуков. Он вскочил, собрав остатки сил, и схватил за руку Нюську. Она не поднималась. Лека наклонился поближе к ней и понял, что она спит. Лека стал трясти ее, толкать во все стороны, и Нюська что-то невнятно пробормотала. Наконец ему удалось растолкать ее. Он расстегнул сумку и достал репу, последнее съедобное, что оставалось у них. Морковку Лека не считал.

Нюська куснула репу и тут же снова задремала, но Лека легонько стукнул ее в бок. Нюська откусила еще. Съев репу, она будто ожила. Лека поставил ее на ноги, и они пошли дальше.

— Только не садиться! — повторял Лека. Он слышал это от кого-то из взрослых, что если идешь и устал, никак нельзя садиться.

Они шли неизвестно сколько, и Лека вдруг остановился. Усталость будто упала, как тяжелый камень, который неизвестно к чему долго тащил на загривке. Лека пихнул Нюську, и она уставилась туда же, куда смотрел он.

Впереди, за частоколом деревьев, светился яркий, голубой огонь. Лека и Нюська ничего не сказали друг другу. Они схватились за руки и помчались вперед, прямо к звезде, упавшей впереди на поляне. Они бежали и уже не чувствовали, как по рукам и по лицам их больно хлещут ветки, они проваливались в ямки и оступались на каждом шагу, потому что смотрели только вперед — на долгожданный огонь, к которому они шли так долго и так далеко.

Лека с размаху вылетел на полянку и остановился, как вкопанный. За спиной тяжело дышала Нюська.

На полянке, окруженной черными елями, горел костер. Они будто завороженные, подошли к огню. Вокруг никого не было. Лес, ночь, полянка и костер, разожженный неизвестно кем.

10

— Ну,— сказал им кто-то,— а вы откуда?

Они обернулись. Сзади стоял человек в брезентовом плаще. Вместо одной ноги у него торчала палка. Нюська боязливо прижалась к Леке.

— Что ж вы одни ночью-то, а? — спросил человек и подошел к костру, сел, протянув к огню свою липовую ногу.

Лека и Нюська молчали.

— Наверное, ищете что-нибудь? — опять спросил человек и улыбнулся.— Да я вижу, вы неразговорчивые.

Лека зашевелился. Действительно, молчать было неудобно. Ведь не съест же он их, по лесу столько шли, а человека испугались. Лека вдруг решился.

— Дядя, — спросил он, — а тут звезда не падала, вы не видели?

— Звезда? — переспросил человек. — А-а, звезду видел.

Он достал из кармана кисет, завернул цигарку и задымил. Лека успел уже хорошенько его разглядеть. Лицо у человека было круглое, обыкновенное, ничем не приметное. Только вот морщинок много — и на лбу, и у носа, и у губ, а вроде не очень старый. В темноте, недалеко от костра, лежал мешок. Обыкновенный мешок, дорожный, зеленый, с таким же мешком отец на войну ушел.

Человек оторвался от цигарки, посмотрел на Леку с Нюськой и спросил:

— Видел, видел вашу звезду. С неба упала. Да. А она зачем вам?

Лека, раскрыв рот, глядел на человека, который видел, где упала звезда.

— Так зачем? — переспросил человек.

Нюська толкнула Леку локтем: ну, говори скорей! Лека замялся. Как бы это попонятнее объяснить ему, ведь и не поймет.

— Вот когда звезда падает,— сказал он,— можно загадать чего-то. И желание это сбудется...

— Ну, ну, — подбодрил человек.

— А сидеть и ждать, когда оно сбудется, мы не можем никак,— добавила Нюська.

— Правильно,— сказал человек.

— Ну вот мы и пошли искать ту звезду, которая упала. Заметили, куда упала, и пошли,— сказал Лека.

— Вот что,— неизвестно кому сказал человек и задымил своей цигаркой. Он дымил долго, и глядел на огонь, будто и забыл, что рядом сидят Лека с Нюськой. Потом он все-таки посмотрел на них, слегка улыбнулся и спросил:

— А что же вы загадали?

— Счастье,— тихонько сказала Нюська.

— Счастье,— выдохнул Лека.

Человек покивал головой и опять задумался. Леке показалось, что тот не поверил, и он добавил:



— У нас в деревне в каждой избе убитый на войне есть...

— А сверчки не помогают,— неизвестно к чему прибавила Нюська, и Лека, вместо того, чтоб толкнуть ее в бок, согласно кивнул головой.

— Дядя! — спросил он. — А куда она упала?

Человек посмотрел на него и сказал, кивнув в сторону:

— Да вот сюда.

Лека вскочил и побежал к тому месту, куда указал человек. Нюська бросилась вслед за ним. Они упали на коленки и стали ползать по сырой земле, вороша руками листья и траву.

— Не ищите! — крикнул человек.— Я ведь подобрал. Идите сюда.

Он с трудом поднялся, глубоко в мягкую землю втыкая свою деревянную ногу, и подошел к мешку. Лека даже чуть зажмурился, ожидая, что яркий, жгучий свет упавшей звезды ослепит его сейчас, когда незнакомец достанет ее из мешка.

Но человек вытащил коричневый камень не больше кулака и протянул его ребятам.

— А почему она не светится? — спросил Лека.

— Погасла,— отвечал мужчина.— Пока вы сюда шли, погасла, а я ее в мешок.

Лека разглядывал звезду со всех сторон, и Нюська вырывала ее из его рук. И он отдавал ей, а потом снова забирал эту маленькую звезду. Странно, она совсем не была похожа на то, что представляли они. Обыкновенный камешек, вот и все.

Небо вызвездило. Сжав в кулаке упавшую звезду, Лека уснул, привалившись к Нюське.

Проснулись они от лошадиного ржанья. Открыв глаза, Лека увидел мать. Вчера вечером, когда они, заслышав бренчанье ведер, уходили к лесу, Лека подумал, что им за все это хорошенько достанется, а мать вместо того, чтобы плакать или ругать его, смотрела и улыбалась. И в глазах у нее горели огоньки, которых он не видел с того дня, когда пела Христя в их избе. Она улыбалась, ерошила его волосы, а рядом причитала Нюськина мать, прижимая Нюську к животу, а та тоже ревела, как белуга. Есть, говорят, такая рыба, которая умеет реветь.

В сторонке, возле телеги, стоял дед Антон и говорил с человеком, у которого одна нога была деревянная.

Матери усадили Леку и Нюську на телегу, подошли к человеку в брезентовом плаще и чинно пожали ему руку. Дед Антон на прощание закрутил цигарку и отсыпал самосаду в широкий карман человека.

Потом дед Антон развернул лошадь, и они поехали по подсохшей, мягкой дороге.

Телега тряслась мелкой дрожью на кочках, и Лека все ждал, когда мать, и Нюськина мать, и дед Антон начнут ругать их или, хуже того, спрашивать, куда да зачем они убрели из дому. Но странно, все молчали и даже вроде не собирались их допытывать.

— Да-да, — сказал дед Антон, — знать, будет у нас город после войны. Возле такого завода непременно город должен быть, не менее.

— Вот ведь как бывает,— сказала задумчиво мать.— Кто бы мог подумать, что ходим по такому богатству.

— Ну-кось,— обернулся дед к Леке,— покажь вашу звезду.

Лека протянул звезду деду, и тот, цепко ухватив ее коричневым пальцем, долго смотрел, внимательно оглядывая со всех сторон.

— Звезда! — сказал он. — Как есть звезда! Берегите ее. Показывать потом всем будете, как редкую ценность.

Лека с Нюськой переглянулись.

Лошадь изредка поцокивала копытами по мелким камешкам.

— Слышь-ка, Маш,—сказала вдруг Нюськина мама,— вчера-то я в хлопотах и забыла. Катя, подружка моя, прибегала. Уборщицей в школе работает. Нашелся муж-то у Марьи Андреевны!

Мать всплеснула руками. Дед Антон обернулся к Нюськиной матери, намотав на кулак вожжи. Лека и Нюська подались вперед.

— Да-да, и не говори. В окруженье попал, партизанил. Орден получил. Письмо пришло ей, Марье-то Андреевне. Ну хоть оживет девка-то!

Лека с Нюськой прыснули. Нюськина мать спохватилась, что назвала учительницу девкой, потом махнула рукой и прикрикнула:

— Цыц, вы, огольцы!

И тут же рассмеялась, весело и свободно. И Лекина мать засмеялась тоже, и все они. А дед Антон повернулся к лошади, подставил ветру навстречу свою белую бороду и озорно, по-молодому, дурачась, крикнул:

— А ну, залет-тныя-я!

ПЯТЬ ЧАСОВ В ОДИНОЧЕСТВЕ

РЕПОРТАЖ ИЗ СУРДОКАМЕРЫ

Сурдокамера... Ее не обманешь, говорят ученые. В ней человек виден как на ладони...

Военный журналист О. Назаров провел в сурдокамере много часов. Прочитайте его рассказ.

...Тяжелая — весом около четырехсот килограммов, — массивная дверь. Резиновые прокладки по краям делают ее похожей на увеличенную дверцу холодильника. За дверью тамбур, потом еще две двери, тоже с резиновыми прокладками. На высоте роста человека — круглый иллюминатор, прикрытый стальной заслонкой.

Мой провожатый нажимает на аварийную кнопку — и над пультом с телевизионными экранами вспыхивает табло с красной надписью «Авария». Шипит где-то сжатый воздух. С глухим щелчком поворачивается длинная ручка, и дверь беззвучно, толчками отворяется. Видно, как в глубине тамбура так же беззвучно открываются вторая и третья двери, как будто здесь прошел человек-невидимка...

Я переступаю порог.

Сурдокамера ярко освещена лампами, укрепленными наверху. Первый отсек, как матросский кубрик: две койки одна над другой. Нижняя раскладывается, получаются два мягких кресла и складной столик между ними.

В небольшой шкафчик вмонтирована электрическая печка, на ней — чайник и посуда. На другой стене — холодильник и шкаф, где хранятся одежда и одеяла.

За переборкой — второй отсек, рабочий. Он чуть побольше. Три металлических столика, панель с приборами в углу. На столиках — тоже панели. На них две кнопки, пять выключателей, пять разноцветных лампочек. Микрофон. Тридцать два (это я подсчитал позднее) гнезда для включения датчиков. Настольная лампа.

Прямо перед лицом сидящего за столиком — окно для наблюдения за ним. За окном укреплен киноаппарат. Второе большое окно в бытовом отсеке и третье выходят в санитарный узел. Около самого потолка на переборке укреплены два аппарата подслушивания — очень чувствительные. В камере вообще нет «мертвого пространства»: в любом месте она просматривается и прослушивается. А в соседнем помещении, где находятся ученые, четыре телевизионных экрана и усилитель шумов, возникающих в камере. Человек здесь действительно как на ладони.

Но вот объяснения закончены. В камере постелили постель, принесли мыло и полотенце, поставили кресло — можно начинать.

— Закладываем, — говорит экспериментатор.

Я не сразу понимаю, что речь идет обо мне.

Итак, «закладываюсь». Одна за другой закрываются двери. Что-то скрипит, потрескивает. Потом наступает тишина. И чем дальше, тем больше она, если можно так сказать, усиливается. Тишина полная, абсолютная. Как будто заложило уши.

Итак, опыт начинается. Я знаю, что за мной, за моими действиями будут наблюдать. Знаю, что десятки приборов за стеной уже начали регистрировать малейшие изменения моего пульса, давления крови, частоты дыхания, биотоков мозга, влажности кожи...

К концу опыта ученые сопоставляют показания приборов, тщательно изучают их и дают оценку поведения человека: готов ли он к космическому полету, сможет ли правильно действовать в обстановке абсолютной изоляции и в тех случаях, когда условия полета меняются самым неожиданным образом...

Но пока все тихо, спокойно. Сажусь за стол и пробую писать. Громко (как громко, оказывается!) скрипит перо, стучат часы...

Вдруг все взорвалось! Я отшатываюсь. А динамик продолжает грохотать. Какая-то дикая музыка. Потом чуть насмешливый голос:

— Психологическая проверка. Больше до вечера не будем включать. Как меня поняли?

Я молчу. Что же говорить, когда наблюдающий, конечно, видел как я отпрянул от столика?

— Как поняли? — повторяет он.

— Понял, понял, — тороплюсь я. «Как бы не подумали, что от неожиданности я потерял дар речи», — мелькнуло у меня.

Проходит еще час. Сижу,



Это почти автопортрет. Алексей Архипович Леонов сделал рисунок после очередной тренировки в сурдокамере.

пишу. И снова вой сирены. Вздрагиваю, но писать продолжаю (что-то сумбурное, потом зачеркиваю).

Спустя еще час смотрю на стрелки и на динамик: сейчас опять завоет? Нет, молчит. Значит, его включают не через равные промежутки времени.

Прошло три часа. Ну что же, терпеть можно. Правда, уж очень медленно движется стрелка. Да и свет раздражает — мертвый, холодный.

Один из техников перед моей «закладкой» с улыбкой сказал, что нескольких часов достаточно, чтобы получить представление об одиночестве. Я убеждаюсь, что он прав.

Большинство испытавших это вынужденное одиночество в сурдокамере утверждали, что самое трудное — первое время, первые дни. Я им верю. Не могу представить, как могли люди неделями, месяцами находиться в сурдокамере. Страшная это штука — одиночество, тишина, однообразие.

Конечно, если бы не думать, забыть о том, что за тобой наблюдают, было бы легче. Но забыть об этом я не могу.

Начинаю думать, что не худо бы закрыть хоть некоторые окошечки. Уж очень их много! Три больших, примерно сорок на сорок сантиметров, и три поменьше — в две спичечные коробки каждое. Шесть в одном отсеке, два во втором. Как на витрине магазина — со всех сторон виден.

Никак не могу угадать, сколько прошло времени — полчаса или десять минут.

Рассказывают, как одному испытуемому в сурдокамере поставили часы, которые за десять суток отстали ровно на двадцать четыре часа. Когда открыли камеру и сказали, что прошло десять суток, парень не поверил. За это время он прожил всего девять суток! Весь распорядок работы и отдыха у него был иной. Спал днем, думая, что ночь, и наоборот. Растянуть или спрессовать время в сурдокамере — дело несложное.

Я пытаюсь представить, как вели себя в сурдокамере космонавты.

Мне говорили, что большинство из них испытание тишиной считали самым трудным:

— В конце одного опыта испугались за Валю Терешкову. Чуть было не прервали испытание.

А дело было так. Она просила включить ей во время отдыха музыку. Первый концерт Чайковского в исполнении Вана Клиберна. Репродуктор включили на десятый день. Реакция на музыку была такой сильной, что врачи сначала растерялись: почти в два раза участилось дыхание, лицо стало возбужденным. Но потом поняли, что все это произошло просто от волнения. Конечно, эксперимент довели до конца.

...Уже четыре с половиной часа я в сурдокамере!

Ловлю себя на том, что слышу какие-то шумы — как будто ветер качает верхушки деревьев, шелестит листвой. Вслушиваюсь — шум исчезает. Тишина, будто заложило уши. Как будто что-то давит на барабанные перепонки. Займусь-ка я едой, чтобы быстрее прошло время!

Поел, но без всякого аппетита. Не столько ел, сколько слушал, как я это делаю. Оказывается, шумно, до неприличия шумно, даже самого меня это раздражает. Упала крошка хлеба — слышно! Пошевелил рукой — слышно! Голову повернул — шуршит воротник рубашки. Провел рукой по лицу — шуршание на всю комнату.

Удручающая, какая-то зловещая тишина. Неземная. Недаром Валерий Быковский назвал ее гнетущей. Можно, конечно, заставить себя привыкнуть к ней, но полюбить ее, наслаждаться ею, как казалось раньше (работай, мол, пиши, занимайся — никто и ничто не мешает), невозможно.

Стены и потолок облицованы дюралевыми листами со множеством отверстий, вроде сетки. Кажется, будто за мной наблюдают сквозь все эти бесчисленные отверстия.

...В назначенное время раздается легкий скрип, и дверь медленно открывается. Опыт закончен.

Прежде чем расстаться с моим провожатым и учеными, которые все это время наблюдали за мной, задаю несколько вопросов:

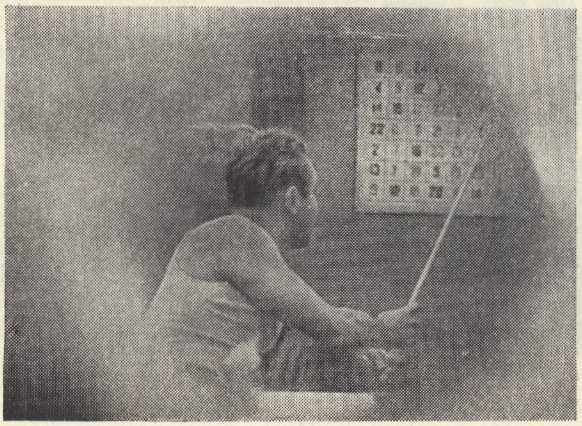
— Почему здесь рабочих мест три, а постели две?

— Все оборудовано, как в кабине космического корабля. В полете один всегда будет бодрствовать: следить за показаниями приборов, вести ориентировку, связь с Землей, — дел ему хватит, — пояснили мне.

— А когда здесь были космонавты, все было так же? — спросил я. — Им тоже включали шумы? Интересно, как они реагировали?

— Были, и совсем недавно. Сурдокамеры никто из космонавтов не миновал. И раздражители им тоже включали. Только реакция у них не так ярко была выражена. Но, во всяком случае, противопоказаний к полету мы и у вас не нашли.

Слова эти, сказанные с улыбкой, было очень приятно услышать.





В камере — Герман Степанович Титов. Через многочисленные окошки и люки идет наблюдение.



Эдуард ШИМ

СЫН ГИПНОТИЗЕРА

Рисунки Ю. КОРОВИНА.

Он появился в нашей школе зимой, в декабре месяце, незадолго до зимних каникул. И как раз в это время в нашем городе повисли огромные черно-красные афиши; на них было изображено замкнутое, застывшее лицо человека с пронзительными глазами, черное лицо, как бы освещенное красным огнем, и внизу надпись: «Зиновий Гордон. Психологические опыты».

Это был его отец.

И я хорошо представляю, как этот мальчик вошел первый раз на занятия в 6-й «Б» класс и назвал свою фамилию — Гордон, и в 6-м «Б» тотчас пробежал по партам шумок, прокатилось легкое движение, потому что ребята уже помнили эту фамилию, видели афиши на заборах, слышали разговоры взрослых о «гипнотизере», мечтали его увидеть... И, разумеется, едва мальчик сел за парту, как его спросили: «Тот самый Гордон?»,— и он утвердительно кивнул, и тогда все головы в классе повернулись к нему, и десятки глаз следили за каждым его жестом. А он сидел за своей партой, чистенький, изящный, с волосами, расчесанными на пробор, в отглаженной школьной курточке, которая выглядела на нем почти как вечерний костюм — красиво, строго, даже изысканно, и незаметно было, что его волнует всеобщее внимание.

Я не веду уроки в 6-м «Б», у меня два параллельных класса. И все же я сразу о нем услышал, вся школа заговорила о том, что у нас учится «сын гипнотизера», и в переменки со всех этажей сбегались ребята к 6-му «Б», чтоб взглянуть на знаменитого мальчика. И вскоре всем стало известно, как ведет он себя на уроках, какие предметы любит, а какие не любит, из уст в уста передавались его высказывания. Иногда они и вправду бывали занятными. Славка Шепелев, ученик из моего класса, по лотерейному билету выиграл стиральную машину. Что ни говорите, а это тоже было событием, и мой

Славка Шепелев прославился бы, если бы не знаменитый мальчик из 6-го «Б». На перемене Славка всем показывал лотерейный билет, лицо у Славки сияло наивным восторгом.

— Вот,— сказал он Гордону,— можно машину забрать, а можно деньгами... Целый год буду в цирк ходить!

— Глупо! — коротко и спокойно сказал Гордон. Славка опешил. И кругом все ребята затихли.

— Это почему же... глупо? — спросил Славка.

— Подумай! — ответил Гордон.

Славка подумал, наморщив лоб, и честно сознался:

— Не понимаю...

И тогда знаменитый мальчик объяснил. Он говорил спокойно, обстоятельно, точными фразами. Он сказал, что не любит эти лотереи как таковые. Что они немногим отличаются от игры в карты. Что в нашем обществе действует принцип: кто не работает, тот не ест. А тут можно выиграть деньги, не работая. И что это нечестно. И что глупо радоваться, приобретя деньги нечестным путем.

— Что же мне их, обратно отдать? — спросил сконфуженный, растерявшийся Славка.

— Как знаешь,— ответил Гордон.

Об этом разговоре немедленно стало известно во всей школе, и мои шестиклассники, которым прежде и в голову не приходило задумываться над философско-экономическими принципами общества, вдруг заспорили, закипятились. Большинство поддержало Гордона, и я думаю, что в эти дни продажа лотерейных билетов в нашем районе заметно снизилась.

А знаменитый мальчик все продолжал удивлять. Он уже, как говорится, «вошел в наш коллектив», и ребята начали привыкать к нему,— в детстве очень легко привыкаешь даже к самому необычному. Называли его запросто Миша, Мишка, делились в школьном буфете булочками, клянчили контрамарки. А он, уже свойский, привычный Мишка, вдруг поворачивался совершенно неожиданной стороной.

К Новому году в школе готовился концерт самодеятельности. Мишу попросили выступить. Он пришел на репетицию, поднялся на сцену и очень спокойно, почти равнодушно показал серию сногсшибательных фокусов. Из карманов своей школьной курточки он доставал бумажные ленты, цветы, воздушные шары, из горящих бумажных кульков он выливал воду, громадной иголкой он протыкал себе ладони... Не только школьники, сами учителя, сидевшие на репетиции, охали и вскрикивали. Но когда потом, на следующий день, ребята упрашивали его повторить какой-нибудь фокус, ничего не вышло. Миша отказался. На все мольбы, на все уговоры: «Ну покажи, ну чего тебе стоит!»— он только поводил плечом.

— Это не забава! — наконец произнес он.— Это работа.

А еще через неделю на большой перемене он поднял такой переполох, какого, наверное, не бывало со дня открытия школы. Я вышел из учительской и, помню, поразился невероятной тишине, которая внезапно установилась на лестнице. Обычно там в переменку топот, грохот, крики, ватаги мальчишек носятся по ступенькам, и, сколько ни выставляй дежурных, порядка не наведешь. А тут — вдруг тишина. Немыслимая тишина. Я выглянул на площадку и увидел Мишу.

Он шел по лестнице вверх. Но только не по ступенькам, а по перилам. Раскинув руки, балансируя, скользящим шагом двигался он по узенькому, лоснящемуся поручню, все вверх и вверх, и не было скованности в его движениях, не было страха, легко, играючи, он шел,— а справа, прижавшись к стене, замерли мальчишки и девчонки с побелевшими лицами, а слева чутко дышала, отзывалась на каждый скрип подошвы сумеречная пропасть в четыре этажа, гулкая пропасть, и там, внизу, в вестибюле, тикали электрические часы, и было слышно их сухое, металлическое пощелкивание...

Я не мог броситься к Мише, чтобы снять его с перил, я боялся даже окликнуть его, и все кругом тоже боялись, тоже замерли испуганно... Миша поднялся до пятого этажа и спрыгнул на площадку. И еще с полминуты держалась тишина, а потом рванули, как взрыв, человеческие голоса, бросились к Мише ребята, бросились учителя... Я видел, как директор наш, добрый и мягкий старик Афанасий Сигизмундович, тащил Мишу к себе в кабинет, и лицо у директора было как будто обожженное, кривилось и дергалось, он задыхался и, останавливаясь поминутно, яростно шептал:

— Как же ты... посмел?! Как ты посмел?! Кто... позволил тебе?!

А в директорском кабинете Миша, словно бы удивленный всем этим переполохом, но совершенно спокойный, владеющий собой, отчетливо выговорил:

— Ну, а что тут особенного?



И, подождав, пока утихнут возмущенные голоса, объяснил, что волноваться нечего. Его, Мишин, отец — в прошлом цирковой гимнаст, он до сих пор тренируется, чтобы сохранить форму, и Миша тренируется вместе с ним. А для тренированного гимнаста пройти по перилам — сущий пустяк.

Конечно, я побывал на выступлениях Гордона-старшего. Впрочем, почти весь город побывал на этих выступлениях,— они были сенсацией и действительно великолепны.

Худощавый, гибкий, изящный, стремительно двигавшийся человек выходил на эстраду,— чуть надменная улыбка на узких губах, темное, сухое лицо, слепящей белизны пластрон, слепяще-белые, твердые манжеты, длинные, сильные пальцы... В первом отделении он был просто фокусником, он изумлял, потрясал зрителей каскадом номеров, безупречно подобранных номеров, блистательных по выдумке, безупречных по выполнению. Он начинал с маленьких фокусов, исчезали и появлялись в его руках кольца, шарики, монеты (я понял, откуда Миша Гордон взял свои фокусы, откуда у Миши этот небрежно-изысканный артистизм); затем фокусы усложнялись, в них участвовали животные, люди, ассистенты Гордона и зрители; он, властелин черной магии, уничто-

жал их, испепелял и вновь возвращал из небытия. Затем шли психологические опыты, когда Гордон-старший находил спрятанные предметы, отгадывал задуманные числа, отгадывал мысли... И завершалось первое отделение демонстрацией гипнотических сеансов: люди засыпали на эстраде, отвечали во сне на вопросы, становились нечувствительными к боли, воображали себя пловцами, конькобежцами, грудными детьми...

Номера шли по нарастающей, казалось, уж нечем поразить воображение, достигнут предел. Но следующий номер заслонял, затмевал все предыдущие. Сознаюсь: прежде я не видел такой цельной, такой отточенной программы; я, человек все-таки образованный, видевший и первоклассные спектакли и прекрасных исполнителей,— я был потрясен, ошарашен, подавлен...

Но главное было еще впереди.

Во втором отделении Гордон-старший — все такой же стремительный, ничуть не уставший — повторял все фокусы сначала. Но он уже не играл, он не был артистом эстрады, хотя все как будто бы оставалось прежним: от голоса и до точных, поражающих внутренней силой движений. Но он уже как будто стоял выше самого себя, артиста, уже как будто посмеивался над своей ролью. И не просто повторял фокусы, а раскрывал их секреты. Он разрушал весь этот блистательный дворец иллюзий, он показывал обратную сторону роскошных декораций, чудеса гибли, выступали на поверхность скрытые пружинки, ниточки, двойные донышки. Потом он объяснял психологические опыты, рассказывал о сути гипноза. А у зрителей не было разочарования. Потому что и здесь была своя, логически выверенная, очень умная программа. Все, что показывал Гордон-старший, оборачивалось гимном человеку. Это было прославление человеческого могущества, его физических сил, его душевных сил, его интеллекта... Это было и искусство, и наука, и еще это было очень смело и честно; тут проявлялись качества не только актера, но прежде всего человека.

И пока шло это представление, я часто вспоминал Гордона-младшего. Все-таки они были очень похожи—старший и младший,— и я думал о том, как трудно младшему быть рядом с отцом и быть достойным отца и какая у него вообще трудная, недетская жизнь. Я воображал, как они переезжают из города в город; полгода жизни на юге, полгода на севере; незнакомые люди, незнакомая природа; вместо дома — гостиничные номера, казенное бытие, и это удивительное занятие отца — искусство, внешне блестящее, в громкой славе, в аплодисментах, в толках и пересудах, а по сути мучительное, как ни одна профессия на свете, с жестокими тренировками, постоянным самоограничением; искусство, о котором нельзя думать несерьез, потому что это не забава, не легкий хлеб, это непрестанная работа...

На зимних каникулах мы с шестиклассниками отправились на лыжную прогулку в лес. Я люблю устраивать такие походы, люблю смотреть на физиономии моих ребятишек, когда где-нибудь в отяжелевшем от снега лесу, в поле, на замерзшей реке они делают свои первые открытия, видят земную красоту, знакомятся с тайной жизнью птиц, зверюшек, деревьев,— и в это время маленькие истины, казавшиеся прежде банальными, обретают у них ценность настоящих, собственных убеждений. Мальчишка не научится любить природу, пока не пожалеет замерзающего в снегу воробья; девчонка не оценит красоты окружающего мира, пока не увидит какой-нибудь тихий закат на реке, вдруг ударивший по сердцу с неожиданной силой... А с таких вот крошечных открытий и начинается духовный рост человека,— к сожалению, мы редко задумываемся об этом.

В тот зимний день прогулка удалась, мы отлично побродили по лосиному заповеднику. На обратном пути вышли к реке, и Славка Шепелев закричал, что надо покататься с обрыва. Славка лучше всех ездил с гор на лыжах, и тут у Славки был один особенный обрыв — отвесный речной берег, снежная стена, на которой почти не оставалось лыжных следов,— Славка летел как бы в воздухе, будто с гигантского трамплина, и никто, кроме Славки, не решался оттуда ездить.

И теперь Славка взобрался на свой обрыв, собираясь ринуться вниз; остальные мальчишки и девчонки облюбовали горушку пониже. Но вдруг Славка оглянулся, поискал глазами Мишу Гордона и громко позвал:

— Миша, давай сюда! Тут очень здорово!

Видимо, Славке и в голову не пришло, что Миша Гордон, спортсмен, акробат, ходивший по лестничным перилам, побоится съехать с горы. Славка ничуть не сомневался, что такой полет будет для Гордона удовольствием.

— Вот увидишь, как здорово!..— кричал он.

А Мише, вероятно, редко доводилось вставать на лыжи. Правда, он быстро приноровился и в лесу шел не хуже других ребят, но я все-таки видел, что Миша старается. Лицо его было напряженным, движения осторожны; он очень старался не отстать и еще хотел, чтобы этого не заметили. И когда он услышал Славкин крик, то на мгновение растерялся. Ему совершенно не хотелось лететь кувырком с этого обрыва, страшной была нетронуто-белая отвесная стена, даже для хорошего лыжника страшной... Но Славка все кричал сверху, и ребята слышали этот крик и теперь смотрели на Мишу.

— Пожалуй, не стоит ехать...— сказал я Гордону как можно деликатнее.

Но было уже поздно. Любые уговоры и запрещения только подстегнули бы его азарт, он уже не понимал, что теперь смелость не в том, чтобы съехать с обрыва, а в том, чтобы отказаться,— сейчас надо было прямо и честно отказаться, и я знаю, что ребята поняли бы и оценили такой поступок. Но Миша стал взбираться наверх.

Впрочем, я не очень боялся за него. У Миши были великолепные горные лыжи с пружинными креплениями, они гарантировали безопасность: при падении мгновенно срабатывал предохранитель, освобождая ботинок. Риска, собственно, и не было; в глубоких сугробах даже не ушибешься, разве что наберешь снегу за воротник...

Миша поднимался «лесенкой», старательно, аккуратно; напряженно-расчетливым было каждое движение, каждый шаг. И все-таки он двигался красиво,— легкий, гибко-изящный мальчик в клетчатой нейлоновой куртке, в отглаженных лыжных брючках, с мохнатым оранжевым шарфом, переброшенным за плечо. А наверху стоял наш Славка Шепелев, образец слободского мальчишки, разгильдяй Славка, в своем пальто с оборванными пуговицами, в драной шапке из собачьего меха, в старых валенках с разрезами. Руки Славки были засунуты в карманы, он стоял как-то боком, расслабленно, вызывающе-небрежно; это был особый шик: столь же небрежно, лениво Славка скользнет сейчас на кромку обрыва, рванется вниз, и вынет руки из карманов в самый последний момент, когда будет уже лететь в воздухе, в облачке шипящего снега, с распахнутыми полами пальто, со взвившимися ушами своей собачьей шапки, а внизу он так же небрежно и лихо затормозит, и руки опять уже будут в карманах, и только на лице, презрительно-улыбающемся лице, слегка вздрогнут губы, выдавая пережитый ужас и восторг...

Мы следили снизу, как Миша поднялся наконец на обрыв и встал около Славки; две фигурки отчетливо темнели на фоне полотняно-серого зимнего неба. Они долго были неподвижны, отчего-то Славка не торопился съезжать; мы видели, как шагнул он на кромку обрыва, оглянулся и еще постоял несколько секунд, как будто раздумывая. А затем поехал.

Не знаю отчего, но в первый же миг я почувствовал, что Славка упадет. Никогда прежде он не падал здесь, он второй год катался с этого обрыва, катался в морозы и оттепель; он не должен был упасть, н е м о г упасть, и все-таки я почувствовал, что Славка упадет.

Он нырнул в снег на середине обрыва, вздернулась соскочившая лыжа, мелькнула шапка, а потом уже ничего нельзя было разглядеть: снежный бурун катился по крутому склону, маленькая снежная лавина, укрывшая Славку с головой. Наконец, снег опал, растекаясь белыми языками, остановился; Славка вылез из глубины сугроба, взъерошенный, смущенный и злой.

— Снег мокрый...— сказал он.— Липнет, зараза, никак не съехать.

Лишь много позднее узнал я от Славки, что произошло на обрыве. Когда Миша Гордон поднялся наверх, Славка глянул на него и сообразил, что Миша побаивается. Это было так необычно, что простодушный Славка изумился, потом захихикал — не над Мишей, а скорее над собственной невнимательностью.

— Не надо, Миша, не ездий! — сказал он.

— Почему же,— сказал Гордон.— Я поеду.

— Упадешь ведь!

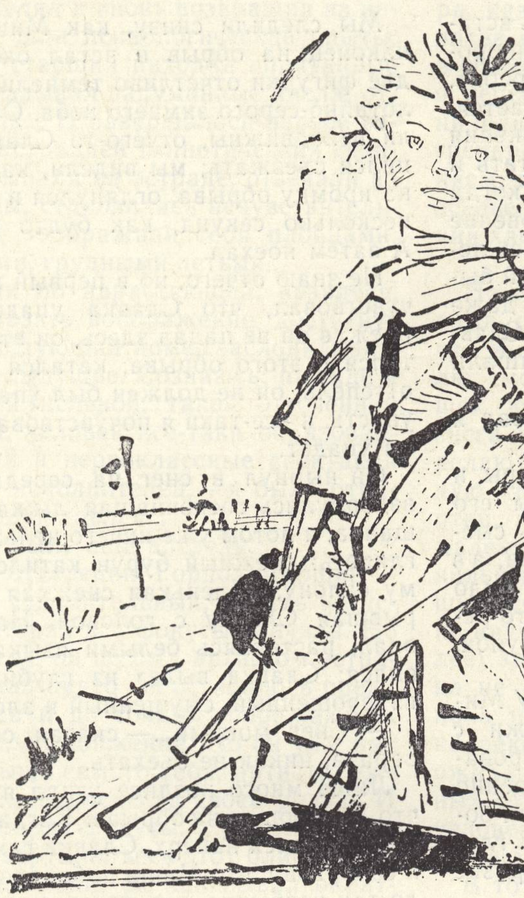
Миша повернул голову и, твердо и прямо смотря в Славкины виновато-веселые глаза, проговорил:

— Т ы с а м у п а д е ш ь.

Это было совершенной неожиданностью. Славка ошалело таращился на Гордона, не понимая, всерьез это сказано или в шутку. Но Гордон не шутил. Славка шагнул на край обрыва, оглянулся, и тут в самый последний момент, «под руку», Гордон опять настойчиво крикнул:

— Упадешь!

Наивно предполагать, что по примеру отца Миша собирался гипнотизировать Славку; наверняка он и не мыслил об этом, просто ему очень хотелось, чтобы Славка упал, ему н а д о было, чтобы Славка упал; все остальные соображения, все мысли и чувства отступили на задний план.



— Упадешь! — повторял Миша, как заклинание.

И, конечно же, ошарашенный, оторопелый Славка кувырнулся с обрыва.

Но это я узнал гораздо поздней, а сейчас Славка, мокрый и злой, выбрался из сугроба и заковылял на речной лед, за своей далеко укатившейся лыжей.

А Миша все стоял на обрыве, глядя на эту сцену. Кажется, он смеялся, и мы тоже смеялись,— мы ведь ничего не подозревали, нам было смешно, что Славка опростоволосился; над Славкой необидно подшучивали:

— Показал класс?..

Затем поехал Миша. Чутье спортсмена подсказало ему, что делать: он пригнулся, сжался в комок, почти доставая подбородком колени. Он не учел одного — в таком стремительном полете ветер сечет по глазам до слез. И где-то на середине обрыва Миша вскинул руку к глазам, потерял равновесие, качнулся... И все-таки устоял. Вероятно, в эти секунды сработали все Мишины тренировки, вся интуиция акробата и гимнаста,— он чудом устоял, выправился, и у подножия обрыва покатил уже в полный рост. Он катил, не скрывая своего торжества, от радости крича что-то растянутым в улыбке ртом; ехать теперь было нестрашно, испытание кончилось, он победил, осталось только ощущение полета, почти не гаснущая скорость, доставлявшая неведомое прежде наслаждение,— и он мчался вперед, ничего не видя слезящимися от ветра глазами, ничего не слыша от собственного ликующего крика...

Славка видел все это. Конечно же, Славка был обозлен: у всех на глазах кувырнулся с обрыва, а Мишка Гордон, новичок, не умеющий кататься, благополучно съехал,— вся школа будет теперь потешаться над этой историей...

Мы понимали Славкино состояние и все, что произошло в следующую минуту, приписали Славкиной обиде и злости.

А произошло страшное.

Внизу, под обрывом, катались на санках деревенские ребятишки. Маленькая девчонка, лет шести, вся круглая от бесчисленных одежек, донельзя изгвазданная в снегу, этакий снежный колобок с красными щеками, опрокинулась со своих деревенских са-

модельных саночек и оказалась на пути Миши Гордона.

Девчонка барахталась в снегу, ей никак не удавалось подняться, она не видела Мишу, а он был уже близко, он летел прямо на нее, по-прежнему ничего не замечая...

Мы закричали. Два десятка голосов как будто слились в общий отчаянный крик, но Гордон не услышал. Не затормозив, он оглянулся,— впрочем, было поздно оглядываться.

Когда между барахтавшейся девчонкой и лыжами Гордона — великолепными горными лыжами, окованными стальной полоской, с острыми металлическими наконечниками, способными резать лед,— когда между девчонкой и лыжами оставалось метров пять, Славка Шепелев кинулся наперерез, упал, подтянулся в последнем рывке и заслонил девчонку.

А когда оставалось метра два между Славкиной спиной и лыжами,— метра два, а может быть, и меньше,— Миша Гордон успел затормозить, лыжи соединились углом, встали на ребро, стремительный плуг поднял кверху два белых шипящих крыла. Славка Шепелев замер, втянув голову в плечи, замерла испуганная девчонка, а над ними, лежавшими в снегу, стоял Миша Гордон и смеялся...

Мы бежали к ним, что-то крича, еще не веря в счастливый исход, еще не успев опомниться. Но все-таки я хорошо помню Славкино лицо, когда он поднялся,— не испуг и не радость за благополучный финал были на Славкином лице, а одно только отвращение, яростное отвращение, безотчетное и полное... Славка занес руку, чтоб ударить Гордона.

— Шепелев!..— крикнул я предостерегающе; Славка выругался сквозь зубы, пятерней ткнул Гордону в грудь, словно брезгливо отпихнул его, и, сгорбясь, пошел прочь.

А Миша все смеялся, ничуть не обидясь; стоял в той же позе и ждал, когда мы подбежим.

Месяца через два Гордоны уехали из нашего города. Исчезли с заборов черно-красные, успевшие поблекнуть, посеченные снежной крупой афиши. Все реже и реже вспоминали в нашей школе про знаменитого мальчика.

А однажды, после традиционной прогулки в лесу, катаясь со своего обрыва, Славка Шепелев сказал мне мимоходом:

— А ведь Гордон-то все *видел*.

— Что видел?

— Ну, с девчонкой-то... Помните? Когда мы все испугались? Я близко стоял: мне заметно было. Гордон эту девчонку видел и заранее тормозить приготовился. Палку в руках поднял...

— Что ты, Слава,— растерянно сказал я.— Быть не может!

— Точно говорю. Он ехал, и все примерялся, глазами примерялся, когда лучше затормозить... И все оттягивал, чтоб...

— Эффектней получилось?

— Ну да. Чтоб мы ахнули.

— А зачем же ты девчонку прикрыл, Слава? Если все понарошку?

— Ну как же? — сказал Слава с искренним удивлением.— Он едет, а я — стой и гляди? Да потом мало ли...

Вероятно, Славка больше никому не рассказывал про это открытие. В школе разговоров не было, и теперь, конечно, уже не будет. Я думаю, что Славке не хотелось рассказывать, неприятно было, несмотря на то, что он, Славка Шепелев, выглядел во всей истории молодцом, а знаменитый мальчик — весьма скверно.

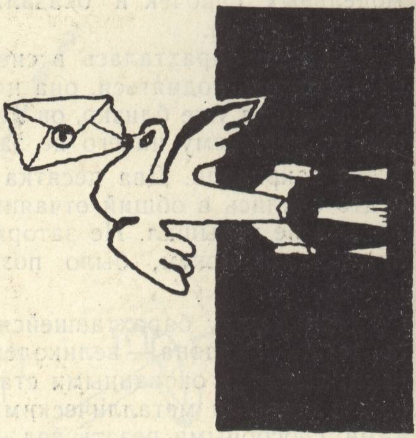
Но я все-таки частенько вспоминаю и эту историю, и Гордона-старшего, который на сцене, на эффектной сцене оставался прежде всего человеком, и Гордона-младшего, который в жизни, в обычном течении жизни попытался выглядеть маленьким эффектным актером... Жаль, что тогда, на обратном пути из лесу, я не пригляделся к нему, не узнал, что у него на душе... Понял ли он что-нибудь? Захотел ли понять?

Разумеется, когда-нибудь он поймет, это неизбежно; и еще одна истина, казавшаяся банальной, станет для него выстраданным убеждением.

Но не будет ли поздно, мальчик?

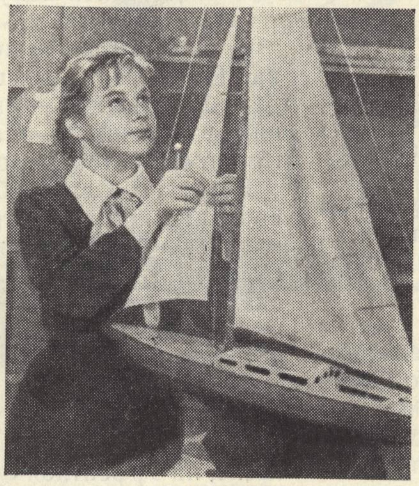
АГЕНТСТВО ННН

Агентство ННН сообщает о новом, неизвестном, нужном в отрядах, дружинах и дворах. Читайте сообщения ННН!



● 3 января особо ценный пакет с тремя сургучными печатями отправился из редакции «Пионера» в город Пугачев. В пакете почетные грамоты космонавта Алексея Леонова. Космонавт получил их, когда был еще просто мальчиком Леней (так звали его в детстве), за хорошую работу председателем совета лагеря, а позже — пионерским вожатым.
Алексей Архипович просил редакцию передать грамоты лучшему клубу космонавтов.
Ты помнишь, в девятом номере за прошлый год мы предложили космическим клубам рассказать о себе? Рассказ пугачевцев оказался самым интересным.

НОВОЕ



Вера Рома живет в Норильске. Вере нравится строить модели кораблей. Эта яхта — последняя ее работа.

● Необычное началось, когда последний лыжник прибежал к финишу. Досадно быть последним. Хотелось-то оказаться впереди. Но что делать, если лыжи не очень послушны тебе?..

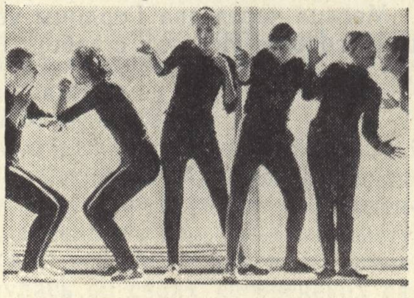
НЕИЗВЕСТНОЕ

И вот на финише вскрыли голубой конверт, который совет дружины передал главному судье соревнований еще накануне. Все узнали, что те, кто сейчас оказался последним, могут стать победителями, если они через месяц постараются улучшить свое время на дистанции. Пусть даже и во второй раз они не побьют чемпионских рекордов, но основательно улучшенный результат — разве это не рекорд?
Новое условие соревнований всем пришлось по душе.
Лыжные соревнования с таким хитрым правилом провели в дружине первой магаданской школы. А как раз сейчас, в эти дни, ребята готовятся к новому старту.

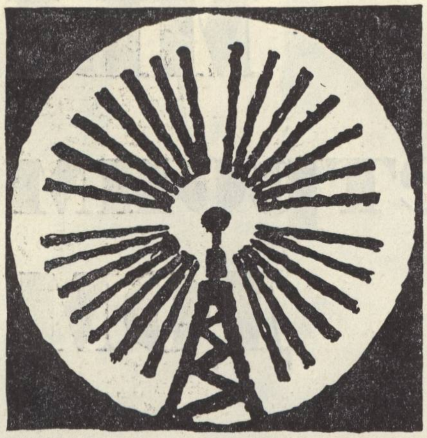
● Такого оперного театра нет больше ни в одном городе. Не построен для него красивый дворец с колоннами, нет великолепного зала с ярусами в несколько этажей, с креслами, обитыми бархатом, с люстрами, сверкающими тысячью огней.
Есть школьный зал, самые обычные деревянные стулья, простенький занавес. Но в этом зале всегда народу битком набито. И перед спектаклем у дверей школы народу видимо-невидимо, все спрашивают:
— Нет ли лишнего билетика?
А когда занавес поднимается и на сцену выходят артисты, в зале раздаются бурные аплодисменты: и голоса у них красивые, и играют прекрасно. Хоть и не знаменитые и не заслуженные, но все-таки уже известные в своем городе мальчишки и девчонки из пятых, шестых и седьмых классов — прекрасная опера!
Если будете в Костроме, загляните в 21-ю школу, сами убедитесь.

● Скоро воды морей и океанов будут бороздить пятьдесят судов, носящих имена защитников Брестской крепости-героя. Все брестские ребята начали собирать металл для этой флотилии. Ребята из других городов и сел решили помогать брестчанам.

● В субботу на дверях классов появляются удивительные надписи: «Клуб звездочетов», «Стоянка Пегасов», «Олимпийский стадион», «Мастерская «Храбрые портняжки».
Пробегают ребята в субботу по школьным коридорам и думают про себя: «Ага, и тут интересно и там интересно, а здесь совсем здорово!» — и ре-



В Московском Дворце пионеров открылась новая студия — пантомимы.



шают, куда они пойдут в воскресенье, потому что каждое воскресенье в 12-й школе Балашова работает клуб выходного дня.

Всякий раз в клубе что-нибудь новое, потому что в совете дружины люди и думают, и спорят, и обязательно находят. Отсюда из штаба рассылают срочные задания отрядам и спрашивают: «Сделали? Договорились? Сумели? Смогли?»

За лучшую выдумку награда — «Спасибо» на дружинной линейке.

НУЖНОЕ



Юра Шилл из 13-й школы Минска снял любимый танец ребят хореографического ансамбля Дворца культуры профсоюзов — «Русский сувенир».

● В Москве была Выставка детской книги и книжной графики. Сколько там чудесных книг! Какие великолепные иллюстрации!

Все ребята любят книжки с картинками. И многие художники с любовью работают над тем, чтобы книги для вас были красиво оформлены. Тех, кто не смог побывать на выставке, мы приглашаем на 66—67-ю страницы. Это как бы уголок выставки.



ЗИМНЯЯ СПЯЧКА

Однажды почтальон принес в редакцию журнала ABC — Zeitung (выходит в ГДР) письмо:

Я живу в Заснице, недавно я стал пионером. Но никаких интересных дел у нас нет. Может быть, вы поможете расшевелить наших ребят?

Ваш читатель Альфред.

Ролли изумился: «Неужели у пионеров бывает зимняя спячка?» Шнапп стал заводить будильник. А Флитци уже уселась на редакционные санки. Ролли осталось натянуть на свой пропеллер мохнатую шапку.



Оказалось, 3-й «А» и не думал спать, просто в этом классе собрались ленивые люди. Им не хотелось ничего придумывать, они сидели, скучали и ждали доброго волшебника.

Ну что ж, на этот раз им повезло. Приехали Ролли, Флитци и Шнапп.

Шнапп завел свой будильник. Будильник зазвонил, это был сигнал: «Ну-ка, давайте думать!»

Вот что они вместе с ребятами придумали:



1. Устроить кукольный театр.
2. Сделать из снега разных зверей и подарить свой снежный зоопарк городу.
3. Открыть пионерский кинотеатр и показывать ребятам фильмы-сказки.
4. Пойти в гости к дедушке Корнелию. Он старый лоцман и знает сотни морских историй.

А еще... ремонтировать и делать игрушки. Помочь очищать улицы от снега. Поехать всем вместе на рыбалку...

Как все были довольны!

Шнапп от радости побежал кувыркаться в снегу. Наверное, он хотел стать первым снежным зверем в зоопарке.



П·О·Д·С·К·А·З·К·И



Подсказывать строго воспрещается. За подсказку — двойка! Ты это знаешь с первого класса. И «Пионер», конечно, тоже. И все-таки «Пионер» становится подсказчиком. И тебя просит: пожалуйста, почаще подсказывай! Всем ребятам в своем отряде! И в соседнем! Подсказывай новое. Подсказывай важное. Подсказывай интересное. Подсказывать запрещается — это на уроке. Подсказывать разрешается — это в пионерских делах. И пользоваться подсказками тоже. Вот тебе первые подсказки «Пионера».

ВЫШЕ НОС!



На отрядной доске повесили нос. Веселый такой, веснушчатый, острый, ужасно любопытный. Нос из фанеры. Хороши в отряде дела, отряд доволен собой — нос кверху. Скверно, работа не клеится — нос книзу.

ОРДЕН «ПЕЧАТНОГО ЗНАКА»



Два дня совет дружины пропадает в школьной библиотеке. Не в книгах копается, а в читательских формулярах. Разыскивает совет дружины самых заядлых книголюбов. Тем, кто любит читать и читает с толком, на пионерской линейке вручит совет почетные знаки — ордена «Печатный знак». Рыцари ордена будут проводить читательские турниры и посвящать достойных в звание рыцарей книги.

МЫ строим ДОМ

В сентябре прошлого года «Пионер» предложил читателям придумывать и присылать в редакцию проекты, рисунки или описания домов, каких еще не было. Во всех концах страны ребята взялись за кисти и краски, карандаши и линейки и принялись создавать

ДОМ, который им хотелось бы построить, когда они станут строителями.

ДОМ, который им хотелось бы спланировать, когда они станут архитекторами.

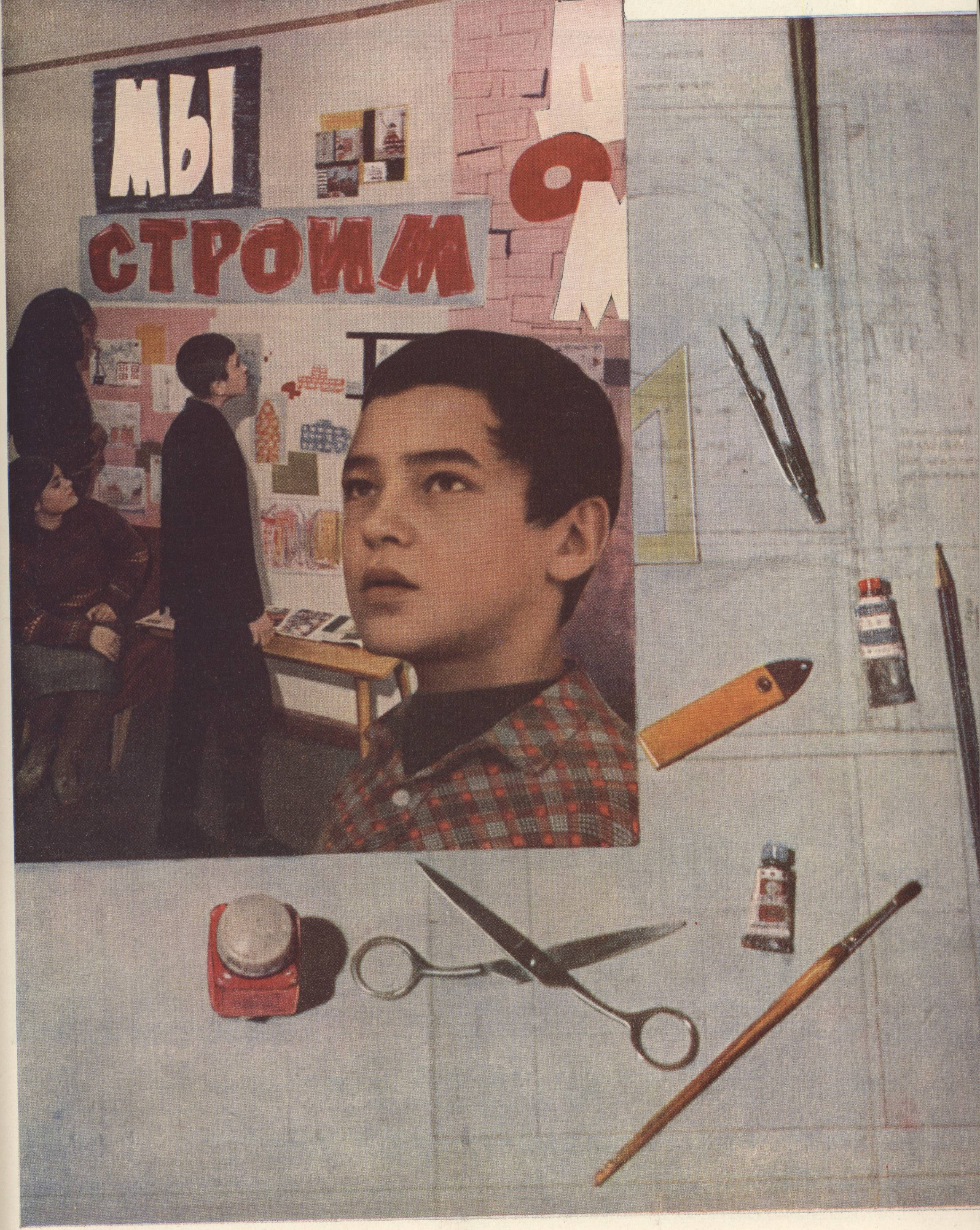
ДОМ, в котором всем хотелось бы пожить, потому что жить в нем удобно и интересно.

Три месяца — до конца года — принимал «Пионер» проекты ребят, и собралось их не много, не мало, а 198 штук!

И вот в Московском Дворце пионеров на Ленинских горах открылась выставка, которая так и называется «МЫ СТРОИМ ДОМ».

На ней можно увидеть все проекты, присланные ребятами.

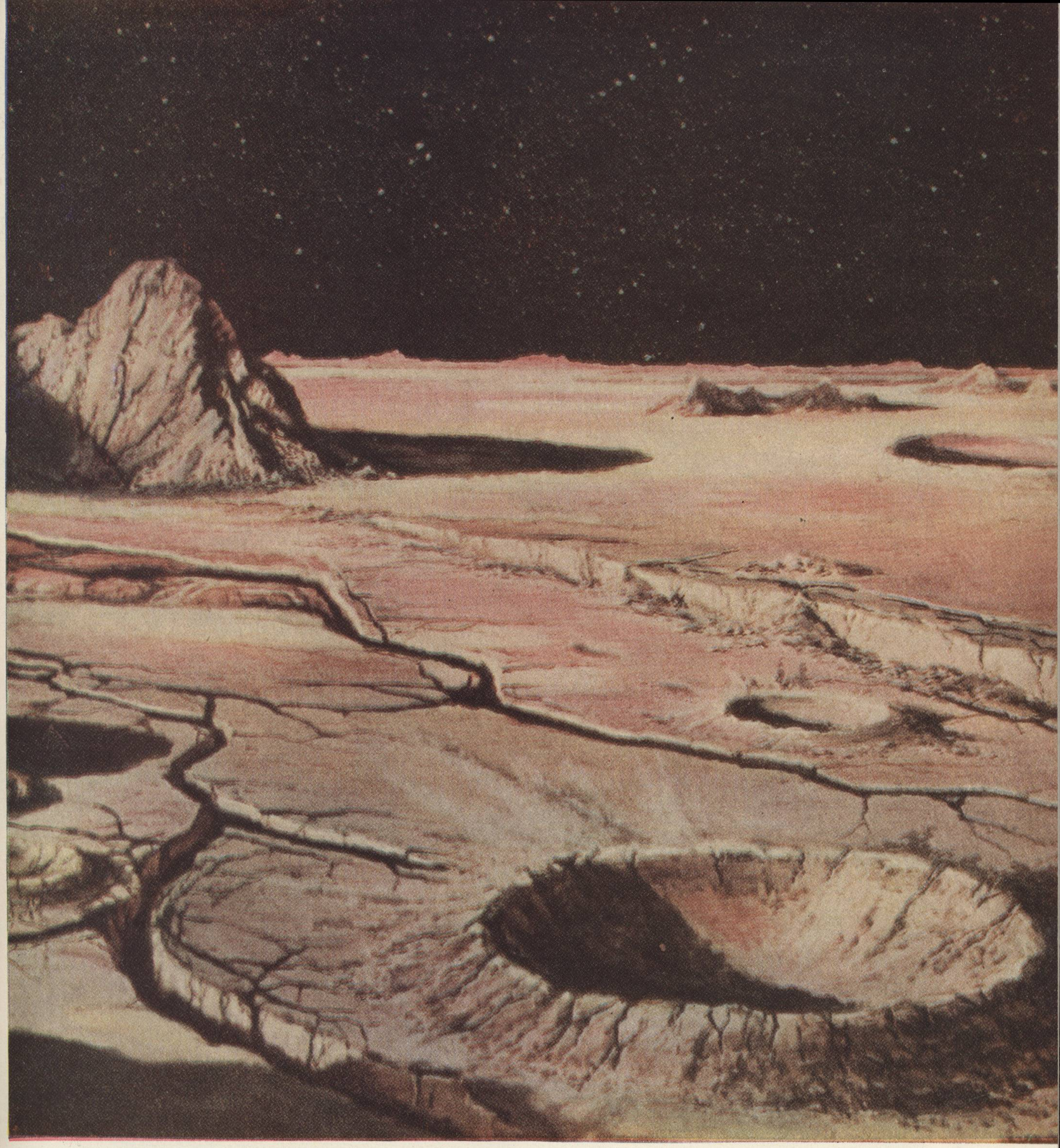
Выставку приходят посмотреть и ребята и взрослые. И, судя по книге отзывов, в которой, что ни день, заполняется по десятку страниц, выставка посетителям нравится. А на днях «Пионер» покажет все проекты группе архитекторов и строителей Москвы. В следующем номере вы узнаете, что они думают о работах ребят.


МЫ
СТРОИМ



Раскаленная, изрезанная трещинами равнина. Круглые воронки, как от бомбовых разрывов... Что это? Мы снова на Луне?

Нет, это ПЕРВАЯ ПЛАНЕТА.



Как мы сюда прибыли? Что мы здесь увидели? Читайте дальше! Ищите в журнале сообщение о ТРЕТЬЕМ РЕЙСЕ РАКЕТЫ «ПИОНЕР».

Король



Рисунок ЕЖИ СРОКОВСКОГО.

Матиуш Первый

Януш КОРЧАК

Рисунки Ю. Владимирова и Ф. Терлецкого.
Перевела с польского Муза Павлова.

А было это так...

Доктор сказал, что если король в три дня не выздоровеет, будет очень плохо.

Доктор так и сказал:

— Король тяжело болен, и если в три дня не выздоровеет, будет плохо.

Все очень опечалились, а старший министр надел очки и спросил:

— Так что же случится, если король не выздоровеет?

Доктор не хотел сказать ясно, но все поняли, что король умрет. Старший министр очень опечалился и созвал министров на совет.

Собрались министры в большом зале, уселись в удобных креслах за длинным столом. Перед каждым лежал на столе лист бумаги и два карандаша: один обыкновенный, а другой с одной стороны синий, с другой красный. А перед старшим министром стоял еще колокольчик.

Министры закрыли двери на ключ, чтобы никто не мешал, зажгли электрические лампы и ничего не говорили. Потом старший министр позвонил в колокольчик и сказал:

— Теперь будем советоваться, что делать. Потому что король болен и не может управлять.

— Я знаю,— сказал министр юстиции.— По закону после смерти короля на престол вступает и управляет его старший сын. Поэтому его называют наследником трона. Если король умрет, на трон сядет его старший сын.

— Но у короля только один сын.

— А больше и не надо.

— Да, но сын короля — это маленький Матиуш; как же он может быть королем? Матиуш еще не умеет писать.

— Ничего не поделаешь,— ответил министр юстиции.— В нашем государстве еще не было такого случая, но в Испании, в Бельгии и в других государствах случалось, что король умирал и оставлял маленького сына. И это милое дитя должно было стать королем.

— Да, да,— сказал министр почты и телеграфа,— я даже видел почтовые марки с фотографией такого маленького короля.

— Но, уважаемые господа,— сказал министр просвещения,— это ведь невозможно, чтобы король не умел ни писать, ни считать, чтобы он не знал ни географии, ни грамматики!

— Я тоже так думаю,— сказал министр финан-



Министры закрыли двери на ключ и стали думать...

— Я думаю,— сказал военный министр,— что нужно позвать доктора. Пусть скажет ясно, можно вылечить короля или нет.

Военного министра очень боялись все министры, так как он всегда носил саблю и револьвер,— поэтому его слушались.

— Хорошо, позовем доктора,— сказали министры.

Сейчас же послали за доктором, но доктор не мог прийти, потому что как раз ставил королю двадцать четыре банки.

— Ничего не поделаешь, надо ждать,— сказал старший министр,— а тем временем скажите, что мы будем делать, если король умрет.

сов.— Как же король сможет делать подсчеты, как сможет приказывать, сколько нужно напечатать новых денег, если не знает таблицы умножения?

— Хуже всего, господа,— сказал военный министр,— что такого маленького короля никто не будет бояться. Как он справится с солдатами и генералами?

— Я думаю,— сказал министр внутренних дел,— что такого маленького короля не только солдаты, но и никто не будет бояться. У нас будут постоянно забастовки и бунты. Я ни за что не могу ручаться, если вы сделаете Матиуша королем.



Мальчик стал королем.

— Я не знаю, что будет,— сказал весь красный от злости министр юстиции.— Знаю одно: закон велит, чтобы после смерти короля на трон сел его сын.

— Но Матиуш слишком мал! — крикнули министры хором.

И, наверно, возникла бы ужасная ссора, но в эту минуту открылись двери — и в зал вошел иностранный посол.

Может показаться странным, что иностранный посол вошел на совещание министров, когда двери были заперты на ключ. Итак, должен сказать, что, когда пошли позвать доктора, забыли запереть двери. Некоторые даже говорили потом, что это была измена, что министр юстиции нарочно оставил двери открытыми, зная, что должен прийти посол.

— Добрый вечер! — сказал посол.— Я пришел сюда от имени моего короля и требую, чтобы королем стал Матиуш Первый, а если вы с этим не согласитесь, будет война.

Старший министр очень испугался, но сделал вид, что это его совершенно не касается, написал на листе бумаги синим карандашом: «Хорошо, пусть будет война», — и подал эту бумагу иностранному послу.

Тот взял бумагу, поклонился и сказал:

— Отлично, я напишу об этом моему правительству.

В эту минуту в зал вошел доктор, и все министры стали его просить, чтобы он спас короля, так как может быть война и несчастье, если король умрет.

— Я уже дал королю все лекарства, какие знаю, поставил банки и больше ничего не могу сделать. Но можно позвать других докторов.

Министры послушались и пригласили знаменитых докторов, чтобы посоветоваться, как спасти короля. Они послали в город все королевские автомобили, а сами тем временем попросили королевского повара подавать ужин, так как были очень голодны: они не знали, что совещание будет продолжаться так долго, и не пообедали дома.

Повар поставил серебряные тарелки, налил в бутылки лучшего вина — ведь он хотел остаться при дворе и после смерти старого короля.

Итак, министры едят себе и пьют и уже заметно повеселели, а в зале тем временем собрались доктора.

— Я думаю,— сказал старый доктор с бородой,— что королю надо сделать операцию.

— А я думаю,— сказал другой доктор,— что королю надо сделать горячий компресс и что ему надо полоскать горло.

— И принимать порошки,— сказал знаменитый профессор.

— По-моему, капли лучше,— заметил другой.

Каждый из докторов привез толстую книгу и показывал: в его книге написано, что такую болезнь лечат иначе.

Уже было поздно, и министрам очень хотелось спать, но они должны были ждать, что скажут доктора. И такой шум стоял в королевском дворце, что маленький сын короля, наследник трона Матиуш, уже дважды просыпался.

«Надо посмотреть, что там происходит»,— подумал Матиуш. Встал с постели, быстро оделся и вышел в коридор.

Он остановился перед дверями столовой, но не для того, чтобы подслушивать,— в королевском дворце ручки на дверях были так высоко, что маленький Матиуш не мог сам открыть двери.

— Хорошее вино у короля! — кричал министр финансов.— Выпьем еще, господа! Если Матиуш станет королем, вино все равно не будет ему нужно, потому что детям нельзя пить вина!

— И сигары нельзя курить детям. Значит, можно взять немного сигар себе домой! — громко кричал министр торговли.

— А если будет война, господа, ручаюсь вам, что от этого дворца ничего не останется, ведь Матиуш не защитит нас.

Все начали смеяться и закричали:

— Пьем за здоровье нашего защитника, великого короля Матиуша Первого!

Матиуш не понимал, что они говорили, хотя знал, что отец болен и что министры часто собирались на совещание. Но почему смеются над ним, Матиушем, почему называют его королем и что это должна быть за война, он не понимал.

Немного сонный и немного испуганный, пошел он дальше по коридору и через двери зала совещаний услышал другой разговор:

— А я вам говорю, что король умрет. Можете давать порошки и лекарства — ничего не поможет. Голову даю, что король не проживет и недели.

Матиуш не слушал больше. Бегом помчался он по коридору, миновал еще две большие комнаты и, запыхавшись, добежал до спальни короля.

Король лежал на кровати очень бледный и тяжело дышал. А возле короля сидел тот самый славный доктор, который лечил Матиуша, когда тот бывал нездоров.

— Папочка, папочка,— крикнул Матиуш со слезами,— я не хочу, чтобы ты умер!

Король открыл глаза и грустно посмотрел на сына.

— И я не хочу умирать,— сказал он тихо,— не хочу тебя, сынок, одного оставлять на свете.

Доктор посадил Матиуша на колени, и больше никто не сказал ни слова.

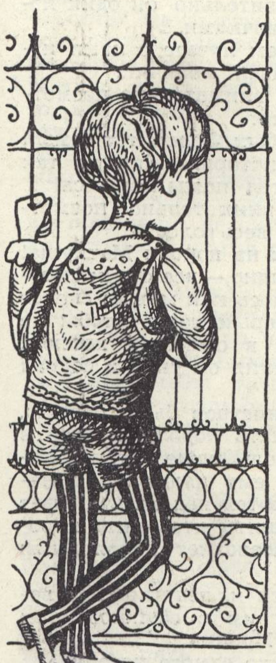
А Матиуш вспомнил, что однажды уже сидел так у кровати. Тогда отец держал его на коленях, а на кровати лежала мамочка, такая же бледная и так же тяжело дышала.

«Папа умрет, как мамочка умерла»,— подумал Матиуш.

И страшная печаль сдавила ему грудь, а вместе с ней гнев и обида на министров, которые там смеются над ним, Матиушем, и над смертью его папочки.

«Уж я им отплачу, когда буду королем»,— подумал Матиуш.

Похороны короля были очень торжественными. Фонари были покрыты черным крепом. Все колокола звонили. Оркестр играл похоронный марш. Ехали пушки, шло войско. Специальные поезда должны были привозить цветы из жарких стран. Все были огорчены. А газеты писали, что весь народ оплакивает любимого короля.



Грустно было смотреть через решетку на веселые игры других детей.

Матиуш, печальный, сидел в своей комнате. Он помнил свою маму; это она назвала его Матиушем. Хотя мама была королевой, но она совсем не была гордой, играла с ним, складывала с ним кубики, рассказывала сказки, показывала в книжках картинки. С отцом Матиуш виделся реже — король часто выезжал к войскам или в гости, принимал разных королей или отправлялся на совещания.

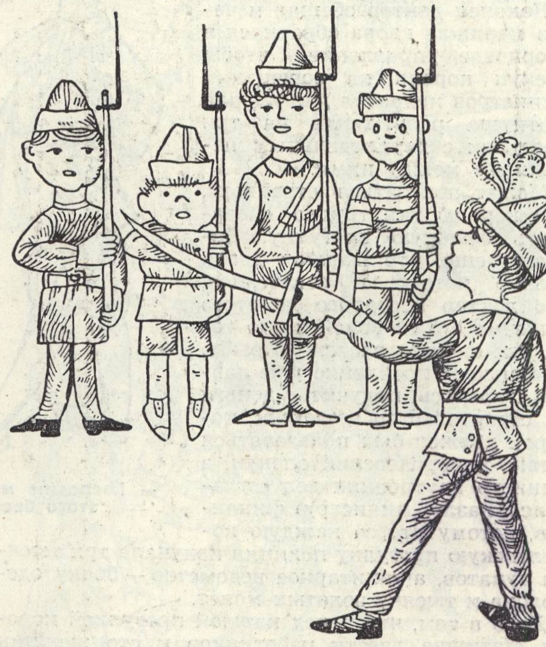
Но и король, бывало, найдет для Матиуша свободную минутку, поиграет в кегли, выедет с ним на прогулку — король на коне, а Матиуш на пони — по длинным аллеям королевского сада. А что будет сейчас? Вечно этот нудный иностранный воспитатель с такой миной на лице, как будто он только что выпил стакан крепкого уксуса. И разве так приятно быть королем? Пожалуй, нет. Если бы действительно была война, можно было бы по крайней мере драться. А что королю делать в мирное время?

Грустно было Матиушу, когда он сидел, одинокий, в своей комнате, и грустно было, когда через решетку королевского сада смотрел на веселые игры детей дворцовых служащих на королевском дворе.

Играли семь мальчиков, чаще всего в солдаты. И всегда вел их в атаку, муштровал и предводительствовал ими один очень веселый мальчик. Имя его было Фелек. Так его звали мальчики.

Много раз хотел Матиуш позвать его и, хотя бы через решетку, немного поговорить с ним, но не знал, можно ли и полагается ли; и не знал, что сказать и как начать разговор.

Тем временем на всех улицах было расклеено громадное объявление, что Матиуш стал королем, что он приветствует своих подданных, что министры остаются те же самые, что и прежде, и будут помогать молодому королю в работе.



Во всех магазинах были выставлены фотографии Матиуша. Матиуш на пони, Матиуш в матросском костюме, Матиуш в военном мундире, Матиуш на смотре войск. В кинематографах тоже показывали Матиуша. Во всех иллюстрированных журналах было полно Матиуша.

И, надо сказать правду, Матиуша любили все. Старшие жалели его,— такой маленький и потерял обоих родителей. Мальчики радовались, что нашелся между ними хоть один такой, которого все должны слушаться, перед которым даже генералы должны стоять смирно, а взрослые солдаты брать ружья на караул. Девочкам нравился этот маленький король на изящной лошадке. А уж больше всех любили его сироты.

Когда еще была жива королева, она всегда посылала в сиротские дома конфеты. После ее смерти король приказал, чтобы конфеты продолжали посылать. И хотя Матиуш об этом не знал,

от его имени давно уже посылались детям сладости и игрушки. Уже значительно позднее Матиуш понял, что если есть в бюджете такая графа, много можно сделать людям приятного, даже не подозревая об этом.

Через какие-нибудь полгода после вступления Матиуша на престол произошел случай, принесший ему большую популярность. Это значит, что все о нем говорили, но не потому, что он был королем, а потому, что сделал такое, что всем понравилось.

Итак, расскажу, как это было.

Матиуш через своего доктора выпросил позволение прогуливаться по городу пешком. Долго Матиуш мучил доктора, чтобы хоть раз в неделю он водил его в сад, где играют все дети.

— Я знаю, что в королевском саду хорошо, но одному даже в самом красивом саду скучно.

Наконец доктор обещал и через маршала двора обратился в дворцовое управление, чтобы опекун короля на совещании министров испросил для короля Матиуша разрешение на три прогулки с двухнедельным перерывом между ними.

Может показаться странным, что королю так трудно совершить обычную прогулку. Добавлю еще, что маршал двора только потому и согласился, что доктор незадолго до этого вылечил его от болей после того, как он съел несвежую рыбу. Дворцовое управление уже давно старалось получить деньги на строительство конюшни, которой должен был пользоваться также и королевский опекун, а министр внутренних дел согласился назло министру финансов, потому что за каждую королевскую прогулку полиция получала три тысячи дукатов, а санитарное ведомство — бочку одеколона и тысячу золотых монет.



— Господин министр, я требую этого беспрекословно!

Дело в том, что перед каждой прогулкой короля Матиуша двести работников и сто женщин основательно чистили сад. Подметали, красили скамейки, все аллеи поливали одеколоном и вытирали пыль с деревьев и листьев. Доктора смотрели, чтобы было чисто, чтобы не было пыли, так как грязь и пыль вредны для здоровья. А полиция смотрела, чтобы во время прогулок в саду не было хулиганов, которые бросают камни, толкаются, дерутся и очень кричат.

Король Матиуш развлекался отлично. Одет он был просто, и никто не догадывался, что это король. Никому даже в голову не приходило, что король может прогуливаться в обыкновенном саду. Король Матиуш дважды обошел кругом сад и попросил разрешения сесть на скамейку на площадке, где играли дети. Но только он успел сесть, как к нему подошла девочка и спросила:

— Не желает ли молодой человек поиграть в круг? — Она взяла Матиуша за руку, и они стали играть.

Девочки пели разные песенки и кружились в кругу. А потом, перед началом новой игры, девочка снова спросила:

— Есть у молодого человека сестричка?

— Нет.

— А кто отец молодого человека?

— Мой отец умер, он был королем.

Девочка, вероятно, думала, что Матиуш шутит, она рассмеялась и сказала:

— Если бы мой папочка был королем, он купил бы мне куклу до самого потолка.

Король Матиуш узнал, что отец девочки служит капитаном пожарной охраны, что зовут ее Иренкой и что она очень любит пожарников, которые разрешают ей иногда ездить на лошади.

Матиуш охотно бы остался подольше, но срок его прогулки истекал ровно в четыре часа, двадцать минут, сорок три секунды.

С нетерпением ждал Матиуш следующей прогулки, но все время шел дождь, и взрослые опасались за его здоровье.

В следующий раз у Матиуша было такое происшествие: играл он так же с девочками в круг, когда подошли несколько мальчиков и один закричал:

— Глядите, мальчик играет с девчонками! — И все стали смеяться.

И король Матиуш заметил, что действительно он один играет с девочками.

— Пойдем лучше с нами играть,— сказал мальчик.

Матиуш внимательно посмотрел на него.

Ах, это был Фелек, тот самый Фелек, с которым Матиуш так давно хотел познакомиться!

Фелек внимательно посмотрел на него и закричал во весь голос:

— Глядите, как он похож на короля Матиуша!

Матиушу стало очень стыдно,— все стали смотреть на него, и ему захотелось как можно скорее убежать к адъютанту, который тоже, чтобы не быть узнанным, был одет в обычный костюм. Но в спешке или от смущения он упал и содрал на коленке кожу.

На заседании совета министров было решено, что нельзя больше разрешать королю ходить в сад. Сделают все, что король пожелает, но ходить в обыкновенный сад ему нельзя: там невоспитанные дети, они смеются над ним, а совет министров не может разрешить, чтобы над королем смеялись, этого не позволяет королевская честь.

Матиуш очень опечалился и, вспоминая о веселых часах, проведенных им в обыкновенном саду, вспомнил желание Иренки.

«Она хочет иметь куклу до самого потолка».

Эта мысль не давала ему покоя.

«Ведь я король, значит, имею право приказывать. А между тем я должен всех слушать. Учусь читать и писать, как все дети. Я должен

мыть уши, шею и чистить зубы, как и все дети. Таблица умножения одна и та же и для королей и для всех. Так зачем мне быть королем?»

Взбунтовался Матиуш и во время аудиенции громко потребовал от старшего министра, чтобы купили самую большую куклу, какая только есть на свете, и послали Иренке.

— Ваше королевское величество, извольте заметить...— начал старший министр.

Матиуш сразу догадался, что за этим последует: этот несносный человек будет долго говорить, скажет множество непонятных вещей, и в конце концов с куклой ничего не выйдет. Матиуш вспомнил, как однажды этот самый министр так же начал что-то объяснять его отцу. Тогда отец топнул ногой и сказал:

— Я требую этого беспрекословно!

Так и Матиуш топнул ногой и очень громко сказал:

— Господин министр, я требую этого беспрекословно!

Старший министр удивленно взглянул на Матиуша, записал что-то в блокнот и буркнул:

— Я представлю требование вашего величества на рассмотрение совета министров.

Что говорилось на заседании совета министров, никто не знает, так как оно происходило при закрытых дверях. Было, однако, постановлено купить куклу, и министр торговли два дня бегал по магазинам. Но такой большой куклы нигде не было. Тогда министр торговли вызвал на совещание всех промышленников, и один фабрикант взялся в четыре недели сделать за большие деньги такую куклу на своей фабрике. А когда кукла была готова, выставил ее в окне своего магазина с надписью: «Поставщик двора его королевского величества изготовил эту куклу для Иренки, дочки капитана пожарной охраны».

Тотчас же газеты поместили фотографию пожарной команды во время тушения пожара, фотографию Иренки и куклы. Говорили, что король Матиуш очень любит смотреть на пожар и на то, как ездит пожарная команда. Кто-то написал в газету письмо, что готов сжечь свой дом, если обожаемый король Матиуш так любит пожар. Много девочек писали королю Матиушу, что тоже очень хотят иметь такую куклу. Но секретарь двора не читал Матиушу их писем, ему это строго запретил рассерженный старший министр.

Перед магазином в течение трех дней стояли толпы людей, разглядывающих королевский подарок, и только на четвертый день по распоряжению префекта полиции кукла была снята с витрины, чтобы толпа не мешала проезжать трамваям и автомобилям.

Долго говорили о кукле и Матиуше, который послал Иренке такой прекрасный подарок.

Матиуш вставал в семь часов утра, сам мылся и одевался, сам чистил ботинки и стелил постель. Такой обычай ввел еще прадед Матиуша, храбрый король Павел Победитель. Умывшись и одевшись, Матиуш выпивал рюмку рыбьего жира и начинал завтрак, который должен был продолжаться не более чем шестнадцать минут тридцать пять секунд. Так завтракал великий дед Матиуша, добрый король Юлиуш Добродетельный. Потом Матиуш шел в тронный зал, где было очень холодно, и принимал министров. В тронном зале не было печки, так как прабабка



Перед магазином стояла толпа.

короля Матиуша, мудрая Анна Набожная, когда была еще маленькая, чуть не угорела, и, в память о ее счастливом спасении, было решено, что в тронном зале не должно быть ни одной печи в течение пятисот лет.

Матиуш сидел на троне и стучал зубами от холода, а министры говорили ему, что творится во всей стране. Это было очень неприятно, потому что известия были невеселые.

Министр иностранных дел рассказывал, кто сердится и кто, наоборот, хочет дружить с их государством, и Матиуш почти ничего из этого не понимал.

Военный министр делал подсчет, сколько разрушено крепостей, сколько испорчено пушек, так что из них совсем нельзя стрелять, и сколько заболело солдат.

Министр путей сообщения объяснял, что нужно купить новые паровозы.

Министр просвещения жаловался, что дети плохо учатся, опаздывают в школу, что мальчики курят тайком и вырывают листы из тетрадок. Девочки обижаются и ссорятся, мальчики дерутся, бросаются камнями и бьют стекла.

А министр финансов все сердился, что нет денег, и говорил, что не хочет покупать ни новых пушек, ни новых машин: все это слишком дорого стоит.

Потом Матиуш шел в парк и в течение часа мог бегать и играть. Но одному ему не очень-то было весело. И он довольно охотно возвращался во дворец и садился за уроки. Учился Матиуш хорошо, он знал, что без науки трудно быть королем. И он очень скоро научился подписывать свое имя с очень длинным росчерком. Кроме того, он должен был учить французский и разные другие языки, чтобы иметь возможность разговаривать с другими королями, когда поедет к ним с визитом.

Матиуш учился бы еще охотнее и лучше, если бы мог задавать разные вопросы, которые приходили ему в голову.

Долгое время раздумывал Матиуш над тем, можно ли изобрести такое увеличительное стекло, которое могло бы на расстоянии зажечь порох. Если бы Матиуш изобрел такое стекло, он объявил бы войну всем королям и накануне сражения взорвал бы все неприятельские пороховые погреба. Он выиграл бы войну, потому что только у него одного был бы порох. И тогда сразу стал бы великим королем, хоть он и такой маленький. Но учитель, услышав об этом, только пожал плечами, скривился и ничего ему не ответил.

В другой раз Матиуш спросил, нельзя ли сделать так, чтобы отец, умирая, отдавал сыну свой ум. Отец Матиуша, Стефан Разумный, был очень умен. А Матиуш сидит на этом же самом троне и носит ту же самую корону, но должен учиться всему с самого начала и даже не знает, будет ли он когда-нибудь знать столько, сколько его отец. А так с короной и троном он получил бы храбрость от прадеда Павла Победителя, набожность от прабабки и все знания отца.

Но и этот вопрос не встретил доброжелательного приема.

Долго, очень долго думал Матиуш, нельзя ли где-нибудь достать шапку-невидимку. Как бы это было хорошо: наденет Матиуш такую шапку и сможет всюду ходить, никто его не увидит. Сказал бы, что у него болит голова, ему позволили бы днем лежать в кровати, выспался бы хорошенько, а ночью надел бы шапку-невидимку и пошел бы в город, ходил бы по столице, осматривал бы витрины магазинов, пошел бы в театр. Матиуш только раз был в театре на парадном представлении, когда еще папа и мама были живы, ничего почти не помнит — он был очень маленький,— но знает, что было прекрасно.

Если бы у Матиуша была шапка-невидимка, он вышел бы из парка на королевский двор и познакомился бы с Фелеком. И по дворцу мог бы всюду ходить. Пошел бы на кухню посмотреть, как готовятся кушанья, пошел бы в конюшню, к лошадям, в различные помещения, куда сейчас ему входить запрещено.

Может показаться странным, что королю так много запрещено. Так вот, должен вам сказать, что при королевских дворах очень строгий этикет. Этикет — это значит, что так всегда поступали короли, и новому королю нельзя делать иначе. Если бы он хотел что-нибудь сделать иначе, он потерял бы честь, и все перестали бы его бояться и уважать, а это означало бы, что он не уважает своего великого отца-короля или деда и прадеда короля. Если король хочет что-то сделать иначе, он должен спросить церемониймейстера, который следит за дворцовым этикетом и знает, что в таких случаях делали короли.

Я уже говорил, что завтрак короля Матиуша продолжался шестнадцать минут тридцать пять секунд, потому что так делал его дед, и что в тронном зале не было печки, потому что так хотела его прабабка, которая давно умерла, и уже нельзя было у нее спросить, не позволит ли она сейчас поставить печку.

Иногда король может что-нибудь немного изменить, но тогда происходит длительное совещание, как это было с прогулкой Матиуша. Так неприятно о чем-то просить и потом долго ждать!

Король Матиуш был в худшем положении, чем другие короли: ведь этикет был составлен для взрослых королей, а Матиуш был ребенком. Поэтому нужно было кое-что изменить. Так, например, вместо вкусного вина Матиуш должен был пить две рюмки рыбьего жира, который ему совсем не нравился. А вместо того, чтобы читать газеты, он просматривал только картинки,— читал он еще не очень хорошо.

Все было бы иначе, если бы у Матиуша был ум отца-короля и волшебная шапка-невидимка. Тогда он действительно был бы королем. А так он сам часто не знал, не лучше ли было ему родиться обыкновенным мальчиком, ходить в школу, вырывать листы из тетрадок и бросать камни.

Однажды Матиушу пришло в голову, что если он научится писать, он напишет письмо Фелеку, и, может быть, Фелек ему ответит. Получится, будто он с Фелеком разговаривает.

С той поры король Матиуш взялся за дело серьезно. Все дни он писал: переписывал из книжки повести и стихи. И если бы ему позволили, он даже не ходил бы в королевский сад, а только писал и писал с утра до вечера. Но он не мог этого сделать: придворный этикет и церемониал требовали, чтобы король прямо из тронного зала выходил в сад. И уже двадцать лакеев стояли наготове, чтобы открыть королю двери. Если бы Матиуш не вышел в сад, эти двадцать лакеев остались бы без всякого дела и им было бы очень скучно.

Может быть, кто-нибудь скажет, что это не работа — открывать двери. Так скажет тот, кто не

знает придворного этикета. Я должен объяснить, что у этих лакеев не было свободного времени. Каждый из них утром принимал холодную ванну, потом парикмахер их причесывал, брил им усы и бороды; одежда должна была быть чистая, чтобы на ней не было ни пылинки, потому что триста лет назад, когда царствовал король Генрих Стремительный, однажды на королевский скипетр с одного из лакеев прыгнула блоха, вследствие чего этому ленивцу палач отрубил голову, а маршал еле избежал смерти. С той поры надзиратель проверял чистоту лакеев, которые в семь минут двенадцатого, тщательно умытые и одетые, стояли в коридоре и ждали до



Матиуш сидел на троне и стучал зубами от холода.

семнадцати минут второго, чтобы их осмотрели. За незастегнутую пуговицу им грозило шесть лет тюрьмы, за плохую прическу — четыре года каторжных работ, за недостаточно ловкий поклон — два месяца заключения на хлебе и воде.

Обо всем этом Матиуш уже знал, и ему даже в голову не приходило не выйти в парк; а впрочем, кто знает: может быть, можно было бы найти где-нибудь в истории случай, когда король вовсе не выходил в сад, и разрешить Матиушу поступать так же. Но тогда ему было бы ни к чему уметь писать, потому что как бы тогда он передал Фелеку свое письмо?

Матиуш был способный мальчик, и у него была большая сила воли. Он сказал:

— Через месяц я напишу Фелеку первое письмо.

И, несмотря на все препятствия, так долго писал и писал, что через месяц, уже без посторонней помощи, письмо Фелеку было готово.

«Дорогой Фелек,— писал Матиуш.— Я уже давно смотрю, как вы весело играете во дворе. Я тоже хотел бы играть с вами. Но я король, и поэтому не могу. Но Ты мне очень нравишься. Напиши мне, кто Ты, я хочу с Тобой познакомиться. Если Твой папа военный, может быть, он позволит Тебе иногда приходить в королевский сад.

Матиуш-король».

Сильно билось сердце Матиуша, когда он подозвал к решетке Фелека и передал ему свое письмо.

И еще сильнее билось его сердце, когда на другой день таким же образом он получил ответ.

«Король,— писал Фелек,— мой отец военный, взводный командир придворной стражи, и я очень хочу попасть в королевский сад. И я Тебе, король, верен и готов пойти за Тебя в огонь и в воду и защищать Тебя до последней капли крови. Когда бы Тебе ни понадобилась моя помощь, свистни только, и я явлюсь на первый зов.

Фелек».

Матиуш положил письмо на самое дно ящика, под книги, и начал старательно учиться свистеть. Матиуш был осторожен, он не хотел себя выдать. Если он потребует, чтобы Фелека впустили в сад, сейчас же начнутся совещания: а зачем, а откуда он знает, как его зовут, а где они познакомились? А что будет, если их выследят и в конце концов не позволят? Сын взводного. Уж хоть бы поручика! Сыну офицера, может быть, позволили бы, а так, наверно, не согласятся.

«Нужно еще подождать,— решил Матиуш.— А пока я научусь свистеть».

Не так-то легко научиться свистеть, если нет никого, кто бы мог показать, как это делается. Но у Матиуша была сильная воля, поэтому он научился.

И свистнул.

Свистнул только на пробу, чтобы убедиться, что он умеет. И каково же было его удивление, когда через минуту перед ним предстал — вытянутый в струнку — Фелек собственной персоной.

— Как ты сюда попал?

— Перелез через решетку.

В королевском саду росли густые кусты малины. Там-то и спрятался король Матиуш со своим другом, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ

О ПЛАНЕ И ГОСПЛАНЕ

ХОЗЯЙСТВО

НАЧНЕМ С ТЕБЯ

Двенадцать или четырнадцать лет назад, когда ты, читатель, родился на свет и даже не знал еще своего собственного имени, о тебе знали, думали тысячи людей в различных концах страны, в сотнях городов и сел.

«Как это может быть,— удивишься ты,— откуда же они узнали про меня?»

А вот об этом сейчас и пойдет у нас с тобой разговор.

К вечеру того дня, когда ты родился, стало известно, что в твоем городе в этот же день появились на свет сорок мальчиков и тридцать девочек.

Эти сведения полетели в областной центр, и вскоре новость о том, что ты родился, дошла до Москвы.

«Но зачем и кому было нужно узнавать про это?» — спросишь ты.

А давай посмотрим, что было бы, если бы никто об этом не узнал.

Прошел бы год. Ты и другие годовалые твои ровесники начали учиться ходить. Сотни тысяч маленьких ног приготовились для первого шага, и каждую для этого надо было обуть в легкий башмачок. А их не было бы. Ведь если бы не знали, что вы все родились, неизвестно было бы и то, что вам уже год и вы ходите. И так — за что ни возьмись: крохотные валенки для первой прогулки по первому снегу, первая шубка, первые штанишки. Словом, совсем как в стихах, которые ты любил в детстве: «Если каждой ножке нужно по галошке, то для всех детишек сколько будет штук?» Даже эта детская книжка с веселыми стихами не была бы для тебя напечатана! Но она БЫЛА напечатана, и шубка БЫЛА готова, и валенки скатаны, потому что о твоем появлении на свет знали.

Вот мы и пришли к началу с другого конца. Жужжали ткацкие станки, гудели печатные машины, стрекотали обувные автоматы, строились новые школы, а в институтах слушали лекции студенты, чтобы стать учителями и учить в этих школах тебя и твоих одногодков, всех мальчиков и девочек, родившихся одновременно с тобой.

С самого твоего рождения и по сей день страна, составляя план народного хозяйства, учитывает и все то, что нужно тебе.

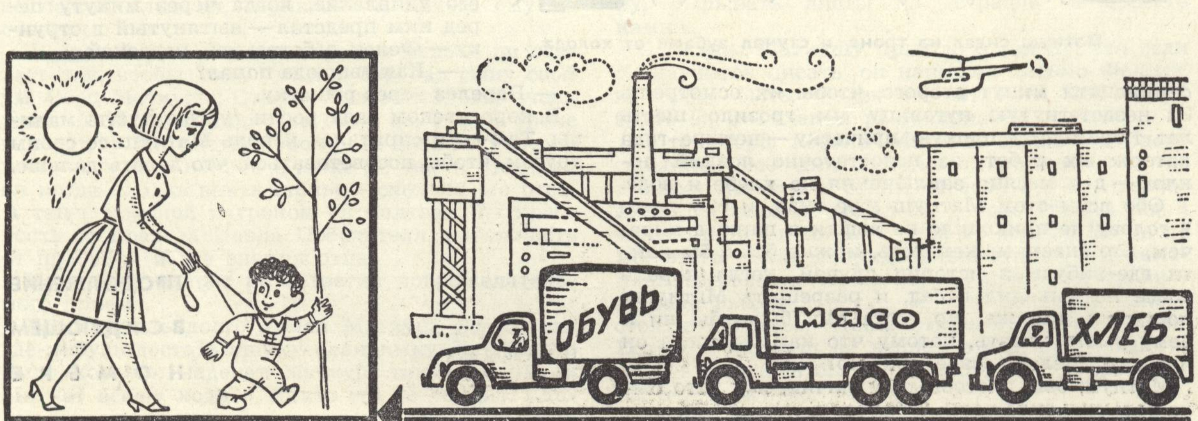
ПОПРОБУЕМ ПОСЧИТАТЬ

Так, значит, это очень просто — составить план на всю страну! — скажешь ты.— Сосчитал всех ребят в стране, помножил на два по числу ног, и вот вам план по детским башмакам. Если пятьдесят миллионов ног — сто миллионов ботинок. Если сто миллионов ног — двести миллионов ботинок. Так же и со взрослыми...

Ну нет, дружок, это не так просто! И на сто миллионов и даже на один миллион ботинок нужна кожа, а она с неба готовая не падает. Ее еще надо выделать заранее на кожевенных заводах, а до этого вырастить в колхозных стадах. Значит, подсчет ног превращается в подсчет голов рогатого скота? Да, представь себе!

Но и это еще не все! А подошвы? Сколько тонн синтетического каучука надо сделать химическому заводу для микропористых подошв? Сколько кубометров газа бутана надо добыть из-под земли для превращения его в каучук? Сколько для этого должна дать каждая буровая скважина? Хватит ли буровых, не надо ли бурить новые? Сколько бурильных станков и вышек? Сколько металла для них? Сколько нефтяников? Сколько нефтяникам защитных шлемов, спецовок? Вот как далеко мы ушли, начав с твоих ботинок! И с любой вещью, за какую ни возьмись, получится так же сложно.

И с тетрадками, и с партами, и с одеялами, и с чулками, и даже с автобусами, которые каждое лето везут тебя и других ребят в пионерский лагерь.



ТВОЕЙ СТРАНЫ

А ЕСЛИ БЕЗ СЧЕТА?

Кто же это все считает? И как? Это ведь очень сложно. Может быть, лучше, не считая, делать как можно больше всего? Если останется лишнее,— пусть лежит в запасе, на потом. И если вдруг окажется, что галош и телевизоров заготовлено на сто лет вперед, это разве плохо?

Очень даже плохо! Вообрази горы галош или телевизоров, которые будут лежать без толку сотню лет; вообрази рабочих, делающих вещи, польза от которых только через сто лет проявится; станки, которые были заняты работой, ненужной людям ни сегодня, ни через год, ни через десять лет. А ведь они могли бы делать что-нибудь иное, нужное как раз теперь.

Сделали гору галош, а на покрышки и шины для автомобилей не хватило резины. Вот и встали на дорогах все наши машины...

Да и кто будет носить ботинки или смотреть в телевизоры, сделанные даже не сто, а хотя бы двадцать лет назад? Ведь и мода меняется и техника идет вперед.

И, наконец, самое важное. Никакое социалистическое государство, даже с такой могучей промышленностью, как наша, не допустит, чтобы энергия людей и машин затрачивалась на изготовление горы бесполезных запасов.

Потому что эту энергию, эти силы можно использовать разумно, на создание вещей, полезных народу сейчас, сегодня, завтра, на неотложные дела и нужды.

А ДЛЯ ЭТОГО НУЖЕН ПЛАН

Что же такое план? План — это точный расчет, сколько, чего и в какие сроки надо произвести, чтобы в стране не было бесполезных излишков, но и не было нехватки ни в чем необходимом.

Значит, все-таки надо считать.

Надо сосчитать, сколько требуется тетрадок для всех школьников, и сколько для тетрадок потребуется бумаги, и сколько для этой бумаги древесины, и сколько пил и тракторов, чтобы ее добыть и вывезти из леса, сколько машин для превращения ее в бумагу и превращения бумаги в тетрадки.

Какая сложная цепочка получилась! Правда? А таких цепочек получаются сотни, тысячи, миллионы — за что ни возьмись. Они возникают от каждой вещи, про которую мы говорим «надо».

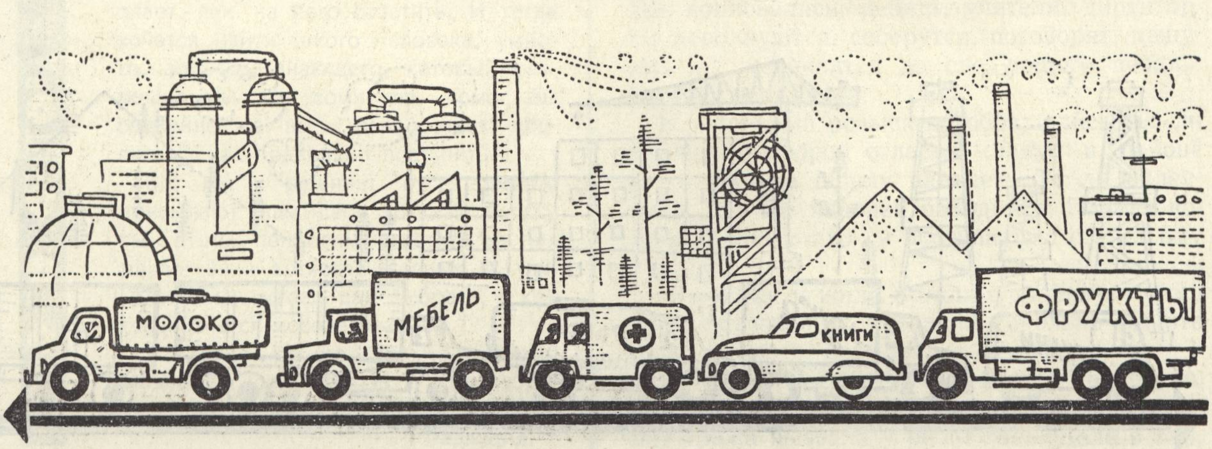
Так что же, каждую вещь берут, ведут от нее такую цепочку и считают? Нет, конечно! Ведь бумага нужна не только для тетрадей, но и для книг, и для газет, и для упаковки, а древесина нужна не только для бумаги, но и для стульев, и для застилки полов, и для нитей искусственной пряжи. Когда считают бумагу, или древесину, или еще что-либо, считают все количество, нужное для всех потребностей страны. Есть планы заводов, есть планы различных отраслей промышленности, есть планы министерств, и везде идет счет. Наконец, все эти планы, весь этот счет сходится в учреждении, называемом Госплан.

Вот здесь-то и составляется общий план хозяйства нашей страны. План и на будущий год, и на пятилетку, и на многие годы вперед.

КОМПАС ГОСПЛАНА

Ты спросишь: «Откуда же Госплан может угадать, кто сколько съест, кто сколько износит костюмов, кто сколько раз вздумает пойти в кино? Ведь кинотеатры, наверное, тоже планируются? И сеансы и кинофильмы?».

Да, конечно. Но Госплану не приходится угадывать. ОН ЗНАЕТ. А знает он потому, что у него есть ком-



пас. На этом компасе нет ни магнитной стрелки, ни делений, по нему не увидишь, где север и где юг, но он помогает выбрать безошибочный путь. Называется этот компас — НАУКА.

В десятках различных научно-исследовательских институтов ученые выясняют, что нужно человеку, чтобы он был здоровым, бодрым, энергичным, трудоспособным и жизнерадостным. В одном институте занимаются питанием, в другом — одеждой, в третьем — жилищем, в четвертом — способами отдыха, в пятом — наилучшей обстановкой на работе, при которой человек может сделать больше.

РАЗРАБАТЫВАЮТСЯ И ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ НОРМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ. Это делается на основе тысяч наблюдений, в результате врачебных осмотров, обследований жизни многих семей. Нормы различны, они неодинаковы для северян и южан, для литейщиков и электриков, для стариков и молодых.

И представь себе, что хотя они различны, а все равно справедливы. Ты и сам легко это поймешь, если подумаешь, одинаково ли необходима шуба жителю Каракумов и жителю тундры. В пище у них тоже разница, и не потому, что в Узбекистане растут арбузы, а на Чукотке не растут, или что на Чукотке есть стада северных оленей, а в Узбекистане их нет. Просто жителю севера и жителю юга нужна разная пища.

Путешественники с давних пор описывали, что северные народы — эскимосы, ненцы, чукчи и другие — с удовольствием пьют жир, вытопленный из рыбы, из убитых оленей, медведей, нерпы. Прямо так, чашками, и пьют! В холодном полярном климате жир — необходимейшее топливо для человеческого тела.

«А возраст как?» — спросишь ты. Ну, это яснее ясного. Тебе нужен футбольный мяч? Правда ведь? А дедушке твоему едва ли. Твоя старшая сестра требует туфли с каблуками-шпильками, а бабушка, хоть озолоти ее, таких туфель не наденет.

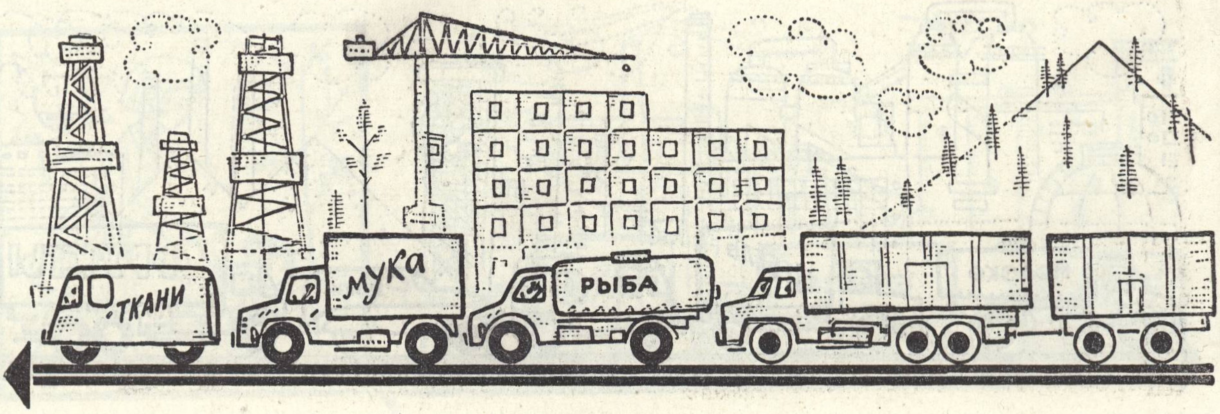
«Хорошо,— скажешь ты. — А вдруг какому-нибудь чудаку вздумается купить себе сорок пар туфель? Или вдруг он пожелает есть только пирожные? И вдруг в какой-нибудь год таких чудаков окажется очень-очень много? Не может тогда получиться в плане просчет?»

Представь себе, дружок, не может. В мире, где живет много людей, действует удивительный закон. Ученые называют его законом больших чисел. Этот закон никем не придумывался и не утверждался. Он существует сам по себе, независимо от нашего желания, и проявляется всюду, где какие-нибудь события повторяются в большом масштабе и по многу раз. Вот тебе пример. В городе, таком, как Москва, каждый день люди забывают в трамваях, автобусах и троллейбусах зонтики, галоши, портфели. Эти рассеянные, конечно, не сговариваются. Но количество забытых вещей оказывается почти одинаковым. Если оно меняется, то лишь по сезонам. Зимой больше варежек, осенью больше зонтиков и галош, а число забытых сумочек и портфелей примерно одно. Как бы ни менялось число в отдельные дни, но за год и даже за месяц оно окажется одинаковым. Точно так же постоянно число людей, побывавших в кинотеатрах, постоянно число людей, у которых заболели зубы, число людей, пришедших в библиотеки, чтобы поменять прочитанную книжку.

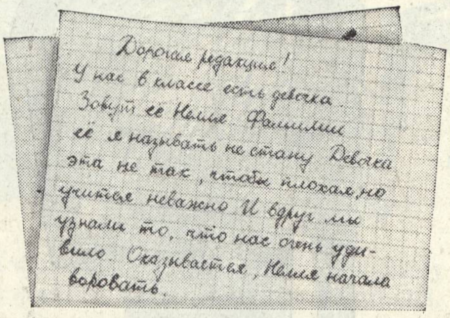
Закон больших чисел проявляется не только на людях. Ты сам можешь проверить его с помощью простого опыта. Если ты попробуешь подбрасывать монетку, то за пять-шесть раз она может упасть подряд вверх решкой или вверх гербом. Если же у тебя хватит терпения подбросить ее хотя бы тысячу раз и при этом вести счет, как она падает, ты увидишь, что герб и решка выпадут примерно поровну. А если ты много раз произведешь «тысячекратный» эксперимент, окажется, что это соотношение точно повторяется.

Закон больших чисел — одно из открытий науки, называемой статистикой. А статистика — одна из наук, которые служат компасом Госплану.

КТО ДЕЛАЕТ ЧТО ● КАК ВСЕ РАБОТАЮТ НА НЕФТЯНИКОВ, А НЕФТЯНИКИ НА ВСЕХ ● КАК КРОВАТИ МОГУТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ПРОМЫШЛЕННОСТИ ● КАК РУЧЕЙКИ ПЛАНОВ СТЕКАЮТСЯ В РЕКУ ● КАК ГОСПЛАН СОСТАВЛЯЕТ ОБЩИЙ ПЛАН ● ОБ ЭТОМ И О МНОГОМ ДРУГОМ ТЫ УЗНАЕШЬ В СЛЕДУЮЩЕМ РАССКАЗЕ О ХОЗЯЙСТВЕ ТВОЕЙ СТРАНЫ ●






Дорогая редакция!
У нас в классе есть девочка.
Зовут её Нелля. Фамилии
её я называть не стану. Девочка
эта не так, чтобы плохая, но
учится неважно. И вдруг мы
узнали то, что нас очень удивило. Оказывается, Нелля начала
воровать.

Дорогая редакция! У нас в классе есть девочка. Зовут ее Нелля. Фамилию ее я называть не стану. Девочка эта не так чтобы плохая, но учится неважно. И вдруг мы узнали то, что нас очень удивило. Оказывается, Нелля начала воровать.

Один раз она пришла к одной девочке из нашего класса и взяла у нее ботинки. И из-за Нелли эта девочка не пришла в школу. И лишь на другой день ботинки у Нелли отобрали. Стащила она и много других вещей, часть которых удалось вернуть.

Все ученики нашего класса были очень возмущены. Но как только эта история стала забываться, Нелля стащила тапочки.

Класс постановил снизить ей дисциплину до четырех, но Нелля не исправилась.

Дорогая редакция, ответьте мне, как бороться с такими людьми? Как объяснить им, чем это может кончиться?

С пионерским приветом

Люба Баукина,
г. Белорецк.

Любе Баукиной отвечает подполковник милиции Владимир Федорович Чванов

Я прочитал твое письмо, Люба, и вспомнилась мне одна история...

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Наверное, иногда у тебя возникает вопрос. Самый трудный на свете. И ни ты, ни твои друзья, никто не знает, как на него ответить. И тогда хочется найти такого человека, умного, доброго, знающего, который разрешил бы все сомнения, помог бы спокойно во всем разобраться, подсказал, как правильно поступить.

Вот мы и решили: пусть ребята присылают нам свои трудные вопросы, а мы попросим ответить на них писателей и артистов, ученых и учителей. Ты можешь сам выбрать, с кем тебе хочется посоветоваться.

В уголке своего письма напиши: «Надо посоветоваться!» Договорились? Ждем твоих писем!

Редакция.

В школе — не буду называть ее номер — начались таинственные исчезновения вещей. То перчатки пропадут, то деньги, то авторучка. Один раз пропали даже часы.

В общем, кто-то стал воровать. Каждый случай кражи был, разумеется, событием. Ведь раньше такого никогда не случалось! Все волновались: ребята, учителя, директор. Но поволнуются, соберутся, поговорят, пошумят и... успокоятся до следующего печального происшествия.

В уголовный розыск не обращались. То ли боялись недоброй огласки: станут в районе указывать на школу пальцем. То ли надеялись, что все наконец обойдется. Поймет воришка, как плохо он поступает, и станет ему стыдно...

А зло так и жило в стенах школы незримо для окружающих. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы не случай.

Пропала авторучка у Юры Троицкого. Раньше тоже исчезали авторучки. Но на этот раз кража вызвала у ребят гнев. Дело в том,

что авторучка была не простая — заветная. Мать купила ее Юре незадолго до дня рождения. Но подарить не успела: ее сбила на улице машина. Ребята помнили этот страшный день. Пережили его тогда вместе с товарищем.

Юра берег ручку, берег, как каждый человек бережет память о матери. И вот эта ручка исчезла. Юра места себе не находил. Больно на него было смотреть. И тогда его друг Стасик Романов сказал ребятам:

— Костьми лягу, а найду вора!

И начал действовать.

Все в классе знали, что Стасик мечтает стать следователем. Он успел уже перечитать все детективные романы, по нескольку раз посмотрел все приключенческие фильмы и, надо отдать ему должное, был неплохо осведомлен о методах раскрытия краж и разоблачения преступников.

Вместе с тремя товарищами, посвященными в тайну, он разработал «план» операции «Хамелеон». Не буду описывать в деталях эту операцию, скажу только, что задумана и выполнена она была отлично, и в финале ее «сыщики» поймали вора. Они увидели, как вор вытащил в раздевалке из кармана пальто кошелек с мелочью. «Взять с поличным!» — решили ребята. Молча отобрали кошелек и повели воришку за школу.

— Бить будете? Да? Бить будете? — повторял, всхлипывая, Генка Калачев. — Бить будете?

— Нет, шоколадом тебя накормим, — сказал с презрением Стасик. — Раскрывай рот пошире!

Ребята зашли за угол и остановились. Один из участников операции поплевав на ладони, широко размахнулся.

— Постой! — неожиданно остановил товарища Стасик. — Не марай рук. Больно уж он щуплый...

— Вот что, — повернулся он к оторопевшему, съежившемуся от страха Генке. — Завтра же пойдешь к директору и скажешь, что вор — ты. А потом и в классе скажешь всем нашим. Понял?

— Понял...

— А если не сделаешь этого — плохо будет!

— Понял, — совсем тихо ответил Генка, — скажу. Но только недели через две.

— Это еще что! — возмутился Стасик.

— Сейчас не могу. Не могу, правда.

Он говорил и чувствовал, что ребята не поверят ему. И тогда он решился на то, на что ему труднее всего было решиться: сказал правду, горькую и страшную правду.

— Отца в больницу положат — вот тогда



скажу. А сейчас, если узнает да еще из школы исключат, помрет раньше времени.

Ребята переглянулись. Они не знали, что отец Генки тяжело болен.

— Ну ладно, — согласился Стасик. — Давай через две недели. — И первый отошел в сторону.

Они побрели прочь, а Генка остался. Когда Стасик оглянулся, то увидел, что Генка так и стоит на прежнем месте, низко опустив голову. И Стасик вернулся.

— А что с отцом-то? Почему в больницу?

— Водка... Пил здорово. И лопнуло что-то в сердце. Пил ужасно как...

— Ладно, — повторил Стасик. — Давай через две недели. — Он махнул рукой и пошел было, но опять остановился, спросил:

— А что ж молчал раньше? И в школе никому не сказал, что отец помирает?

— Стыдно, — признался Генка. — Стыдно было. Ведь от водки...

И тогда операция «Хамелеон» получила неожиданное продолжение. Вечером все ре-



бята встретились и пошли к Генкиному дому. Постучали в дверь, вызвали товарища.

— Ты с ворованными вещами что делал? — спросил Стасик.

— Вещей я не брал, — испугался Генка. — Что хотите делайте, не брал. Только деньги. Я их матери подкидывал. Помочь решил. Видели, какая она стала? От горя. Извелась.

— А вещей, значит, не брал? И авторучку, может быть, не брал?

— Не брал я ручки, — взмолился Генка. — Я только деньги...

— Врешь! — вскипел Стасик. — Ты вор, больше некому!

— Проклят буду — не брал, — лепетал Генка. — Я же знаю, что это за ручка!

— Ну ладно, — сказал Стасик. — Хватит. Мы еще поглядим!..

На другое утро он объявил в классе, что завтра в школу придет Колесов, работник уголовного розыска. Он раскрывает все преступления, даже самые запутанные. Уж онто найдет Юркину авторучку. Он обещал Стасику.

— Вот здорово! — обрадовался Колька Ломов. — Хоть на меня думать не будут. Побузить — это мое дело! Но красть...

В большую перемену ребята не отходили от Стасика. Он рассказывал все новые и новые фантастические истории из практики Колесова. Будь здесь сам Колесов, он, наверное, удивился бы услышанному.

А Юрке Троицкому было не по себе. Он отошел в сторону: хотелось побыть одному. До начала урока оставалось минут пять, и Юра побрел в класс. Открыл дверь — и вдруг... заметил, что от его парты отскочил Борис Лебедев. Пробежал мимо него, не сказав ни слова. Он бросился к своей парте — рядом с портфелем лежала его авторучка.

Так вот кто! А думали, Генка... Бить хотели. Зачем же он это сделал, Борис? И почему теперь решил подкинуть ручку? Неужели испугался Колесова или совесть заговорила?

Мне хочется верить, что в Борисе заговорила совесть. Что он понял: воровство не только преступление, это еще и подлость и величайшее кощунство. Стащил воришка ручку, а эта ручка была памятью о самом дорогом человеке. Вор всегда приносит горе, и мы наказываем воров со всей строгостью. Но, наказывая преступника, мы пытаемся внимательно заглянуть в его глаза, в его душу, в его жизнь. И помочь ему, помочь найти дорогу, стать на правильный путь.

С годами, ребята, понимаешь, что в жизни все сложнее, чем кажется поначалу. История, которую я рассказал тебе, Люба, и всем вам, мои читатели, у взрослого человека вызывает иные мысли и чувства, нежели у человека двенадцати или четырнадцати лет. Но мне хотелось бы, чтобы и сейчас вы поняли одну несомненную для меня истину: мало найти вора для того, чтобы исчезло воровство.

Избить или наказать человека, укравшего даже самую дорогую для тебя вещь, — не в этом дело. Надо добиться, чтобы завтра воровство не повторилось.

Постарайся даже в самом начале жизни воспитать в себе умение разбираться, почему твой товарищ делает то, что тебя и других возмущает. Люди ведь не рождаются преступниками. Если ты внимательно разберешься, почему человек начал воровать, ты обязательно поступишь по справедливости.

Когда в школе случается кража — это, конечно, чрезвычайное происшествие, большая беда. И, возможно, кому-то захочется поскорее, как мы говорим, оперативно устранить зло. Это понятно. Но, действуя быстро и решительно, поступай умно и тактично, не забывай, что, может быть, товарищу твоему живется сейчас плохо, трудно и больше всего на свете ему нужна твоя помощь. Помощь, о которой он не решается, стесняется попросить.

И последнее. Нельзя скрывать, что в твоем классе завелся воришка. Пусть хотя бы один случай будет известен всем. Вору станет стыдно. Очень важно, чтобы у вора заговорила совесть. Совесть, а не страх.

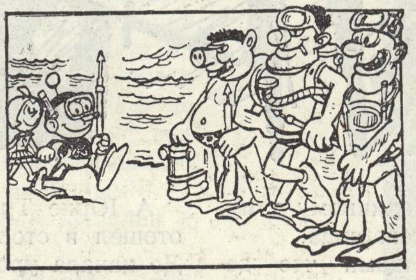
Лавровый венок

Из газеты итальянских пионеров «Пионер дель Унита».

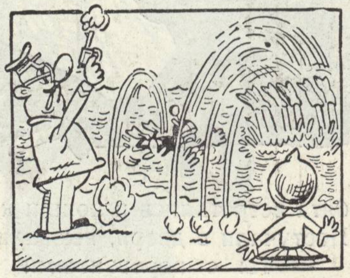
Атомино и Змеральдина отправились путешествовать по Италии



**1. — Ты такой сильный, такой атомный, но ничего не умеешь делать, кроме неприятностей.
— Змеральдина!.. Я тебе докажу, что это совсем не так.**



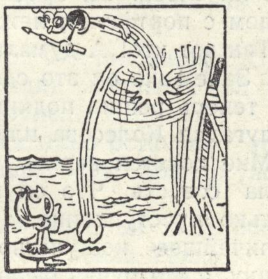
**2. — Ха-ха! Разве ты годишься для подводной охоты?
— Это мировой чемпионат, а не карнавальное шествие!**



3. — Готовы? Марш! Побеждает тот, чей улов будет больше.



4. — И это все?.. Ты что, не слышал? Побеждает тот, кто наловит больше рыбы.



5. — Я все понял.



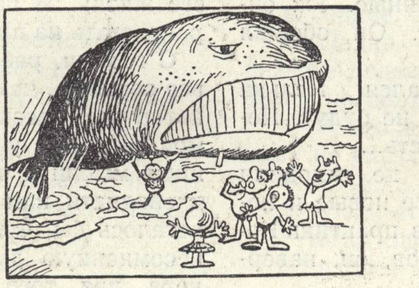
6. — Не волнуйся, Змеральдина.



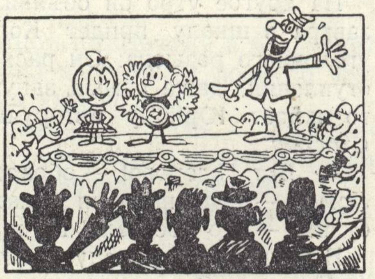
. . . .



**7. — Что бы это могло быть? Моторная лодка?!
Это Атомино плыл с огромной скоростью на ките.**

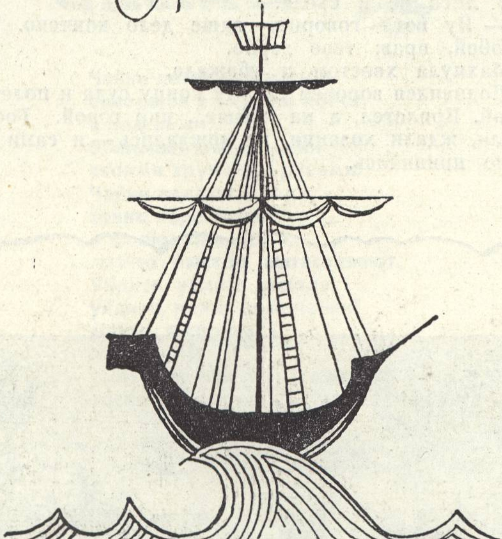


8. — Вот мой улов!



**9. — Ты победил. В общем, ты неплохо придумал... Но, как всегда, переборщил!
О, этому «неплохо придумал» Атомино был рад больше, чем лавровому венку!**

Журнал в журнале



Кораблик

печатает только тебя

Вот что мы придумали. Вернее, мы не сами придумали, а обрадовались выдумке нескольких ребят.

В «Пионере» открывается «журнал в журнале». Все рассказы, стихи, сказки, что будут в нем напечатаны, пишут сами ребята. А если среди писем в редакцию найдутся хорошие рисунки, то и они попадут в «Кораблик».

Мы уверены, что тебе понравится название «Кораблик». Журнал с этим названием издавал ленинградский мальчик Шура Катульский. Шура погиб во время войны, но сохранились его журналы. Об этом в девятом номере «Пионера» за 1962 год рассказал Вл. Глоцер. Отыщи где-нибудь этот старый «Пионер» и прочти рассказ о Шуре и его «Кораблике».

А сейчас прочитай первый номер нашего «Кораблика».

Облака

Я облака встречаю на рассвете,
За облаками пристально слежу.
Скажи мне, ветер, ты откуда,
ветер?
Ты их несешь к какому рубежу?
Поддерживаешь бережно и строго,
Покачиваешь нежно и легко.
А может, с ними мне одна дорога?
Умчаться б вместе с ними далеко!

Надя Ковалева,
14 лет, село Федоровка,
Кустанайской области.

Мышь и Воробей

Сказка Саши Пятова,
13 лет, город Бийск.

Сжали, обмолотили колхозники хлеб осенью. Повезли на элеватор. Один лихой шофер просыпал с килограмм зерна возле дома. Не заметил. Покатил дальше.

На доме, под стрехой, жил воробей. Увидал он зерно, слетел с крыши, поклевал немного и сказал себе:

— Надо перетаскать зерно в гнездо. Приглашу нашу братию, заведем пир на весь честной мир.

Перетаскал воробьишка зерно в гнездо. Полетел приглашать свою братию к пяти часам вечера. Пригласил. Вернулся — глядь, мышь в гнезде сидит. Воробьишка рассердился, спрашивает:

— Это что такое? А ну, вылазь! Ишь, забралась!

Мышь и ухом не ведет.

— Не ори, воробей. Мое зерно! Мне его шофер по договоренности сбросил.

От подобной наглости воробей заикаться стал:

— Да... да как ты смеешь! Не может человек с мышью договариваться. Он бы тебя прибил, потому что ты вредительница!

— Ах так! — Мышь выскочила из гнезда и кинулась на воробья.

И пошла у них драка. Мышь думала запросто с воробьем сладить. Не тут-то было! Воробьишка посадил ей шишку на лоб. Сбил пыл.

Образумилась мышь. Поняла: дракой не возьмешь. Пошла на хитрость.

— Давай, — говорит, — судиться.

— Давай, — отвечает воробей.

Начали судиться. Да вот беда: судьи нет. Решили податься в поле, первого попавшегося в судьи просить, зверя или птицу.

Добрались до поля. Встретили у дороги жаворонка. Он сидел и клевал гусениц.

Попросили его. Отказался жаворонок, сказал, что, пока он судить будет, гусеницы расползутся, придется искать, да не всех найдешь.

Отправились дальше. Видят, ворон зайчишку клюет. Ранил беднягу охотник, не нашел в густой траве, плюнул и пошел другого добывать, а зайчишка отполз в ямку да и помер. Нашел его ворон да и ест теперь.

Обратились к ворону воробей и мышь: так и так, будь нашим судьей.

Вороны, известно, зерно не любят. Они дохлятину любят. Такая уж их порода.

Отмахнулся ворон от судящихся.

— Недосуг мне,— говорит,— ваш спор разбирать. Не видите, работаю. Не дай бог, другие увидят — с хвостом оторвут.

«Вот единоличник!» — подумал воробей.

Мышь не подивилась. Промолчала.

Идут дальше. Встретили волка. Рассказали ему все. Ничего не ответил волк. Голодный он был, два дня бегал, пищу искал — не нашел. Кинулся на воробья, зубами щелкнул. Еле-еле увернулся воробей, сел на малину переживать нервное потрясение. Не увернись вовремя — и... страшно подумать!

Мышь обрадовалась, когда волк на воробья бросился. Думала: «Съест волк его — зерно мне достанется». Не съел волк воробья. Разозлилась мышь, но вида не показывает.

Снова идут. На этот раз повстречалась им лиса, добренькая такая. И сразу согласилась лиса быть судьей.

Стали судиться. Разбирает дело лиса, а сама нет-нет да и умильно так стрельнет глазами в сторону мыши. Судила, судила, вдруг как крикнет:

— Кот!

Мышь обернулась посмотреть: откуда в поле кот? Лиса ее и съела.

— Ну вот,— говорит,— ваше дело кончено. Ты, воробей, прав: твое зерно.

Махнула хвостом и убежала.

Подивился воробей такому концу суда и полетел домой. Прилетел, а на крыше... пир горой. Гости ждали, ждали хозяина, не дождались — и сами за зерно принялись.



Майданово. *Сережа Родонов,* 14 лет, город Клин.



Март. *Сережа Никифоров,* 12 лет, Москва.

Почти Сказка

Жили-были старик со старухой,
И имели они золотого кота...

А тот кот весь в золотом,
С серебряным хвостом,
С большими усами,
С изумрудными глазами,
С золотыми ушами,
С белыми зубами,
С острыми когтями,
С рубином на спинке...

И все это на картинке.



Виталий Редько,
14 лет, село Ивановка,
Херсонской области.



«Лебединое озеро». *Эдвард Юзефовский,* 11 лет, город Катовицы, Польша.

Стихи Саши Ласкина

чайки



Чайки летят над морем,
совершая вечерний полет,
а под ними
обнимает море камни
своими хрупкими руками.
Чайки падают в воду,
точно падают капли,
и клюют они море,
что-то быстро вытаскивают.
Уйдите, уйдите отсюда,
уйдите, крикливые чайки!
Дайте, я спрячусь
и буду
смотреть, как ласкает камни
ласковое море.



Усадьба Чайковского.

Миша Кремнев,
14 лет, город Клин.

дождь в Ленинграде



Дождь идет.
Завернуты в черные плащи,
в шляпах с широкими полями,
с зонтиками, как со щитами,
как бандиты, проходят люди.
И памятник Пушкину во мгле,
словно провалился под землю.
И горят фонари,
не давая света.
Хоть бы кончился дождь!
И прошли эти грустные люди!



листья

Листья, как индейцы, живут в лесу.
На головах носят перья — острые зарубинки.
У них есть копья — наточенные иголки.
Листья, как индейцы, живут в лесу.



дни

Шел день, второй, четвертый, пятый...
Понедельник, как маленький ребенок,
прыгал на одной ноге.
Суббота, седой старик,
играл на шарманке,
чтоб ночью в воскресенье умереть,
а утром вновь воскреснуть.
...А дни — это семь искр,
которые поодиночке,
через двадцать четыре часа,
гаснут.

памятник



Стоял памятник с запрокинутой головой.
На него как будто кто-то лил из ведра
водой.
И вдруг взошла луна,
и сказала она:
— Ты был когда-то человеком,
теперь ты просто почерствел.

Саше Ласкину 9 лет, живет он в Ленинграде.



Самая обыкновенная

Скажу сразу. Когда мы в редакции решили побеседовать с Леной Прокловой — московской школьницей, снимавшейся в новом фильме «Звонят, откройте дверь!», у нас было затаенное желание. «Хорошо бы,— думали мы,— показать ребятам, что Лена не какая-то там кинозвезда, а самая обыкновенная девочка...» С этой мыслью я и вошла в квартиру к Прокловым.

Фильм, где Лена снималась в роли Тани Нечаевой, я уже видела. Слышала и откровенный рассказ режиссера Александра Наумовича Митты о мытарствах, которые претерпели они, работники киностудии «Юность», прежде чем нашли исполнительницу главной роли.

Делать фильм, где герои—ребята, и вообще-то дело нелегкое, а тут еще речь шла об образе достаточно



Алена Проклова.

сложном. Автор сценария писатель Володин показывает нам Таню в напряженнейший момент ее двенадцатилетней жизни. Девочка одинока, мама уехала к папе — геологу, находящемуся в далекой экспедиции. В одиночестве переживает Таня всю горечь первой, неразделенной любви...

Вчитываясь в сценарий, режиссер рисовал себе образ Тани. Вдумчивая, подчас даже суровая девочка. Кажется старше своих лет. Скорей всего брюнетка. Густые, сросшиеся брови...

Претенденток на роль Тани сразу же оказалось более чем достаточно... «Мама говорит, что я очень самостоятельная. У меня красивый профиль, большие черные глаза и родинка на левой щеке...» Сколько было таких писем!.. Но чаще девочки приходили сами. Среди них оказывались и способные. Но ни одной Тани!



Это кадр из фильма.
— Мама, я понимаю, что тебе без папы трудно и что без меня ты тоже не можешь. В общем, я тебя за это уважаю,— говорит Таня Нечаева маме.

Тогда был совершен опрометчивый поступок... лучше и не вспоминать о нем!.. Появилось объявление в «Пионерской правде», и... не сотни—тысячи девочек, с мамами и без мам, буквально осадили студию. Почти как в фильме «Самая красивая»!.. Работники студии были близки к отчаянию.

Вот почему режиссер, услышав о том, что есть, мол, еще одна хорошая девочка, Лена Проклова, не проявил энтузиазма. Однако попросил Лену прийти. Когда же она пришла...

Мне нетрудно представить себе тогдашние впечатления режиссера. А ведь я-то встретилась с Леной чуть ли не годом позже, а за год она и повзрослела и подросла «на целые каблуки». И все же я едва не вскрикнула от удивления... На экране Лена выглядит несколько старше... А здесь передо мной стояла беленькая, розовая, очень милая, приветливая, но совсем-совсем маленькая девочка. Почти ребенок.

Разумеется, такому ребенку Митта предложил самое простенькое испытание. Девочка справилась с ним хорошо. И режиссеру подумалось, что она пригодится для «эпизодов», для какой-нибудь маленькой роли в толпе...

Однако ему почему-то снова захотелось повидать Лену. На этот раз он предложил ей разыграть более сложную сценку... «Очень непосредственная, искренняя,— невольно отмечал он.— Может быть, она способна на что-то большее. Может, даже сумеет сыграть роль Таниной подружки... А может быть...»

«Не Таня... Какая же она Таня?!» — убеждал он себя... Но почему-то мысли его упорно возвращались к этой веселой маленькой девочке, ничем не похожей на образ, представлявшийся ему раньше... И вот он решил дать Лене очень трудный «этюд», ну хотя бы для того, чтобы сразу «отрубить от сердца»...

— Представь себе, что у тебя серьезно заболел дедушка. Тебе надо немедленно привести к нему хирурга-профессора. А профессор только что закончил сложную операцию, очень устал, ему самому нездоровится. Попытайся его уговорить!

— ...И я стала уговаривать «профессора»,— вспоминает Алена — так Лену зовут дома,— говорю и вдруг подумала, что у меня и вправду болен дедушка... Как заплачу!.. Слезы текут-текут. Я и слова-то все перезабыла!..

Эти неудержимые слезы убедили не только воображаемого профессора, но и режиссера. Он решился...

Так началась их совместная — нелегкая и радостная — работа над ролью Тани Нечаевой...

— А ты, Лена, сразу поверила, что тебя будут снимать?

— Ой, что вы! Тут столько девочек, и вдруг я!.. Очень долго не верила. Мне все казалось, что-нибудь случится, что-то помешает. И ведь чуть было не случилось... Понимаете, свинка!.. И нипочем эта свинка не проходит!.. А сниматься надо на улице, в морозы!..

И еще — школьные занятия тоже не годится запускать... И еще одно осложнение...

Помните, Таню учат кататься на коньках?.. Она, Таня, впервые на коньки встала, ноги у нее разъезжаются... А ведь я умею кататься, и неплохо. Нужно показать, что не умеешь, когда на самом деле умеешь...

Таня смеется. Она любит посмеяться, пошутить, ей нравятся веселые приключенческие книжки... В сущности, она одна из тех озорниц, заводил, которые есть в каждом классе... Но почему все-таки именно на ней остановился выбор режиссера?.. Каким образом эта беззаботная, резвая девчурка смогла передать глубокие Танины переживания?..

И тогда я замечаю одну вещь... Алена вспоминает всякие подробности съемки так охотно не только потому, что ей приятно вспоминать,— конечно, есть и это! И уж никак не для того, чтобы похвалиться... Нет, ей искренне хочется помочь мне. Она не просто вежлива, она доброжелательна... Такие люди умеют включаться в жизнь других, радуются чужим радостям, переживают чужие огорчения... Озорница Алена от всей души полюбила грустную Таню. И не только Таню, но и весь фильм, всех его создателей и участников... Да и ее, Алену, на съемках тоже полюбили все, и взрослые и ребята.

— А в классе как относятся к тому, что тебя снимали в кино?

— Ой, все так рады!.. Ждут не дождутся, когда фильм выйдет на экраны!..

Таким, как Лена, не завидуют, за них радуются. Даже незадачливые «соперницы» — те, что так хотели сниматься,— пишут ей самые дружеские письма... Вот, скажем, Люда из кубанского совхоза. Доверительно рассказывает она новой подруге о своих летних делах, как работала она «по обработке кур», и лишь под конец письма восклицает: «Лена! Я считаю тебя самой счастливой девочкой!..» Думаете, потому, что Лена снималась в кино?.. Ошибаетесь!.. Люда считает Лену счастливицей потому, что она может посмотреть все достопримечательности Москвы!



Алена со своей собакой.

НА ЭКРАНЫ ВЫШЕЛ ФИЛЬМ «ЗВОНЯТ, ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ!»

...Фильм «Звонят, откройте дверь!» уже появился на экранах. Вы не найдете здесь необычайных приключений, но, вероятно, многим из вас он понравится своей искренностью, правдивостью, поэтичностью. Думаем, что и Таня — Алена тоже придется вам по душе. Если же какая-нибудь из юных зрительниц, втайне мечтающих о кино, все же подавит вздох огорчения... ну, что ж... Если у нее открытое сердце, если любое проявление грубости, пошлости, несправедливости вызывает у нее гнев... Если к тому же лицо у нее — красивое, некрасивое — это неважно! — если это лицо, как настоящее зеркало души, мгновенно отражает все душевные переживания, тогда... Что ж, тогда и ее, эту зрительницу, может быть, тоже когда-нибудь снимут в кино, как сняли ее дальнюю подружку.

Ю. НОВИКОВА

Гербы, геральдика,

Гербы — свидетели истории



Герб Страны Советов, гербы союзных республик ты, конечно, хорошо знаешь и помнишь их с детства. А слышал ли ты о геральдике — науке, изучающей гербы? Сегодня мы расскажем тебе кое-что об этой науке, о происхождении гербов и их истории.

«ЖИВАЯ КРЕПОСТЬ»

Помнишь, как описывал рыцаря Марк Твен в веселой и остроумной книге «Янки при дворе короля Артура»:

«Весь он с головы до пят был покрыт старой железной броней, голова его находилась внутри шлема, похожего на железный бочонок с прорезями; он держал щит, меч и длинное копье; лошадь его тоже была в броне, на лбу у нее торчал стальной рог, и пышная красная с зеленым шелковая попона свисала, как одеяло, до самой земли».

В таких доспехах рыцарь был похож на живую крепость или даже на современный танк. Всю жизнь проводившие в походах и сражениях, рыцари старались спрятаться в своих латах от врагов, а сделали себя неузнаваемыми и для друзей!

ПАСПОРТ РЫЦАРЯ

В XI—XII веках тысячи рыцарей из разных стран объединились для крестовых походов, чтобы под предлогом спасения гроба господня захватить новые земли на Востоке. Тысячи «живых крепостей» двинулись в путь, и их невозможно было бы отличить друг от друга... если бы не ярко раскрашенные гербы у них на щитах.

Рыцарский герб, изображенный на щите, был единственным знаком отличия. Он служил рыцарю паспортом, рассказывал о его происхождении, родовитости, о заслугах и подвигах. При встрече рыцарям достаточно было увидеть гербы друг друга, чтобы узнать, друг это или враг.

Такой герб передавался по наследству, и потомкам были известны подвиги и проступки предков.

КЛЮЧ КОДА

И раньше, в древние времена, у городов, государств, знатных людей были отличительные знаки. Чаще всего это были фигурки животных — на монетах, медалях, печатях. Но такие знаки и символы еще не были гербами. Настоящие гербы появились именно у рыцарей, когда возник и особый язык гербов — язык геральдики. Каждый, кто знал этот язык, мог прочитать любой герб и по фигурам, изображенным на нем, получить полную характеристику рыцаря.

Геральдический язык — это особый, точный и краткий шифр вроде стенографии или азбуки Морзе. Здесь все, начиная от цвета поля и кончая нарисованными на нем фигурами, имеет определенный смысл.

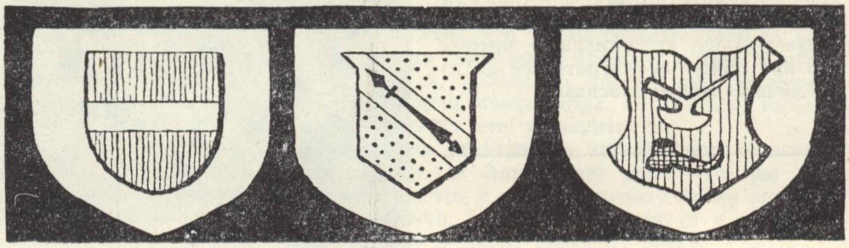
Голубой цвет означал величие, красоту, ясность; красный — мужество; зеленый — изобилие, свободу и надежду; черный — скромность, образованность, печаль; золото — богатство, силу, верность; серебро — чистоту и скромность.

Изображения животных тоже рассказывали об определенных качествах рыцаря: кошка означала независимость; волк — злость, жадность; лев — храбрость, силу, великодушие; кабан — бесстрашие; петух — воинственность; павлин — хвастовство.

И форма щита говорила о многом. У труса срезали правый угол щита, тому, кто избил пленного, укорачивали щит снизу.

ЧТОБЫ НЕ ЗАПУТАТЬСЯ

Сначала гербы были очень простыми: звезда, крест, фигура животного. Каждый выбирал себе ту фигуру, которая ему больше нравилась или выражала его цель в жизни. Но со временем гербов становилось все больше. Появились новые, а каждое поколение украшало гербы предков знаками своих побед и подвигов. Прочитать такой сложный герб мог уже не каждый, и при дворах королей и знатных феодалов



герольды...

появились герольды — люди, специально обучавшиеся искусству толкования гербов.

Накануне турниров рыцари, съехавшиеся со всей округи, выставляли свои щиты. Герольды по гербам изучали историю каждого рыцаря и решали, достоин ли он принять участие в сражении.

ВОТ ОНИ КАКИЕ

А теперь давай посмотрим некоторые гербы и послушаем, что рассказывает о них наука геральдика.

Вот рыцарские гербы, жалованные во времена крестовых походов.

Легенда говорит, что, когда кончился один из боев, белые одежды храброго австрийского герцога были залиты кровью его врагов и только под поясом оставались белыми. Герцогу был дан новый герб — в красном поле белый пояс (рисунок внизу слева); эти цвета до сих пор сохранились в государственном гербе и флаге Австрии.

Красно-золотой герб Арагона (он изображен на последней странице обложки) тоже родился на поле брани: французский король Карл Лысый в знак восхищения мужеством раненого Готфрида Арагонского обмакнул пальцы в кровь рыцаря и по золотому полю его щита провел четыре красных полосы.

За смелость и верность долгу в XIV веке был пожалован герб старейшему шотландскому роду Дугласов: «червленое (красное) сердце, увенчанное королевской короной», и девиз «Исполнить или умереть».

По приказу Людовика XI был изменен герб рыцаря Жана д'Авена, оскорбившего мать. В наказание гордый лев, украшавший его герб, остался без языка и когтей!

На гербе французского короля Хильдеберта изображена рысь за решеткой — в память о том, что Хильдеберту удалось взять в плен другого могущественного короля.

Один из гербов вы узнаете, если вспомните роман Вальтер-Скотта «Айвенго»: «Рисунок на его щите изображал молодой дуб, вырванный с корнем, под ним была надпись: «Лишенный наследства».

В средние века гербы были не только у рыцарей. Вот герб Вильяма Шекспира. Рядом герб сапожника. По предмету, нарисованному на гербе, можно легко понять, чем занимается его владелец. Знатный итальянский род Медичи получил свое имя от слова «медик», «аптекарь». Поэтому в его гербе пять красных пилюль на золотом фоне. Второй сверху — герб города Берна («бер» по-немецки значит «медведь»).

Отошли в прошлое крестовые походы, но гербы продолжали существовать. Найди на обложке ярко расцвеченный герб Христофора Колумба. Он получил его вместе с титулом вице-короля новых земель в 1492 году, после открытия Америки. Вот старинное описание этого герба:

«В первом красном поле четверочастного щита — замок (эмблема Кастилии), во втором серебряном поле — лев (эмблема Леона), в третьем зеленом поле, изображавшем море, — пять серебряных островов, и в четвертом голубом поле — пять золотых якорей». Щит увенчивался шлемом, украшенным земным шаром с крестом. Девиз гласил: «Для королевства Кастилии и Леона Колумб открыл Новый Свет».

На обложке ты увидишь гербы русских городов XII—XIII веков. На этой странице найдешь личный, жалованный за заслуги русский герб. История у него особая. В 1741 году в России произошел дворцовый переворот. Дворцовые гренадеры возвели на престол дочь Петра I Елизавету. В знак благодарности она приказала всех солдат этой роты сделать дворянами и дать им гербы. В правой части каждого герба изображались стропила на черном поле с тремя горящими гранатами и тремя серебряными звездами.

НАЧИНАЮЩИМ ГЕРОЛЬДАМ

Если тебя заинтересовала наука о гербах, прими участие в нашем конкурсе:

Опиши, какими качествами должен отличаться человек, в гербе которого в голубом поле изображены три корабля, а в главе (верхней трети щита) — лев. Нарисуй этот герб, каким его себе представляешь.

А. А. ПОКОРНА



Внизу на соседней странице герб Австрии, герб Шекспира, герб средневекового сапожника. На этой странице сверху вниз гербы: короля Хильдеберта, города Берна, лейб-кампанский солдатский, герб Жана д'Авена, герб Айвенго и герб телеграфа.



Если события происходили давно, то мы обычно видим в них только самое главное. Но вдруг нам попадает в руки пожелтевшее письмо или старый документ — и минувшее оживает, приближается к нам.

Мы хотим познакомить вас с письмами Петра Петровича Шмидта. Без волнения эти письма читать невозможно: столько в них искренности, благородства, мужества. Эти письма — прекрасные документы замечательного и трудного времени. Относятся они к концу 1905 и к самому началу 1906 года. Россия поднялась на борьбу с царской властью. Остановились заводы и фабрики, запылали помещичьи имения, в Москве рабочие вышли в бои на баррикады.

А в Севастополе над крейсером «Очаков» забился на ветру красный флаг. Во главе восставших моряков севастопольской эскадры встал Петр Петрович Шмидт. Он, как и все офицеры, приносил присягу на верность государю, он был лейтенантом императорского флота, и все-таки именно он поднял над восставшим крейсером сигнал:

— Командую флотом. Шмидт.

Он знал, что военному моряку за участие в революционном движении грозит смерть. Но он не мог поступить иначе.

Когда мы читаем письма Шмидта, то слово р е в о л ю ц и о н е р становится для нас ярким и зримым. Мы видим человека, который умел страдать и радоваться, человека, который любил жизнь и именно поэтому стал революционером. Петр Петрович Шмидт и погиб во имя жизни. Он был казнен на острове Березань 6 марта 1906 года.

Письма его адресованы Зинаиде Ивановне Ризберг, которую он любил, и шестнадцатилетнему сыну Жене. Посланы они из Севастополя и Очакова. Еще мы публикуем несколько писем Жени Шмидта Зинаиде Ивановне [1] и отрывок из речи П. П. Шмидта, произнесенной им на суде.

Первые письма датированы сентябрем — октябрем 1905 года.

Севастополь бурлил в те дни. Рабочие и моряки собирались на сходки и митинги. Петр Петрович Шмидт часто выступал на них, призывал сплотиться в борьбе против самодержавия, и люди жадно слушали его.

Однако за всем за этим ни на минуту не забывал Шмидт о делах сына. Обратите внимание, с какой гордостью он пишет о том, что председательствовал на заседании в седьмом классе реального училища во время ученической забастовки.

Следующее письмо, от 19 октября, рассказывает об очень важном в жизни Шмидта событии. Он вместе с жителями Севастополя ходил к тюрьме освобождать политических заключенных. Толпа была встречена ружейными залпами. А на следующий день на кладбище над телами убитых Шмидт произнес свою знаменитую клятву.

---

[1] Письма П. П. Шмидта и его сына мы печатаем с сокращениями.

— Клянемся им, — сказал он, глядя на убитых, — в том, что свою свободную общественную работу всю отдадим на благо рабочего неимущего люда.

И толпа вздохнула, как один человек:

— Клянусь!

Шмидт был избран пожизненным депутатом севастопольских рабочих.

Власти сразу же арестовали его и отправили на броненосец «Три святителя».

Арест Шмидта вызвал в Севастополе такое возмущение, что командующему флотом адмиралу Чухнину пришлось освободить офицера-бунтовщика из-под ареста.

14 октября по просьбе матросов Шмидт отправляется на крейсер «Очаков». Он берет с собой сына, самого большого своего друга и единомышленника.

15 ноября над крейсером взвивается красный флаг, и девять судов севастопольской эскадры присоединяются к восставшему крейсеру.

Днем начался бой. Суда, которые остались верны царю, подавили восстание. Силы были неравны. Крейсер «Очаков» загорелся. Шмидт покинул его в последнюю минуту.

Его с сыном подобрали в море и отправили под арест на линейный корабль «Ростислав», а потом в Очаковскую крепость. Женю Шмидта через некоторое время освободили.



Петр Петрович Шмидт. 1905 год.

Следующие четыре письма посланы Петром Петровичем Шмидтом в 1906 году из Очаковской крепости, где он находился под следствием и судом. И, наконец, последнее письмо сыну написано перед расстрелом.

Вот все эти письма, ребята. Прочтите их.

ПИСЬМА ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ



7 сентября

О, если бы вы могли, дорогая Зинаида Ивановна, сидеть теперь у меня в кабинете, слушать вместе со мной те молодые дебаты, которые происходят у нас в столовой! Как все это молодо, зелено, чисто и правдиво! У сынишки собрались, как это часто бывает, товарищи, обсуждают вопрос об организации кружка самообразования.

...Я знаю, они скоро влетят ко мне возбужденные и шумные, оторвут меня от работы и заставят высказываться по волнующим их делам... Они так часто решали со мной свои дела, что в прошлом году я дождался величайшей, на мой взгляд, чести. Мой сын в пятом классе. Была забастовка и беспорядки в седьмом классе...

Ученики седьмого класса потребовали, чтобы я присутствовал с правом родительского голоса; они настояли, и я не только присутствовал, но председательствовал в заседании чужого мне класса. Их дела берут у меня немало времени, а последнее время так даже много, и иногда я так заражаюсь их крайней молодостью, что забываю огромную разницу наших лет.

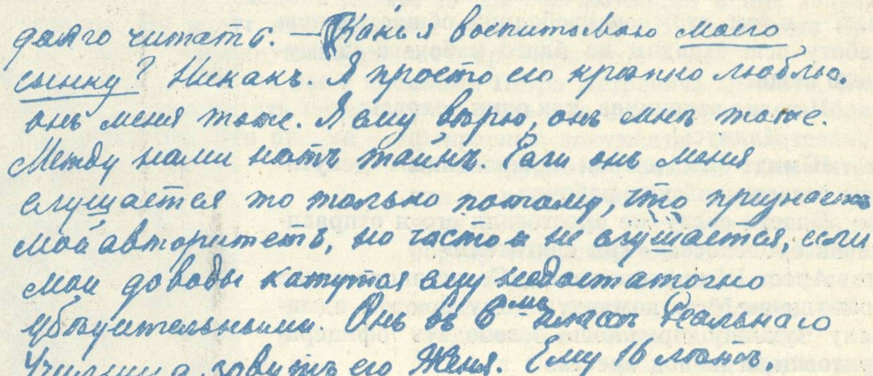
10 октября

Я смотрю на сына, как на первого судью своих поступков. В этом вся система моего

несложного воспитания, я и думаю, что небольшое было бы «нравственное наследство», которое я должен ему оставить, если бы он знал, что для его надобностей я поступался тем, чем нельзя поступаться. Поэтому и для него так же, как и для вас, все отдам, кроме того, чего не имею права отдавать.

Он это прекрасно знает, и думаю, что от этого его уверенность в моей к нему привязанности не ослабевает нисколько.

Я должен жить так, чтобы мне не стыдно было рассказать вам и ему о каждой минуте моей жизни, чтобы я ни за одну минуту своей жизни не покраснел бы перед вами двумя. И я так живу.


даяго читать. — Какъ я воспитываю моего сынку? Никакъ. Я просто его крайне люблю. Онъ меня тоже. Я ему верю, онъ мне тоже. Между нами нетъ тайнъ. Если онъ меня слушается то только потому, что признаетъ мой авторитетъ, но часто и не слушается, если мои доводы кажутся ему недостаточно убедительными. Онъ въ 6-мъ классе Реальнаго Училища, а зовутъ его Женя. Ему 16 летъ.

Отрывок из письма П. П. Шмидта.

19 октября

Ночь провел с народом у здания тюрьмы, требуя освободить политических... Мне обещали освободить через полчаса и вместо освобождения дали в нас залп...

Убитых восемь, тяжелораненых восемнадцать, до сорока легко. В нас стреляли без предупреждения.

24 октября

Знаете, кто я теперь такой? Я пожизненный депутат севастопольских рабочих. Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания! «Пожизненный», этим они хотели, значит, меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть мне свое доверие на всю мою жизнь. Показать мне, что они знают, что я всю жизнь положу за интересы рабочих и никогда им не изменю до гроба. Вот какую великую честь они сделали мне. Я должен это ценить вдвое, потому что что́ может быть более чуждым, как офицер для рабочих. А они сумели своими чуткими душами снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища. Не знаю, есть ли еще кто-нибудь с таким званием, но мне кажется, что выше этого звания нет на свете.



Шмидт с сыном Женей.

Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав состояния, — но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне — пожизненного депутата рабочих.

О, я сумею умереть за них. Сумею душу свою положить за них. И ни один из них никогда, ни они, ни их дети не пожалеют, что дали мне это звание.

...Выборы меня в это звание произошли торжественно на общем народном митинге на нашем нарядном бульваре.

Вообразите ужас моих адмиралов. Между ними в морском собрании жил офицер, который оказался самым сердцем крамолы, самым лютым агитатором. Его знали много тысяч рабочих, но не знали адмиралы и жандармы. Понятно теперь их желание казнить меня. Бессильная злоба.

За всю прошлую пропаганду я не подсуден. амнистия. Мне и весело, и торжествую я, и смешна мне их жалкая, бессильная злоба.

ПИСЬМА ЖЕНИ ШМИДТА

24 октября

Многоуважаемая Зинаида Ивановна. Только что возвратился от папы. Он, как всегда, в прекрасном настроении, которое сегодня увеличилось тем, что я передал ему о избрании его в пожизненные представители от рабочих города Севастополя... Папа был растроган до слез. Это известие поможет перенести ему ужасную скуку в одиночном заключении... Папа просит вас еще продолжать писать ему; по выходе из-под ареста он прочтет все ваши письма. Лично я буду писать вам каждый день, если случится какая-либо перемена в папином положении. Все ваши просьбы я сочту обязательным исполнять: кто друг моего отца, тот и мой друг.

26 октября

Уважаемая Зинаида Ивановна. Все обстоит благополучно, то есть по-старому: папа продолжает сидеть на «Трех святителях», читает и пишет предполагаемую защитительную речь. Думаю, что его продержат там вплоть до высочайшего приказа об отставке, которую он подал еще до своего ареста. Одним словом, не беспокойтесь... По городу ходит листок, описавший деятельность отца в последние дни, его речь на кладбище 20 октября, арест и краткую биографию. Очевидно, с каждым днем папа становится все более и более популярным.

Конец октября

Вчера я был у папы на броненосце вместе с присяжным поверенным Резниковым... Ничего нового в положении папы не случилось, если не считать приставленного к каюте дежурного офицера (теперь папу сторожат матрос под ружьем и офицер с саблей и револьвером — целая армия). Папа совершенно спокоен, дразнит немного бедного командира, который поневоле разыгрывает роль шпиона и соглядатая, шутит со мной и с адвокатом — одним словом, чувствует себя превосходно. Вины ему еще не сказали до сих пор, но мне она ясна совершенно: по военно-морскому уставу флотский офицер не может принимать участия ни в каких общественных собраниях и, тем более, говорить речи. Вы, я думаю, знаете, что папа не молчал. Он известен всему народу (особенно рабочим), в Севастополе он был два раза избираем в народные представители города. Оратор папа превосходный, его заметили, донесли и засадили. Прибавьте к этому военное положение, чрезвычайное волнение и наши турецкие законы, и вы поймете, почему к папе так строго отнеслись.

ПИСЬМА ИЗ ОЧАКОВСКОЙ КРЕПОСТИ

24 декабря

«Пусть преступная власть уничтожит пол нашего поколения, это только упрочит то счастье России, которое будет завоевано. Чем тяжелее народу достаются его священные права, тем лучше он сумеет сохранить их навсегда и не позволит преступной власти посягать на них. Да здравствует же грядущая, молодая, свободная, счастливая, социалистическая Россия! ...Да здравствует же тяжелая борьба трудового люда за право на жизнь, свободу и счастье, да здравствует великая русская социалистическая революция!»

Этими приблизительно словами я закончил свою длинную речь на последнем митинге 13 ноября в Севастополе... Я этою речью прощался со своими севастопольскими рабочими, чтобы уехать на другой день с тою же пропагандою в Одессу к коммерческим матросам... Я мечтал... объехать и другие фабричные районы. И вот в тот же день пришли матросы флота с решением, что они выбрали меня своим вожаком... Поддержать их могла только эскадра, а эскадра далеко не была еще готова к этому. Решено было подождать несколько дней. Но вот 14-го ко мне прибегает депутат матросов и еще разные лица с известием, что Чухнин разоружил броненосцы и что казармы, где собралась мятежная команда, окружают артиллерией, чтобы завтра, 15-го, начать бойню. Тогда я, совершенно сознавая, что все погибло, решил ехать на «Очаков» и открыто поднять эскадру в защи-



Остров Очаков, где в крепости был заключен лейтенант Шмидт. Рисунок сделан Шмидтом с корабля, на котором его везли к месту казни.

ту казарм. В два часа дня 14-го я переехал на «Очаков», а к трем часам дня 15-го уже десять судов присоединилось ко мне и подняло красное знамя свободы...

Потом началась бойня, о которой ты уже, конечно, знаешь из газет.

...Отчего меня судьба пощадила на «Очакове»? Отчего я не был убит там этим градом артиллерийского огня и пулеметов? Неужели для того, чтобы быть казненным?.. Я знаю, Зина, что я мог принести гораздо больше существенной пользы революции, если бы бросил матросов и уехал, как предполагал, по фабрикам, но все-таки я ни минуты не сожалею о случившемся. Если каждый из нас будет отворачиваться от дела, думая, что оно недостаточно велико для него, то никто не будет ничего делать. Это самая опасная для дела точка зрения.



Команда крейсера «Очаков». Снимок сделан за две недели до восстания.

23 декабря

Я пишу тебе это письмо потому, что есть надежда отправить его с Женей, его на днях освобождают, и он будет жить у моей сестры в г. Керчи... Я тебе писал, что надеюсь избегнуть смертной казни под влиянием общественного мнения. Я лгал тебе, Зина, я боялся твоих страданий, а теперь, когда мне остался последний месяц жизни, я не хочу лгать, особенно тебе, мы начали и должны кончить наши отношения правдой... Вероятно, из Петербурга приказано повесить меня скорей, чтобы другим не было повадно. Я стоял во главе движения целого флота, и нужно было бы опросить массу лиц, а они выделяют меня в дело «Очакова», крейсера, на котором я был, и теперь уж приступлено к составлению обвинительного акта... Мне будет поставлено обвинение по 100-й и 109-й статьям, по каждой в отдельности полагается смертная казнь, итого они мечтают меня повесить два раза, в назидание потомству... Свою смерть считаю очень плодотворной в смысле революционизирования России. Верю в то, что моя казнь вызовет лишнюю волну народного протеста в его борьбе с преступной властью. Знаю, что умереть сумею, не смалодушничаю... За Женю спокоен, в нем примет участие Россия... За тебя же не спокоен, за тебя страдаю. Знаю, что никто не сумеет так глубоко и чисто любить тебя, как люблю я.

...Тут ведь будут судить меня враги, фактические враги по бою 15 ноября, враги, которые уже доказали мне, как много в них низменной мстительности, доказали мне, как они жестоки, когда я был у них в руках почти без сознания от долгого пребывания в ледяной воде и раненный. Эти офицеры флота никогда моим уважением не пользовались, но после их истязаний (потому что их обращение со мной было равносильно истязанию) я глубоко презираю их. И они-то будут судить меня. О, суд, скорый и неправый, когда же русский народ сотрет тебя с лица нашей истощенной земли? Скоро, скоро молодая, сильная, счастливая Россия вздохнет свободно и не забудет всех нас, отдавших ей свои жизни. Я недаром прожил, Зина, я тоже внес свою лепту в народное дело...

24 декабря, вечером

У нас с Женей тут только один маленький стол, и мне очень трудно писать, когда кто-нибудь со мной сидит рядом... Я решил не стесняться присутствием жандармов и быть с тобою так, как будто бы их нет... Ведь, право, это почти не люди, а так, какие-то льдины застенков. Мне прокурор сказал, что непременно разрешит мне свидание с тобой... Прокурор идеально сдержан, внимателен и веж-

лив. Он, кажется, даже чувствует какую-то своеобразную нежность ко мне, как к жертве, на которой можно сделать карьеру. Ты знаешь, моя бедная Аня[1] так измучилась и так старалась спасти меня, что стала доказывать, что я ненормален. Вследствие этого сюда была прислана комиссия врачей, которая, конечно, при моем полном содействии постановила, что я здоровехонек. Я показал в дополнительных показаниях, что «если считать меня ненормальным, то надо признать, что все сто тридцать миллионов русских людей, то есть вся революционная Россия сошла с ума» и что «если бы я был выпущен на свободу теперь, спустя тридцать семь дней после случившегося, то при тех же обстоятельствах, которые были, поступил бы точно так же».

26 декабря

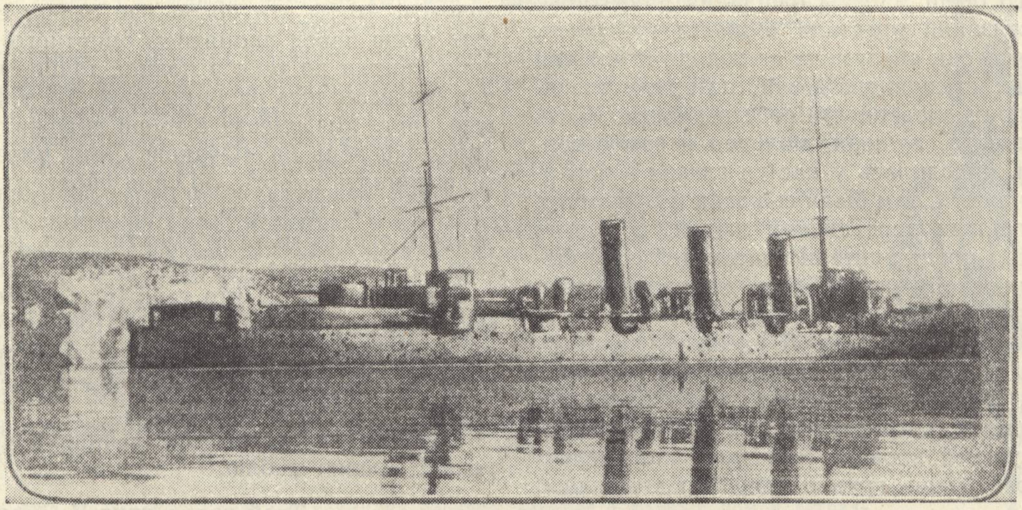
Давно я не испытывал такой радости, как вчера вечером. Мне сообщили, что сестра моя Аня выехала из Севастополя, чтобы взять сыночка к себе. Его отпускают на свободу. Зина, голубка, это арест моего мальчика, арест жестокий и бессмысленный, угнетал меня, не давал собраться с мыслями. Теперь я знаю, что он пойдет, свободный и веселый, делиться всем бывшим с его товарищами, по которым он очень скучает. Мне было тяжело все это время крепиться и часто скрываться от него, чтобы мое состояние духа не мучило его. Он совершенно по-детски спокоен за мою участь, твердо убежден в невозможности смертной казни и все так смешно мечтает о том, какую большую роль я буду играть в освобожденной России. Я стараюсь поддерживать в нем эту веру в то, что все окончится благополучно. Пусть не мучится мой мальчик, а когда стрясется горе на него, то верю в то, что его молодость все переварит и победит... Мне весело за его освобождение, и я рад, кажется, больше, чем он...

[1] Сестра П. П. Шмидта.

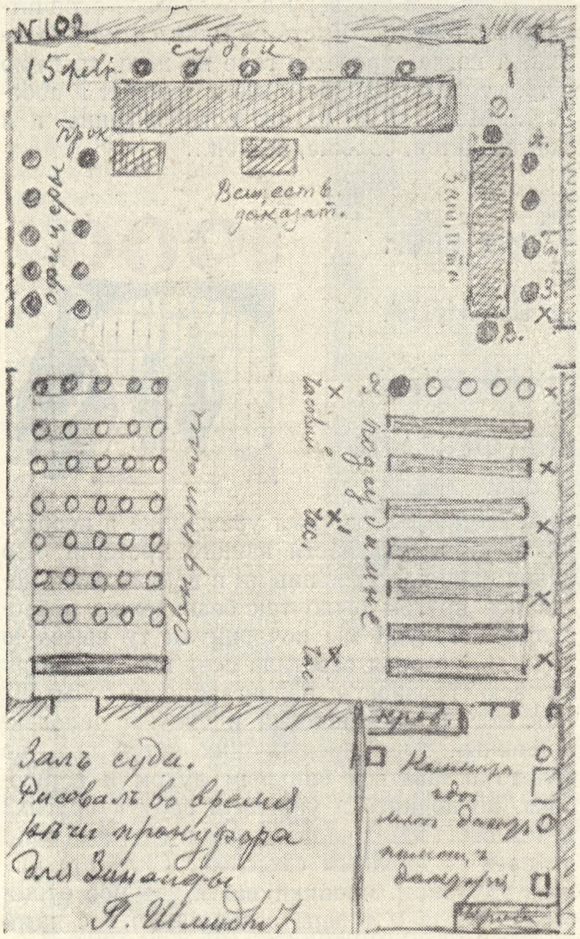
ИЗ РЕЧИ ШМИДТА НА СУДЕ 17 ФЕВРАЛЯ



...Что же давало нам убеждение в необходимости, в полезности нашего протеста, что делало нас восторженными и верующими, когда все кругом было так безнадежно и бессильно? Откуда мы почерпнули ту высокую радость, которая осветила всех нас, несмотря на всю грозность надвигавшихся событий? Как мог я, болезненный и слабый человек, лишенный трех предыдущих суток сна, не только оставаться сильным духом и верующим, но поднять и укрепить веру в других? В чем была наша сила, идущая, как казалось, вразрез со здравым смыслом? Сила эта была в глубоком, проникнувшем все мое существо и тогда и теперь сознании, что с нами русский народ... Да, с нами русский народ, весь, всею своею стомиллионною громадою. Он, истощенный и изнемогающий, голодный, изрубцованный казацкими нагайками; он, этот народ, с засеченными стариками и детскими



Крейсер «Очаков», получивший пятьдесят три пробоины в корме по ватерлинии.



План зала суда, нарисованный Шмидтом во время речи прокурора 15 февраля 1906 года.

трупами, как страшный призрак нечеловеческих страданий, простирал ко мне руки и звал. То были минуты ожидания диктатуры, дни истязаний крестьян в шести губерниях за то, что они обезумели от голода и, смотря на своих пухнувших детей, потеряли сознание неприкосновенности собственности. Часть этого народа, лучшая, молодая и самоотверженная, находилась у нас на глазах в казармах экипажей, там были сыновья и мужья тех обездоленных деревенских людей, а против них наши представители спасающей себя бюрократической власти уже направили свои пушки. Мне говорят о статьях закона, о военном положении и т. д. Я не знаю, не хочу, не могу оценивать все происшедшее статьями закона. Я знаю один закон, закон долга перед родиной, которую вот уже три года заливают русской кровью. Заливает малочисленная преступная группа людей, захватившая власть.

...Они из-за своих хищных расчетов уложили больше ста тысяч трупов в войне с Японией, они же теперь из-за тех же расчетов начинают войну с Россией. Где же измена? Кто государственный преступник? Сегодня в их глазах преступен я, как и весь народ русский, который, пробудясь, осмелился стать на дороге их истребительной резни. Но завтра в глазах грядущего суда преступниками будут объявлены они.

...Да, я выполнил долг свой, и если меня ждет казнь, то жизнь среди народа, которому изменил бы я, была бы страшнее самой смерти. Не горсть матросов, нарушивших дисциплину... и не гражданин Шмидт перед вами. Пред вами здесь на скамье подсудимых вся стомиллионная Россия, ей вы выносите свой приговор...

ПИСЬМО СЫНУ

17 февраля, гор. Очаков

Голубчик мой, Женя, помнишь, ты заходил ко мне в мою тюрьму попрощаться, и я говорил тебе, что не знаю, скажу ли я что-нибудь судьям или нет. Это было утром до заседания. Когда я пришел в суд, так и не думал о том, буду или нет говорить, и не думал, что сказать мне, если я буду говорить. Слово, которое воспроизвел я здесь тебе почти с буквальной точностью, вылилось само из моей души помимо моей воли, и в нем правдиво отразилось душевное состояние мое и мысли и вера моя. Я нарочно просил защитников моих проверить то, что записал, и они проверили, сказали, что написанное здесь почти дословно было сказано мною. Мне же именно и хочется, чтобы эти последние слова, сказанные мною перед принятием смертного приговора, дошли до тебя в полной точности, так, как они вылились из души моей. Ты мой честный друг. Мы вместе с тобой пережили этот кровавый день на «Очакове», мы вместе хотели принять смерть, но сама справедливость спасла твою молодую жизнь. Сама справедливость спасла меня от смерти в тот день для того, чтобы я мог умереть теперь, объяснив русским людям, за что умираю я. Живи же, мой мальчик, живи, сын мой! Проникнись теми простыми идеалами и стремлениями, которыми жил я. Продолжай служить делу, от которого отрывает меня казнь.

...Крепко обнимаю тебя, сынишка мой хороший, крепко люблю.

Твой папка друг П. Шмидт.

СПОРТ



Мальчишки с Эльбруса



Они готовы часами стоять у склона и смотреть. Нет, не на Чегет, конечно. Подумаешь, гора! Три тысячи метров! Рядом Эльбрус, он чуть не вдвое выше. Мальчишки ждут появления лыжников.

Вершину Чегета скрывает крутой перегиб склона и зеленые сосны. Лыжники темными точками выныривают из-за перегиба и летят вниз. Точки превращаются в яркие молнии, в ракеты с пышными снежными хвостами и, наконец, уже внизу, на последнем прямом спуске, в космических пришельцев, затянутых в фантастические костюмы с металлическими шлемами на головах и огромными желтыми глазами.

Последние метры, прижав руки к груди, они летят так, что кажется — не остановишь. Но им, всемогущим, достаточно чуть развернуть свои крылья-лыжи, чтобы погасить бешеную скорость. Тогда, остановившись, они откинут шлемы и желтые очки-консервы. И, может быть, дадут мальчишкам примерить свои доспехи...

Балкарские черноглазые мальчишки! Зимой по насту они могут проскользить на ногах весь чегетский склон, и коленки у них не задрожат от усталости. Летом не в толстых ботинках с шипами, а босиком носятся они по каменистым тропам. Ведь они горцы. Это их родина — яркое солнце, снежные горы, щебнистые склоны, шумный Баксан, бьющий тугой струей сквозь лед и камни.

Но горцы — и отцы и деды мальчишек — не ходили на лыжах. Лыжи появились в Баксанском ущелье вместе с туристами. Недавно еще лыжи были диковиной для здешних мест. Зато теперь тысячи приезжают сюда, на одну из лучших в стране трасс слалома и скоростного спуска. Так долго ли балкарским мальчишкам стоять внизу и смотреть?!

...Бетал Мажерович Курданов ходил по поселку Эльбрус с карандашом и тетрадкой. Он ходил из дома в дом и записывал мальчишек в школу горнолыжников. Он мог

бы ходить и без тетрадки, потому что вырос здесь и знал всех по именам. Но с тетрадкой солиднее, уважения больше, думалось Беталу (ведь он сам недавно был мальчишкой!)

И, правда, случалось всякое. Постучался он в один дом...

— Что говоришь! Ахмату кататься? — кричала мать мальчишки.— Пусть туристы катаются! А мой, если делать нечего, пусть по хозяйству помогает.

— Не позволю,—встретил Бетала отец Магомета,—баловство! Только ноги переломает на этих лыжах.

— Мама, я же стану чемпионом, обязательно! — убеждал Ахмат.

— Ты будешь гордиться, отец, когда скажут, что твой сын самый бесстрашный и сильный,— говорил Магомет.

Ослушаться отца и мать — этого не допускают законы гор. Но надо простить мальчишкам: всеми правдами и неправдами они прибегали после уроков на тренировку. Бетал Мажерович роздал лыжи и ботинки. Настоящие, полупудовые горнолыжные ботинки со множеством шнурков, настоящие, с металлическими кантами лыжи. Их было меньше, чем ребят, и кому не хватило, сидели, ждали очереди. А счастливцы пошли на склон.



Бетал понимал, что этих мальчишек нельзя учить так, как учат обычно: построить на пригорке в ряд и отрабатывать по часу один прием. Бетал сказал по-балкарски:

— Делай, как я.

И «елочкой» полез на вершину. Ребята за ним.

— Теперь за мной.

И они ринулись вниз. По прямой, не разбирая, где бугры, где ямы. Страх высоты? Разве знает его мальчишка, родившийся в горах!

Когда собрались внизу, Бетал сказал:

— Плохо. Ну и что, если никто не упал? С такой горы надо лететь, как птица летит, чтоб красиво было и быстро было. Вот смотрите.

И показал, как поворачивать, ставя лыжи на кант.



Бетал (справа) и его команда. За спиной — Эльбрус. Под ногами — Чегет. Вперед!

Мальчишкам много говорить не надо, только покажи. Вон малыш Ильяс уже чертит лыжами по склону что-то похожее на «волну». Вон Магомет круто разворачивается в «плуге».

С весной ушел снег с учебного склона. Но вечные белые шапки сверкали на двуглавом Эльбрусе. Двадцать самых сильных ребят Бетал взял летом на Эльбрус. Двадцать дней они прожили в «Приюте одиннадцати», высокогорной гостинице. Это была райская жизнь. Залитый солнцем склон встречал мальчишек утром. Лыжи оставляли на плотном снегу едва заметные следы. Потом обед, отдых. А солнце все еще высоко в небе, только наст к вечеру становится жестче. Снова на лыжи! Заберутся наверх, глянут вниз: где там родной поселок — тезка большой горы? Не видать за гребнями.

Но есть и еще горы на свете. За тысячи километров от Эльбруса лежит в предгорьях Тяньшаня, у подножия Алатау, столица Казахстана Алма-Ата.

— Поедем в Алма-Ату на всесоюзные соревнования,—сказал Бетал.

Он отобрал в команду самых старших и умелых ребят. Они катались уже, как взрослые: по первому, по второму спортивному разряду.

Все было уже готово. Утром машина отвезет их в Нальчик. А там ждут билеты на самолет. Но поздним вечером в дом Бетала постучали.

— Открой! — требовал сердитый женский голос.

Бетал вышел на улицу.

— Не пущу! Не дам сына! — кричала мать Ахмата.

Эх, тренерская гордость — Ахмат! Будь ты взрослым, сам бы решил.

— Спокойнее! Возьму вместо Ахмата другого. Исхак поедет. Его родители понимают, что сыну от спорта не будет вреда.

В самолете тренер был молчалив. Нет, его печалило не то, что команда получит меньше очков без Ахмата. Он просто жалел его, оставшегося дома.

Ребята вернулись с соревнований, и не было конца рассказам: какой спуск в Чембулаке (наш Чегет круче!), какой большой город Алма-Ата (куда Нальчику!), как стартовали (по-настоящему, с номерами на груди!).

Будто ничто не изменилось в поселке. И все-таки изменилось. На тренировку вдруг пришли две девочки. Маленькие, в платках по самые брови. Они давно из-за камней глядели, как занимаются мальчики. Но когда Бетал предлагал им встать на лыжи, качали головами: дома все равно не позволят. А теперь вот пришли. Скинули платки и ринулись по склону вслед за мальчишками.

Потом однажды Ахмат появился на занятиях в новом свитере—сером с черными полосками, из теплой домашней шерсти.

— Хороший свитер, Ахмат!

— Мама связала,— улыбнулся мальчик,— разве, говорит, ты хуже других!

Раньше Бетал как-то не примечал, в чем ходят на тренировку его мальчишки, а тут невольно обвел всех взглядом. Вот и у маленького Ильяса обновка: вязаная шапочка с помпоном. И у Исхака нарядные рукавицы. Мамы всегда так! Пока считают, что дело пустое, ворчат: «Нечего штаны по горам рвать!» Но уж если поверят, что ребята не зря тратят время, ни за что не допустят, чтоб сын был «хуже людей».

Улыбнувшись про себя, тренер подумал, что лыжня к материнским сердцам уже проложена.

Гудит мотор. «Канатка» ползет на Чегет. Подвесные креслица качаются над соснами, над снежными склонами. Панорама гор скользит мимо, все время меняясь. Хорошо плыть вот так, выше и выше, болтая в воздухе лыжами.

Внизу, у подъемника, длинная нетерпеливая очередь.

— Спортсмены вне очереди! — кричит тренер.— Товарищи туристы, пропустите спортсменов, у них соревнования через неделю!

Лыжники расступаются, давая дорогу ребячьей команде. Мальчишки — народ некрупный, сразу по двое умещаются в кресле. Сидят, как воробьи, да поглядывают вниз, высматривают спуск поинтереснее. Тренер, севший последним, кричит вслед:

— Без меня ни шагу!

Высок Чегет: сверху не видишь подошву. Лыжник взметнется со старта и будто в пропасть провалится за перегибом. И, честное слово, когда малыш Ильяс, натянув покрепче на уши свой колпачок с помпоном, ринулся вниз, кто-то из взрослых сказал очень серьезно, с уважением:

— Смотрите, это пошел чемпион мира...

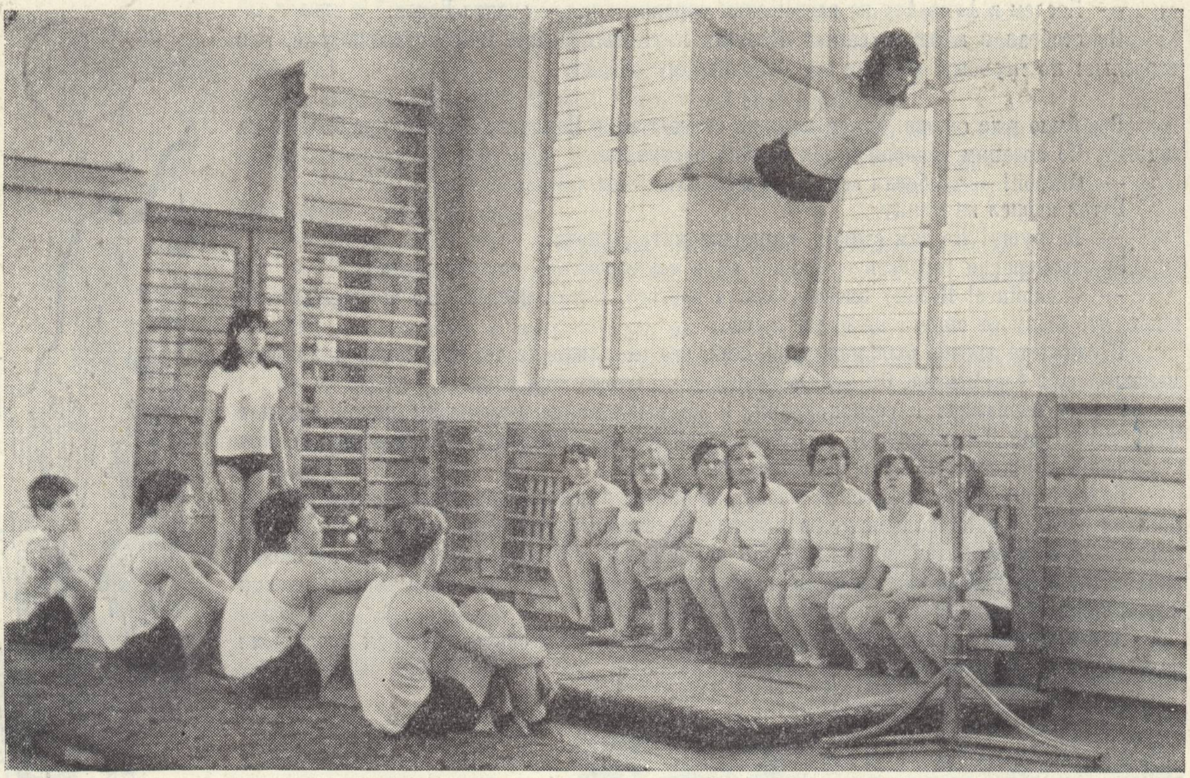
А внизу, у киоска с лимонадом, продавщица, щурясь от солнца, смотрела, как на виражах поднимают вихри мальчишки. И говорила по-балкарски шоферу туристского автобуса:

— По-моему, они спускаются ничуть не хуже, чем этот Тони Зайлер, которого показывали в кино!

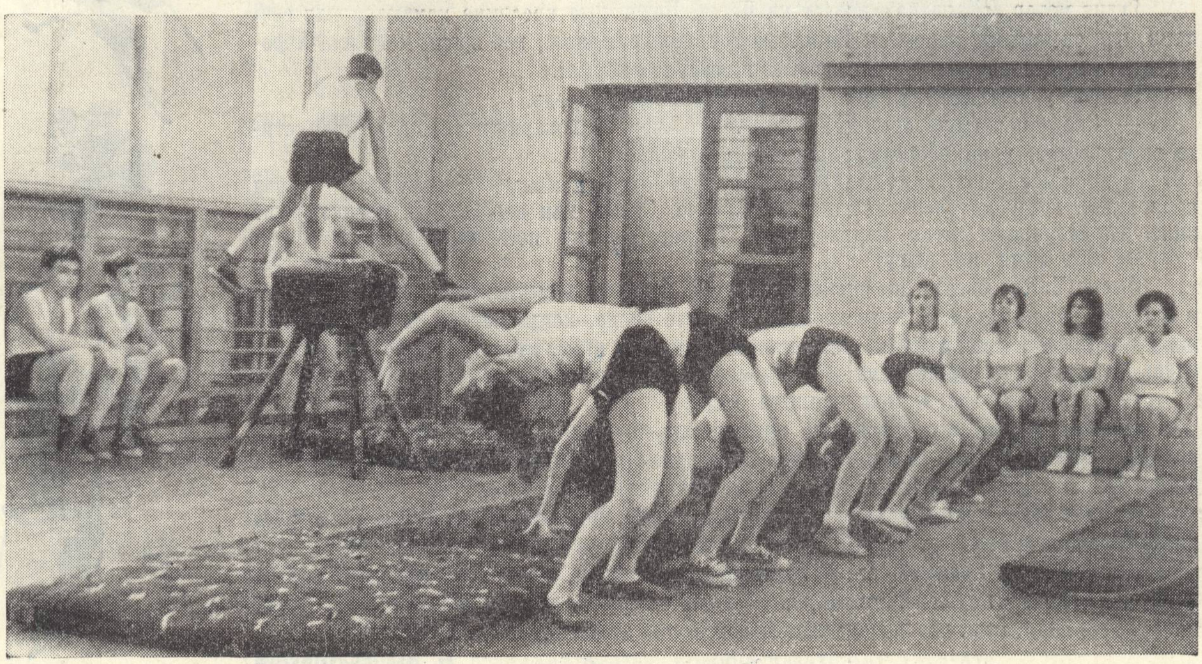
Тони Зайлер, прославленный австрийский чемпион, не знает, конечно, что на далеком Кавказе живут мальчишки, мечтающие потягаться с ним в мастерстве. Пусть пока не знает! Важно, что мальчишки знают, о чем мечтать.

Н. КОЛЕСНИКОВА





Два вопроса





Три тени одна за другой бесшумно метнулись вдоль стены. Сумрак дальнего конца коридора поглотил их без следа...

Такое начало вполне годилось бы для детективного рассказа, но это вовсе не детективный рассказ, хотя дело не обошлось без знаменитого дедуктивного метода, которым так любил пользоваться Шерлок Холмс...

И начало у нас будет другое, не такое таинственное.

Во вторник в восьмом «А» третий урок — физкультура. В восьмом «А» отличные спортивные ребята. Они принесли уже и, безусловно, еще принесут своей школе немало блестящих спортивных успехов. Но мы пришли в ту школу во вторник на третий урок совсем не для того, чтобы писать о спортивных успехах восьмиклассников.

Мы пришли, чтобы узнать, нет ли в восьмом «А» беглецов с урока физкультуры.

Они были.

Мы захотели взять у них интервью.

Разумеется, беглецы с урока неохотно дают интервью. Чтобы задать им несколько вопросов, надо сначала найти, кого спрашивать.

Впрочем, на это ушло не так уж много времени. Помог дедуктивный метод. Где обычно скрываются беглецы? Там, где, по их мнению, никому не удастся



БЕГЛЕЦАМ



их отыскать. Такой ход размышлений оказался, как видите, безошибочным.

Конечно, беглецам сначала показалось, что они пропали. Совсем пропали и навсегда. Неизвестно, что с ними теперь будет. И они поспешили на всякий случай сказать, что забыли сегодня спортивную форму, потому и не пошли на урок. Иначе они, конечно, честное слово, пошли бы...

Правда, потом они убедились, что в школе их ругать не будут. И мы не собираемся. И что разговор у нас начистоту. Только после этого беглецам было задано два вопроса.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ. Почему ты, по-честному, пропускаешь уроки физкультуры?

И вот что нам ответили.

ЮРА. Я бы и пошел на физкультуру, да вот алгебру не сделал. А Витька обещал дать списать.

ВИТЯ. Если говорить по совести, то плохо у меня со спортом. Не все получается, и я боюсь, что все будут смеяться...

СЕРЕЖА. На спорт я так смотрю: делаю дома зарядку, и с меня довольно. Я спортсменом стать не собираюсь. У меня другие планы.



Тогда мы задали каждому из беглецов наш ВТОРОЙ ВОПРОС:

В чем бы ты хотел добиться настоящего успеха? Чему бы хотел посвятить жизнь?

Ответили нам так.

ЮРА. Химиком стать. Думаю сверхпрочными пластмассами заняться. Не уверен, что сумею открыть что-нибудь значительное, но постараюсь...

ВИТЯ. Не знаю еще, не думал. Может быть, водителем стану, может, еще кем... Рано еще об этом говорить.

СЕРЕЖА. Я буду, как отец, хирургом. Это у меня твердо решено. А для хирурга не сила, а точность руки нужна и глаз верный. Это я и стараюсь развивать...

Такими были наши вопросы, и такими были ответы. В общем-то честные и прямые ответы. И нам показалось, что, если бы мы пошли в другую школу и нам удалось бы вот так же начистоту поговорить с другими беглецами, мы бы, наверное, услышали что-нибудь похожее.

Вот почему мы пригласили в редакцию самых разных людей и попросили их поговорить со всеми беглецами сразу.



Разговор продолжается на странице 69.







Нам очень понравилась выставка Мы бы очень хотели прочитать все эти книги.

Ученики 3х и 4х классов











Мы любим читать книги с красивыми иллюстрациями

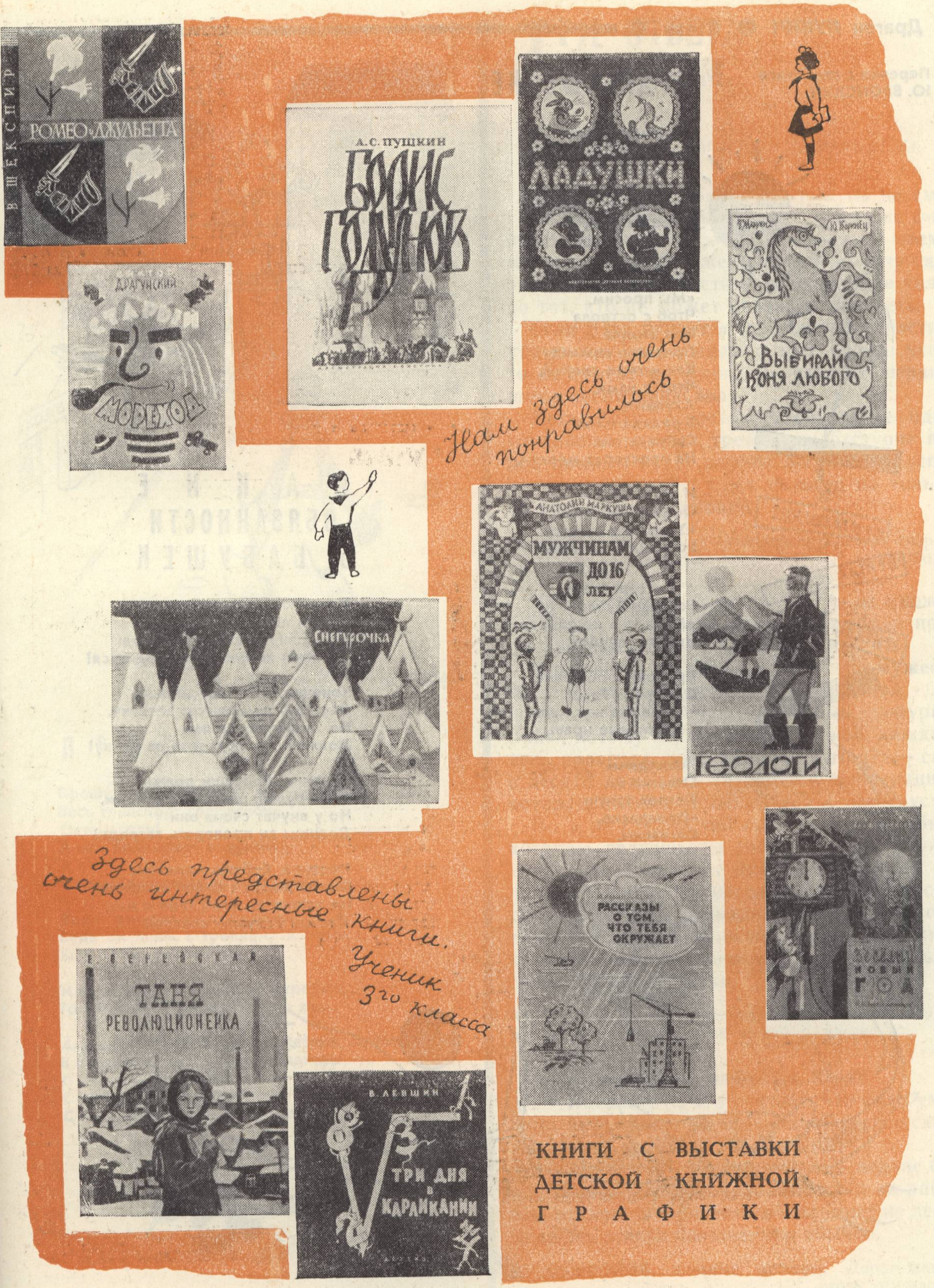
Душкина Наташа
Снегирева Ира



Выставка очень-хорошая.







КНИГИ С ВЫСТАВКИ ДЕТСКОЙ КНИЖНОЙ ГРАФИКИ

Перевел с сербского
Ю. ВРОНСКИЙ.

ПРИГЛАШЕНИЕ



Однажды акулы
В дальние дали
На все атоллы,
На все острова
Мильон приглашений
Поразослали,
И люди читали
Такие слова:

«Мы просим,
Чтоб с острова
Или атолла
Прислали команду
Как можно скорей,
Чтоб с нами,
Акулами,
В водное поло
Сыграла она
На просторах морей».

И вот отвечает им
Остров Тасмания:
«У нас что-то нету
Большого желания».

А вот отвечает
Веселая Куба:
«Мы к вам не приедем:
Играете грубо».

Пришло сообщение
С острова Явы:
«Смущают нас ваши
Спортивные нравы».

Последним
Ответил им
Остров Таити:
«Прекрасно.
Согласны.
Но только плывите,
Скорее плывите
Сюда, на Таити,
А также учтите,
Что здесь, на Таити,
В этой игре
Применяются сети —
Самые крепкие
Сети на свете!»



КАКИЕ ОБЯЗАННОСТИ У БАБУШЕК

Конечно, бабушки должны
Вязать носки и рукавицы.
Но из-за порванных штанов
Должны ли бабушки сердиться!

Конечно, бабушки должны
Держать домашнюю аптечку.
Но за внучатами они
Должны ли следовать на речку!

Конечно, бабушки должны
Печь булки, плюшки и оладьи.
Но у внучат своих они
Должны ли проверять тетради!

Конечно, бабушки должны
Всегда иметь с собой конфеты.
Но нужно ль, чтоб тебе и мне
Давали бабушки советы!





Рисунки Ю. БУРЛАКОВА.

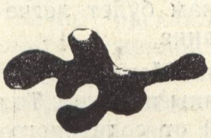
ПРОСЬБА

Прошу, чтоб двадцать пятого числа
Весь транспорт городской
Остановили!
К нам приезжает дедушка.
А он
Не видел никогда автомобилей.

Вдруг нападет на деда страх:
Ведь он лишь с тропками в горах
Был до сих пор знаком!

И если вам его случится встретить,
То объясните, как найти наш дом.

А дедушка мой будет в светлой шляпе,
В потертом старомодном пиджаке,
С веселыми глазами,
С добрым сердцем,
С чудесным яблоком в руке!



ТРИ ОТВЕТА БЕГЛЕЦАМ.

Каким?

СМОТРИ СТРАНИЦЫ 64, 65

Боязнь, что тебя вызовут, а ты не сможешь ответить по алгебре или не сможешь прыгнуть через козел, имеет, по моему мнению, одни и те же корни. Я не хочу сказать, что это трусость,— ведь труслив только тот, кто не может боязнь преодолеть.

Если Юра найдет в себе смелость честно, прямо говорить людям о том, что он чего-то не сумел, не смог, он сделает первый шаг к воспитанию воли.

Если Витя, встретив в спортзале одну трудность, другую, третью, не отступит перед ними, а будет упорно добиваться успеха, он почувствует себя сильнее не только физически, но и духовно.

Валерий ВОРОНИН, заслуженный мастер спорта, капитан сборной СССР по футболу.

Мне нравится, Сережа, что ты из множества профессий на земле выбрал профессию хирурга — мою профессию.

Я знаю, ты воспитываешь в себе мужество, твердость, гуманность — качества, без которых нет врача, тем более хирурга. Знаю, потому что сам, мальчишкой, каждый день проверял себя: «Смогу? Готов?» — сам с десяти лет начал готовиться к операции, которую выполнил лишь десять лет спустя.

Но я не сделал той губительной ошибки, которую делаешь ты сейчас. Я понял уже тогда, что спорт для меня — это первая (и лучшая) школа верности глаза, и точности рук, и быстроты реакции, и внутренней собранности. И уж, конечно, знал, что мне, хирургу, нужна физическая выносливость, и сила, и крепость руки.

Ю. ФИЛАТОВ, кандидат медицинских наук, хирург Института нейрохирургии имени Бурденко.

Что же ты так оплошал, Юра?

Наивен тот, кто считает, что сила ума, сила интеллекта не связана с физическим здоровьем человека.

На туристской тропе находишь подчас более точное решение проблемы, чем за рабочим столом, а вернувшись в кабинет из леса, делаешь всегда больше, чем обычно.

А. ОКОРОКОВ, главный инженер Дорогомиловского химзавода.

ПЛАНЕТА НОМЕР ОДИН

Оказывается, она не всегда повернута к Солнцу одной стороной! Об этом важном открытии ты подробно узнаешь дальше.



Вот уже пятый месяц наша ракета в пути[1]. Цель все ближе. Мы ее видим уже не слабой искоркой, которую с Земли лишь короткое время можно наблюдать в сумерках или на рассвете. Теперь это яркий золотой серп, такой же отчетливый, как молодой месяц.

Первая от Солнца планета!

В ее окрестностях сила солнечного излучения в десять с половиной раз больше, чем на Земле. Нет никакой надежды, что мы там встретим жизнь. Яростное излучение Солнца, почти беспрепятственно проникающее через разреженную атмосферу, смертоносно.

Лавина ультрафиолетовых квантов, потоки всепроникающих рентгеновских лучей, осколки ядер, извергнутые Солнцем, — они убили бы и нас, если бы наше снаряжение не было неуязвимым. Ведь ракета у нас особенная: тайну ее конструкции мы раскроем позже.

...Самая быстрая из планет мчится нам навстречу, мчится по своей орбите к вычисленной нами еще на Земле точке встречи. Она растет на глазах и даже не столько за счет нашей скорости, сколько за счет своей. Недаром древние дали ей имя быстроногого вестника богов — Меркурия.

Точка встречи все ближе.

Меркурий дальше от этой точки, чем мы, но мчится к ней быстрее, словно боясь опоздать. Он растет у нас на глазах, увеличивается в размерах. Огромным черным силуэтом он загораживает звезды...

Вот мы вошли в поле тяготения планеты. А что, если у нас слишком большая скорость? Меркурий не захватит нас, мы промчимся мимо и тогда станем либо спутниками Солнца, либо упадем в его пылающую топку?..

Но никаких «если» не может быть в полете космического корабля. В точно рассчитанное мгновение автоматы пускают в ход тормозные двигатели.

Мы переходим на спиральный спуск.

Двигатели выключились — нас тормозит теперь атмосфера планеты.

Вот мы перешли на освещенную Солнцем сторону. Пики, скалы, какие-то темные пятна...

Второй виток. Снова входим в тень...

Снова вынырнули на свет. День и ночь сменяются каждые двадцать минут, виток за витком. Скорость почти погашена. Мы переходим в свободное падение.

Снова рев тормозных двигателей. На этот раз они включены, чтобы превратить падение в плавную посадку.

Как удачно! Мы в «утренней зоне». Пустыни, раскаленные Солнцем до 420°, ужасают нас. А здесь нам будет легче и безопаснее вести исследование.

...Как похож Меркурий на Луну! Те же кратеры, трещины и скалы. Только еще больше разрушений от солнечного разогрева, от метеоритного обстрела и действия внутренних

[1] Прежде чем присоединиться к нашему путешествию, загляни на цветную вклейку.

сил планеты. Небо здесь черное, такое же, как на Луне. Мы могли бы подумать, что атмосферы и нет, если бы барометр не показывал давление в один миллиметр ртутного столба. Здесь, на поверхности планеты, ее атмосфера так же разрежена, как атмосфера Земли на высоте в 49 километров, у верхних пределов стратосферы.

Но что это? На восточной стороне неба, где, мы знаем, скрыто Солнце, разгорается в небе какое-то серебристое сияние. Оно светлой дымкой заливает «воздух» Меркурия, играет и переливается, а сквозь эту зыбкую, сверкающую пелену просвечивают звезды.

Это светится атмосфера. Под ударами ультрафиолетовых фотонов и ядерных частиц, потоками летящих от Солнца, атмосферные газы Меркурия ведут себя так же, как разреженный газ в световых трубках, которыми мы на Земле освещаем витрины, рекламы, вывески... Он светится, флюоресцирует.

Вершина огромной скалы, возвышающейся над нами, ослепительно блестит в лучах Солнца. Внизу тень и сумерки. Около сотни лет люди думали, что Меркурий, всегда обращенный к Солнцу одной стороной, как Луна к Земле, разделен на ночную и дневную половины. А между ними кольцом лежит неизменная область вечера и утра. Были высчитаны температуры вечно раскаляемой Солнцем дневной и вечно погруженной во мрак ночной половины. Четыреста двадцать градусов по Цельсию — и мороз в двести сорок!

Для каждой точки на дневной стороне Солнце всегда неподвижно стоит на одной и той же высоте над горизонтом. И если в утренней зоне солнечные лучи из-за горизонта достают верхушку горы, — вечно освещена эта верхушка и в вечные сумерки погружена подошва.

Но что это? Утром, когда мы приземлились, была освещена только самая макушка скалы, а сейчас, точно грани кристалла, вспыхнули под лучами Солнца зубцы и гребни, расположенные ниже. Да, этого надо было ожидать. Это не наше открытие. Совсем недавно это обнаружили астрономы даже с Земли. На Меркурии нет вечного дня и вечной ночи. Медленно, вдвое медленней, чем Луна, вращается он вокруг своей оси. Пятьдесят девять земных суток длятся его сутки. К тому времени, когда он пробегает примерно две трети своей орбиты, он успевает повернуться к Солнцу поочередно всеми своими сторонами. Рассыпается в прах картина двух полушарий — вечно раскаленного и вечно обледенелого.

Солнце уже недалеко за горизонтом, раз оно освещает макушку. Не пройдет и семи дней, как мы увидим его край. Но вряд ли у нас будет большая охота «загорать» под его лучами, даже в скафандрах, как бы ни были они удобны и надежны.

Со всеми своими вездеходами, со всеми своими приборами мы будем опять отступать в утреннюю тень. По плану наших работ мы перейдем — по линии терминатора, то есть границы дня и ночи, — в вечернюю зону. Это даст нам возможность узнать, с какой скоростью остывают скалы Меркурия, какие раз-



Что это? Словно грани кристалла, вспыхивают под лучами Солнца острые верхушки скал, ночные тени медленно отступают.

рушения за долгий день производит солнечный зной.

Один из участников экспедиции, тот, кто особенно часто присылает вопросы в отдел «Почему и отчего», спросил:

— Почему на Меркурии такие длинные сутки? Ведь если бы он вращался вокруг оси быстрее, на нем не было бы такой ужасной жары и такого ужасного холода.

Ему ответил главный астроном экспедиции:

— Планету тормозит Солнце. Солнечное притяжение ежесуточно вызывает приливы и отливы в недрах планеты. Приливное трение на протяжении миллиардов лет замедляло и замедляло суточный оборот Меркурия вокруг оси. Землю приливное трение тоже тормозит. Жители Земли не чувствуют, что два раза в сутки они вместе со своими странами и материками поднимаются и опускаются примерно на полметра.

Следующее наше путешествие — на Сатурн!

Почему и отчего

Разговор с молнией



Дорогая редакция!

Я очень люблю радиотехнику, и у меня к вам есть один вопрос: когда был построен первый радиоприемник, где он брал волны? В наше время есть радиостанции, но тогда ведь их не было. Жду ответа.

Витя Чапас,
ст. Переправная,
Краснодарский край.

Ты прав, Витя, что, когда Александр Степанович Попов изобрел первый радиоприемник, никаких радиостанций еще не было. Но это не значит, что не было радиоволн. Радиоволны существуют в природе сами по себе, независимо от человека. Солнце, звезды, планеты, межзвездный газ, вулканы, грозовые разряды рождают радиоволны и ведут свои «радиопередачи».

Другое дело, что люди сумели обнаружить радиоволны, изучить, получить их искусственно и использовать для связи без проводов.

Первый на свете приемник принимал радиоволны, которые возникают во время грозы. Этот приемник А. С. Попов так и назвал: грозоотметчик. Выходит, первую передачу вела молния. Это произошло 7 мая 1895 года. А через десять месяцев — 12 марта 1896 года — в помещении Русского физического общества Попов впервые в мире продемонстрировал радиосвязь. В этом опыте действовал не только приемник, но и передатчик. Оба были установлены в одном и том же зале.

Два слова выбрал великий изобретатель радиосвязи для этой передачи: Генрих Герц — имя ученого, который обнаружил радиоволны и объяснил их природу.

А. БАРАНОВ

Слон и моа



Здравствуй, дорогой «Пионер»!

Однажды я услышал от ребят, что на островах Новой Зеландии существовали гигантские птицы, что ростом они были с хорошего слона и весили до трехсот килограммов, что даже сейчас там находят перья, кости и яйца этих птиц. Правда это или выдумка? Если правда, напишите, что еще известно об этих птицах.

Виктор Макаров,
г. Каменск-Уральский,
Свердловская область.

Птицы ростом со слона действительно водились на нашей планете, и не так уж давно, всего лет двести назад. Их даже нельзя назвать доисторическими. Они вполне могли бы жить и в наши дни. Но их истребили охотники-полинезийцы, жители тихоокеанских островов. Когда полинезийцы в своих морских

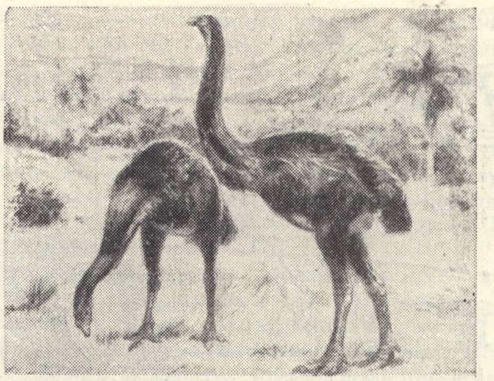
путешествиях доплыли до Новой Зеландии, они назвали эту землю Страной Птиц. Их там действительно встретил мир удивительных птиц. Самые крупные были ростом в три с половиной метра и весили больше трехсот килограммов. Полинезийцы назвали их «моа».

Моа были завидной добычей для охотников. Убил одну — и вот тебе мясо для целой деревни. В конце концов все моа были истреблены.

В наше время ученые могут судить о них только по костям, перьям да по непроклюнувшимся яйцам. Изредка в лесах Новой Зеландии бывают такие находки.

Подобные же птицы и в те же времена водились на острове Мадагаскар. Жители Мадагаскара уверяют, что они и сейчас сохранились и что по ночам из лесов доносятся их крики.

С. ШАНЕВ



Так выглядели моа. Рисунок чешского художника-палеонтолога Зденека Буриана.



Земля на Луне

Мне очень хочется знать, есть ли на Луне земля и какая.

Маша Кондратенко,
г. Североморск.

Смотря по тому, что называть землей. Если ты подразумеваешь наружный слой лунной поверхности, то ученые уже давно стараются выяснить, из чего он. Для этого они измеряют, как Луна отражает солнечный свет, сильно ли ее поверхность нагревается, быстро ли остывает, сравнивают все эти свойства лунной поверхности со свойствами различных горных пород Земли.

В результате многочисленных исследований пришли к выводу, что лунные скалы очень темного цвета и напоминают базальт, земное вещество вулканического происхождения. Поверхность лунных «морей», то есть обширных безводных равнин, покрыта, по-видимому, щебенкой из какого-то пористого, ноздреватого камня, вроде вулканических туфов и пемзы. А сверху все это еще присыпано основательным слоем пыли, невообразимо тонкой и рыхлой.

Последние годы лунную «землю» прощупывают еще и радиоволнами различной длины. Этот новый способ очень надежен и точен. И что же? Он подтверждает прежние предположения ученых. Об этом же говорят и снимки лунной поверхности, сделанные с близкого расстояния автоматическими станциями.

Но, может быть, под словом «земля» ты подразумеваешь почву, подобную той, что покрывает луга и поля на Земле? В таком случае придется тебя огорчить. Такой земли на Луне нет, потому что ее создают растения, а их на Луне тоже нет.

Е. РУБЦОВА



Змеиный яд

Прошу вас ответить на мой вопрос: почему змеи не умирают от своего яда, когда они укусят друг друга?

Николай Русин,
Белокатайский р-н,
Башкирская АССР.

С твоим вопросом, Коля, мы обратились в Московский зоопарк, к его директору Игорю Петровичу Сосновскому. Вот что мы узнали. Змея кусает змею, лишь обороняясь, а не нападая. Ты спросишь, зачем же змее обороняться, если на нее не нападают. Чаще всего такие «конфликты» между змеями — результат недоразумения или случайности. Если змее показалось, что у другой враждебные намерения, она не ждет нападения, а старается опередить предполагаемого противника. Если змея, проползая, случайно заденет другую, у той мгновенно приходит в действие оборонительная реакция. Тут «логика» простая: сначала укуси, а потом будет видно.

Яд змеи не опасен змеям того же вида: яд гадюки — другим гадюкам, яд гюрзы — другим гюрзам. А от чужеродного яда змея обязательно погибнет. Однако нет правил без исключений. Некоторые змеи не боятся чужого яда. В Индии живет королевская кобра. Эта змея охотится на других змей, в том числе и ядовитых. Следовательно, ее яд для них смертелен. Но сама королевская кобра должна быть невосприимчива к яду тех змей, которых пожирает.

Еще более любопытный пример — южноамериканская змея муссурана. Сама она не ядовита, а питается только ядовитыми змеями. Надо думать, что они защищаются, и муссураны не могли бы существовать, если бы их организм не был приспособлен к ядам.

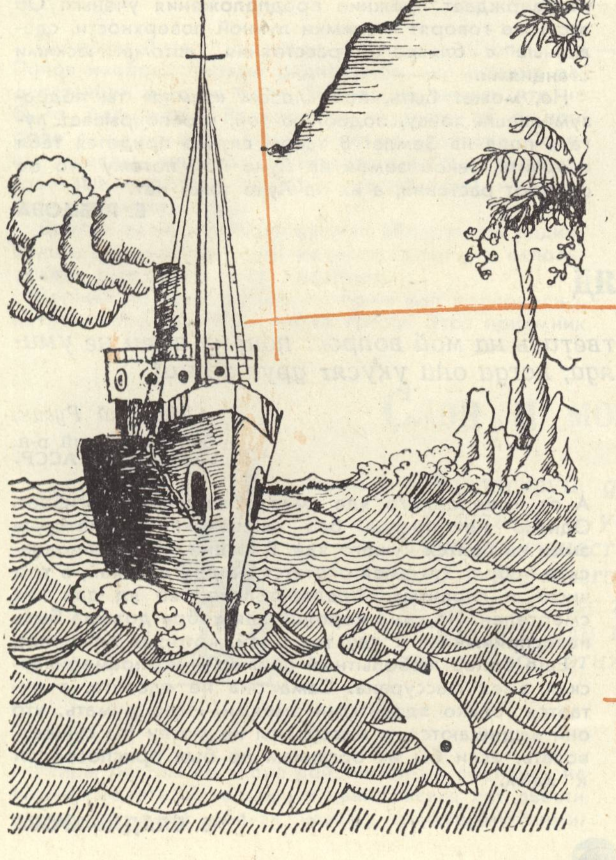
Е. ВЛАДИМИРОВА

ЛОЦМАН ДЖЕК



Одиннадцать поколений назад мой предок Матуа Хотере впервые сошел на берегу Хиере. Он привел с собой нашу рыбу Лоцмана. Матуа Хотере был потомком Кьюпе — великого мореплавателя с Гавайки, он и открыл эти берега...

Из «Вакапапас» — сказания о происхождении народа Маори.



Покажется ли, как всегда, Лоцман Джек? Пароходик дал громкий гудок и вошел в пролив Пелорус Саунд. Люди столпились на палубе, с любопытством вглядываясь в море. Все хотели увидеть Лоцмана Джека, но больше всех — тринадцатилетний Джордж Вебер, возвращавшийся домой на каникулы. Ферма его отца была на другом конце пролива Френч Пасс.

Два главных острова Новой Зеландии разделяет пролив Кук Страйт. Все пароходы, курсирующие между городами Веллингтоном и Нельсоном, пересекают его. На своем пути они проходят и другой пролив — Френч Пасс. Здесь в 1887 году и появился странный лоцман, безопасно проводивший суда.

Джордж тревожно оглядывает море. Он знает, как предательски опасен пролив, и знает не понаслышке: его отец Уоллес Вебер—лодочник. Вместе с бакенщиком он зажигает огни ко времени отлива. Суда здесь часто садятся на мель, и тогда им долго приходится ждать спасительного прилива. Однажды пароход проторчал на мели целых три дня. Но может быть и хуже. Если судно отклонится от курса, мощное океанское течение подхватит его и бросит на скалы. Тут нужен лоцман, и Джордж ждет его.

Капитан снова дает громкий гудок. Сотни глаз устремлены в море. И вдруг: «Плывет, плывет!» Пассажиры бросились к борту. Джорджу приходится прокладывать дорогу локтями. И вот он тоже увидел его. «Пелорус Джек!» — Голос мальчика смешивается с приветственными криками команды и пассажиров. Светло-серое гибкое тело, словно танцуя на волнах, приблизилось к пароходу. Мальчику показалось, что это огромная белая рыба. «Белуга!» —

восклицает один из американских туристов. «Нет, это дельфин»,— поправляет его новозеландец.

...Долгих двадцать пять лет (с 1887 по 1912 год) дельфин проводил суда, шедшие на юг к Коллинет Пойнт, и там исправно принимал направлявшиеся на север. Он вел их и солнечным днем, и когда светили звезды, и в ясную, и в пасмурную погоду — все было нипочем этому лоцману. Заслышав гудок, он появлялся и плыл рядом или впереди, иногда всего несколько минут, только чтобы провести пароход.

Многие годы Джордж встречал Лоцмана Джека. Отец Джорджа каждую неделю отвозил почту на пароходы и забирал свежую, и Джордж выезжал с отцом в его весельной шлюпке навстречу всем этим пароходам, носившим красивые малайские имена: «Ванака», «Арахура», «Патина», «Такапуна», «Мапоурика».

Джордж заметил, что дельфину нравились быстрые суда, а не такие, как «Арахура» и «Патина»,— их он легко обгонял. Джон Массей, судовой казначей, тоже заметил эту склонность лоцмана. А он ходил и на старой «Ванаке», и на «Такапуне», и на «Пингвине», и на многих других паровых катерах, сновавших между островами. «Чем быстрее мы шли, тем больше ему нравилось,— говорил Массей.— Он мог бы дать и тридцать миль в час. Впервые я увидел Лоцмана Джека в 1884 году, а потом заметил, что эта большая «рыба» всегда появлялась в проливе и сопровождала нас, держась почти у форштевня. Несколько миль она плыла, то появляясь, чтоб выпустить фонтан воды, то снова ныряя. Когда она считала, что провела нас безопасно, она ныряла под форштевень и появлялась у правого борта вверх брюхом, покачиваясь на волнах. Потом внезапно делала несколько резких движений, подпрыгивала вверх и, нырнув, исчезала. Этот спектакль повторялся каждый раз, когда суда входили в Пелорус Саунд. Я обратил внимание капитанов и офицеров на эти привычки большой «рыбы», которой потом дал имя Пелорус Джек. Под этим именем она и прославилась на весь мир».

Долгое время думали, что Пелорус Джек — белый кит (белуха), который забрел из Антарктики. Но однажды капитану Посту и корреспонденту одной из газет удалось сфотографировать Джека, хотя сделать это было не просто. Фотография помогла ученым узнать, что Пелорус Джек млекопитающее из отряда китообразных, обычный в водах Новой Зеландии дельфин Риссо.

Гордясь таким знаменитым другом, новозеландцы в сентябре 1904 года провели специальный закон об охране дельфина: «Будет считаться нарушителем закона всякий, кто попытается добыть рыбу или млекопитающее вида, повсюду известного под названием дельфин Риссо, в водах Кук Страйт или в бухтах и проливах, к нему примыкающих...» — так звучит главная часть закона. Теперь всякий, кто попытался бы причинить вред дельфину-лоцману, должен был платить крупный штраф.

Но как бы ни следили новозеландцы за Пелорусом Джеком, они не могли его уберечь от всех случайностей. Как-то раз, нырнув, он попал под винт быстроходного «Пингвина». Дельфин выбросился вверх в гигантском прыжке, завертелся волчком и, обливаясь кровью, исчез в открытом море. Но на следующий день он вернулся, весело прыгая и кувыркаясь. По-прежнему он проводил «Арахуру», «Патину», «Мапоурику» и другие пароходы, но больше ни разу не подплывал к «Пингвину». Он не отвечал на его гудок и держался от него вдалеке.

Кто-то из моряков «Пингвина» перешел даже на другой пароход и, как потом оказалось, спас себе этим жизнь: «Пингвин» разбился о скалы. Крушение произошло в феврале 1909 года. После этого печального события Лоцман Джек еще три года продолжал благополучно проводить суда. Когда бы ни раздавался гудок и где бы ни был дельфин, он всегда приплывал на зов. Оставив охоту за рыбой, он честно плыл рядом или впереди парохода вплоть до входа в порт. Дальше он никогда не плавал, всегда заканчивал свою работу лоцмана у Коллинет Пойнт.

В начале октября 1912 года разнесся слух, что Лоцман Джек погиб. Местная новозеландская газета посвятила ему передовицу: «Джек по справедливости может быть назван одним из чудес мира».

Джордж Вебер думает, что последними, кто видел Пелоруса Джека, были участники антарктической экспедиции капитана Скотта, когда они в ноябре 1912 года наносили на карту Бухту Адмиралтейства. С тех пор Пелорус Джек больше не появлялся, но новозеландцы помнят о нем.

Перевел с английского Ю. Баевский.

Эту главу мы взяли из книги американской писательницы Элен Кей «Дельфин спрашивает и отвечает». Книга выйдет в 1966 году в издательстве «Детская литература».





Длинные зимы

Я живу на Крайнем Севере. У нас тут глухая тайга, а люди добывают слюду. Недавно нашему месторождению исполнилось — сколько вы думаете? — 275 лет!

Зимы у нас холодные, продолжаются девять месяцев. К концу сентября на гольцах лежит уже снег. Морозы бывают и пятьдесят градусов. Ну ничего, не так уж это холодно! Я хожу зимой в музыкальную школу, и еще я очень люблю рисовать.

Инна Рогозина,
поселок Мама,
Иркутская область.

Бабушкины сказки

Когда Колька еще не ходил в школу, бабушка часто рассказывала ему сказки.

Бабушка много знает сказок. Погладит, бывало, Колю по голове, сядет с ним рядом и рассказывает:

— В некотором царстве, в некотором государстве жил-был...

А в этом году наш Коля пошел в первый класс. И вот что случилось вчера. Вечером Коля не стал просить, как обычно, бабушку рассказывать сказку, а достал из портфеля «Родную речь» и говорит:

— Слушай, бабушка, я тебе сам прочитаю сказку про Машу и медведя.

Валя Чернец,
поселок Угольный,
Целиноградская область.

У МЕНЯ ЕСТЬ СОБАКА...

Здравствуйте, дорогая редакция!

Сегодня я пошел в школу расстроенный. И вот почему. У меня есть собака. Ее зовут Шарик. Шарик был бездомным. Мой сосед нашел его на площади возле школы. Он позвал меня, и мы увидели, что ребята его били пинками и палками. А они были пионеры и октябрята. И у некоторых был значок «Юный друг природы».

Но что же это за друг природы да еще пионер, если он бьет собаку или кошку!

Я взял Шарика к себе. Но когда я наливаю ему в баночку молоко, я улавливаю мамино недовольство. А несколько раз она даже говорила мне, что не хочет, чтоб Шарик жил у нас!..

Анатолий Рейн,
с. Урджар,
Семипалатинская область.

Про наш город

Один раз учитель истории попросил нас:

— А ну-ка, друзья, расскажите, что вы знаете про наш город.

Как так что знаем? Да все знаем, ведь мы здесь живем! А стали говорить, видим, что ничего такого интересного сказать не можем: красивый, старинный, самый хороший и... все.

Стали мы собирать разные документы по истории Таллина, на экскурсии ходили, в походы. Идешь теперь по городу и знаешь: здесь была подпольная типография, а в этом доме проходило первое собрание комсомольцев. Стало интереснее жить.

А макеты, которые мы сделали — башни Таллина, старинный Вышгород, домик Петра I — разные музеи забрали себе. Значит, понравилось!

Наташа Дьяченко,
г. Таллин.

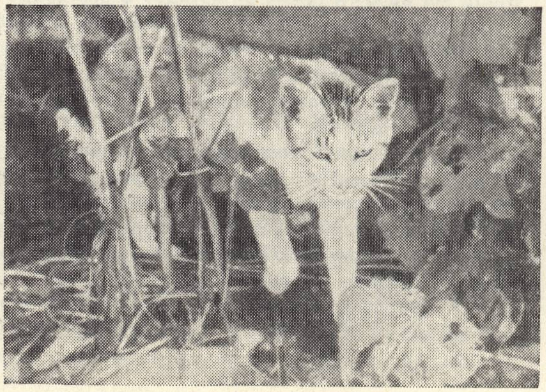
ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ...

У нас в школе в прошлом году организовался краеведческий музей. Он еще не открылся, но находок уже много. Наши пионеры нашли кости ископаемых животных: мамонта, быка, оленя. Есть у нас старинные деньги, орудия труда первобытных людей. Хоть находок и много, но еще недостаточно для музея. Поэтому поиски продолжаются.

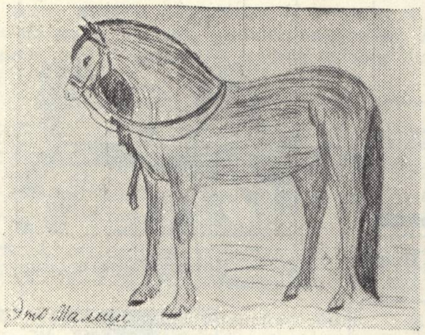
Галя Найденова,
г. Назарово,
Красноярский край.

Раньше я думал, что выигрывают только счастливчики. А тут вдруг на тебе — выиграл фотоаппарат «Смена-8». И вот мой первый снимок.

К. В.,
Волгоградская область.



Малыш



Сначала нам в колхозе доверяли только рабочих лошадей, а потом стали доверять племенных.

Мы их купали, кормили и водили поить. У каждого был свой конь. У меня — Малыш. Эта кличка, правда, не очень ему подходит. Он самый большой во всем селе конь. У него широкая грудь, крепкие, сильные ноги со щетками выше копыт. А гриза длинная, и хвост длинный. В общем, вид богатырский.

Бегать быстро Малыш не может, да и вообще он почти не бегает. Он только шагает размеренно, степенно и перевозит большие грузы.

Л. Логинова,
с. Карабулак,
Алма-Атинская область.

НИКАКОГО СНИСХОЖДЕНИЯ!

Знаете, как мы выпускали сатирическую газету?

— Карнаухову покритикуем,— говорит наш редактор Вовка,— Зеленину, Петрову со Смирновой...

— Галкина еще,—добавляет один из членов редколлегии.— Он на уроках ужас что вытворяет.

Все молчат, а художник за всех отвечает:

— Тебе хорошо предлагать Галкина критиковать, а нам с Вовкой он по первое число всыплет...

— Ну что вы все так расшумелись? — призывает нас к порядку редактор Вовка.— Мы же решили: критикуем сегодня в газете Карнаухову, Зеленину и Петрову со Смирновой...

— Да, да,— соглашается художник.— Смирнова хоть и староста, но никакого снисхождения. Нужно быть принципиальными.

Вот так мы выпускаем нашу сатирическую газету!

Костя Серебряков,
г. Душанбе.

Цыплята на севере

У нас холодно, но не круглый же год. Летом у нас тепло, даже + 28° раз было. А зимой — 50°. В деревнях есть курицы и цыплята, а у нас можно развести? Это нас очень интересовало. Нас трое. Все Тани. Я, Таня Голубева и Таня Китаева. Папа Тани Голубевой помог сделать инкубатор, вывелись цыплята через двадцать один день. Они были мокрыми и серыми, а когда высохли, стали пушистыми и желтыми. Но они были очень веселыми. В комнате было жарко, и мы решили проветрить комнату и, наверное, застудили цыплят. Они прожили только одну неделю.

Таня Коняхина,
г. Норильск.

За что я люблю маму!

Есть у меня друг Коля. Однажды Коля пришел домой невеселый. Мама его спросила:

— Коля, что случилось?

— Из-за тебя я получил сегодня двойку,— буркнул Коля.

— Как так?! — удивилась мама.

— Сегодня мы писали сочинение «За что я люблю свою маму?».

— Ну и что? — спросила мама.

— Целый урок я не мог подобрать такие слова, чтобы описать тебя доброй, ласковой и сердитой.

Александр Посашков,
г. Киселевск,
Кемеровская область.

Съели наглядные пособия

Однажды на урок рисования к нам принесли ветку рябины.

Лидия Григорьевна сказала, чтобы мы эту рябину нарисовали. И мы стали рисовать. Видно было, что рябина очень сладкая и еще чуть-чуть горькая. Один мальчик подошел на перемене и отщипнул ягодку. А потом и другие ребята подошли и взяли только по ягодке. Смотрим — а рябины уже и нет.

Мы думали, Лидия Григорьевна нас заругает, а она только сказала, что нельзя есть наглядные пособия.

Гена Заикин,
603-я школа, г. Москва.

Тебе никогда не хотелось написать письмо в редакцию! Некоторые думают, что это страшно. Вовсе нет. Посмотри, какие интересные письма мы получаем.

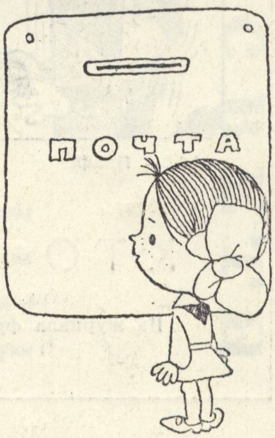
Правда, мы получаем много писем, а напечатали здесь всего несколько. Лучших. Тех, что всем ребятам прочитать любопытно.

А у тебя! У тебя не произошло никаких событий, о которых хочется поскорее рассказать всем! С тобой никогда не случалось никаких приключений! Нет у тебя ни друзей, ни любимого занятия, ни важных новостей!

Разве в это можно поверить!!

Ждем от тебя письма. Не забудь только на конверте написать наш условный знак, наш пароль — «А у вас!..» Тебе ответят другие ребята: «А у нас...»

А у вас?

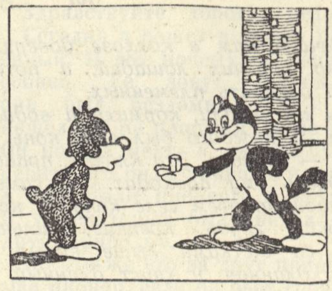




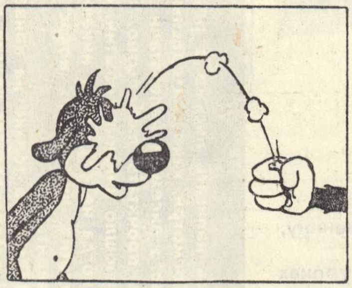
1. — Ну и силач же ты, Пиф!



2. — Пощупай мои мускулы!



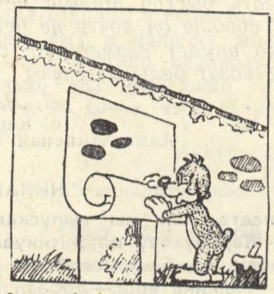
3. — Видишь этот сырок?



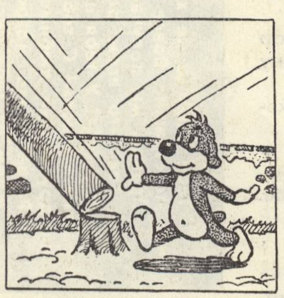
4. — Смотри!.. Одно усилие моей мощной руки — и...



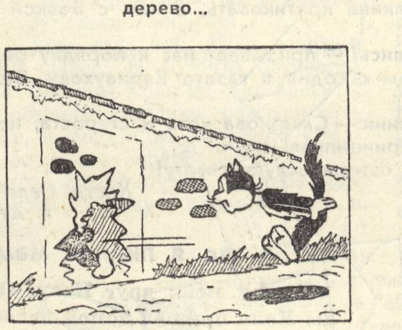
5. — Нашел с кем шутить! Сейчас подпилим дерево...



6. — А сюда на калитку мы приклеим бумагу и раскрасим ее под цвет стены.



7. — Кра-ак!



8. — Крак!



9. — Коты всегда умнее собак! Свалю и я дерево!



10. — Плаф!



11. — А стену пробить и того проще! ...Плаф!

КТО СИЛЬНЕЕ?

Из журнала французских пионеров «Вайян».

Журнал «Вайян» рассказывает, разумеется, не только обо мне, Пифе. Наши читатели часто сообщают нам в письмах о своих приключениях. Кто-то потерялся в лесу, когда собирал грибы. Кто-то хвастается, какой он смелый и ловкий... Чего только не случается с ребятами! Художники делают к этим рассказам много картинок — получается очень весело и интересно.

У вас, ребята, наверное, тоже много приключений?

Напишите мне, и я уверен, что наш главный редактор с удовольствием напечатает ваше письмо. Только, пожалуйста, не забудьте написать обратный адрес, чтобы я смог выслать журнал с вашим рассказом.

Мой адрес: Пиф-«Вайян», 5, бульвар Монмартр, Париж-2, Франция.

До скорой встречи, дорогие друзья!

Ваш Пиф.

ТАНЦЫ СО ВСЕГО СВЕТА

Это необыкновенные танцы. Не было композиторов, которые сочиняли к ним музыку, не было хореографов, которые создавали для них хитрые танцевальные па.

Ребята придумали танцы сами. Придумывали их в разных концах света, а танцуют всюду, где ребята собрались вместе, и всем весело и хорошо. И в зале, и на площади, и на лужайке. И музыки никакой не надо и даже умения танцевать. А самое главное, они нравятся не только девочкам, но и мальчики охотно в них участвуют.



А-РИМ-ДЖИМ-ДЖИМ (Бельгия)

Что значат слова «А-рим-джим-джим»? Некоторые ребята говорят: «Ничего не значат. Забавные словечки придуманы для того, чтобы их легко запомнили все ребята и, не зная языка друг друга, могли напевать все вместе». А другие считают: «Нет, значат!» На все языки они переводятся одинаково: «Эй, друзья, веселей! Нас много, и все мы заодно, так давайте же весело плясать и петь громко!»

А танцуют «А-рим-джим-джим» так: все становятся в кружок, а кто-то один бежит по кругу, держа за концы платок и слегка его покручивая. Он делает вид, что бежит просто так, а на самом-то деле присматривает, около кого ему остановиться. К концу первой части мелодии он останавливается против того, кого выбрал, и накидывает на плечи партнера платок. На слова «а-рим-джим» оба, держа друг друга за плечи, наклоняются влево, на слова «а-рам-джам» — вправо и до конца всей мелодии кружатся в танце. Потом в круг выходит тот, кого выбрали, и танец начинается сначала.



ТАНЦУЕТ «ЛЕСНОЙ НАРОД» (Англия)

Посмотрите, как просто и как весело!

Ребята становятся в круг и берутся за руки. На первом и втором такте все делают три шага к центру и хлопают в ладоши.

3—4-й такт—три шага обратно, и снова хлопают в ладоши. Так повторяется два раза.

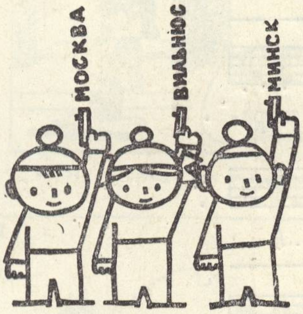
5—8-й такт — только девочки выходят к центру и возвращаются, на 9—12-й— только мальчики. И это тоже повторяется два раза.

Дальше на 1—4-й такт ребята танцуют парами в ритме вальса, держась за руки крест-накрест и двигаясь по кругу.

На 5—8-й такт движутся по кругу по часовой стрелке.

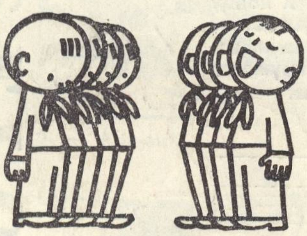
на 9—12-й — в обратную сторону.





ТРИ ВЫСТРЕЛА В ВОЗДУХ

Ровно в 10.00 трое судей на старте одновременно подняли руки со стартовыми пистолетами и выстрелили в воздух. Лыжники, взмахнув палками, ринулись вперед. Кто окажется впереди на трехкилометровой дистанции? Это выяснится... через три дня. Почему на стартовой линии оказалось сразу трое судей и почему так долго придется ждать результатов соревнований? Потому что лыжные гонки в один и тот же день, в один и тот же час начали ребята трех пионерских отрядов, которые хотя и разделены большим расстоянием, но крепко связаны давней дружбой.



ДИСПУТ БЕЗ СПОРОВ

Однажды захотелось двум отрядам выяснить, кто дружнее. И как же, вы думали, стали они это выяснять? Не тратя лишних слов, стали отряды друг против друга и завели между собой... песенный диспут,— кто больше песен знает и лучше их поет.

Содержание

С Новым годом! — Приветствия друзей . . 1
Ключ к номеру 2
Звезда упала в лесу. — Повесть А. Лиханова. Рисунки Е. Расторгуева 3
Пять часов в одиночестве.— О. Назаров. Рисунок Алексея Леонова 20
Сын гипнотизера.— Рассказ Э. Шима. Рисунки Ю. Коровина 23
Агентство ННН 30
Зимняя спячка 31
Подсказки. — Рисунки А. Блоха 32
Король Матиуш Первый.— Повесть Я. Корчака. Перевела с польского М. Павлова. Рисунки Ю. Владимирова и Ф. Терлецкого 33
Хозяйство нашей страны 40
В классе — ЧП.— В. Чванов. Рисунки Е. Медведева 43
Лавровый венок.— Рассказ о том, как Атомино стал чемпионом 46
«Кораблик» 47
Самая обыкновенная.— Ю. Новикова . . . 50
Гербы, геральдика, герольды.— А. А. Покорна. Рисунки О. Зотова 52
Красный лейтенант. — Письма лейтенанта Шмидта. Предисловие Р. Сэфа. Подготовил письма к публикации В. Жогин. Рисунки Е. Медведева 54
Мальчишки с Эльбруса.— Н. Колесникова. Рисунки А. Брея 61
Два вопроса беглецам.— Фото Н. Брегмана 64
Книжная выставка 66
Приглашение. Какие обязанности у бабушек.
Просьба.— Стихи Драгана Лукича. Перевел с сербского Ю. Вронский. Рисунки Ю. Бурлакова 68
Три ответа беглецам 69
Планета номер один 70
Почему и отчего 72
Лоцман Джек.— Элен Кей. Перевел Ю. Баевский. Рисунки Н. Доброхотовой . . . 74
А у нас... а у вас? 76
Кто сильнее? — Приключения Пифа 78
Танцы со всего света 79
Подсказки 80

На вклейках:

Мы строим дом. Фотомонтаж В. Анни.
На планете Меркурий. Рисунок Иозефа Садила и Людека Пешека.
Иллюстрация Ежи Сроковского к книге **«Король Матиуш Первый».**

На первой странице обложки:

Острый момент. Рисунок О. Вуколова.

На четвертой странице обложки:

Гербы — свидетели истории. Рисунки О. Зотова.

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Техн. редактор **В. Пархоменко.**

А 02479. Подписано к печати 23/XII 1965 г. Тираж 660 000 экз. Изд. № 37. Заказ 3354.

Формат бум. 84×108 1/16. Объем 5,25 физ. п. л. 8,82 усл. п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



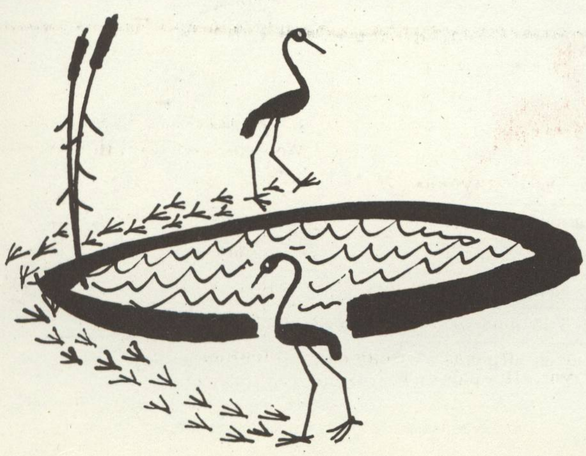


КТО ГДЕ СИДЕЛ?

Вот удобная полянка — будто специально созданная для короткого привала наших лыжников. На каждого по пеньку!
А когда обратно шли, так не сразу узнали это место, вроде по-другому все выглядит.
Стали припоминать, кто на каком пеньке сидел, и запутались.
Помогите им разобраться, ребята!

ДВА ЖУРАВЛЕНКА

Два веселых журавленка затеяли спор, как быстрее обойти вокруг пруда: делая два шага вперед и шаг назад или делая шаг вперед и два шага назад?
Решили шагами измерить. Встали журавлята рядом, там, где две камышинки торчат, и зашагали вдоль по бережку. Со стороны на них посмотреть, так один вперед идет, другой назад пятится. Прикиньте-ка: кто из них первым к финишу придет и на сколько шагов другого опередит?





НА ЗАВТРАК ЛЬВУ

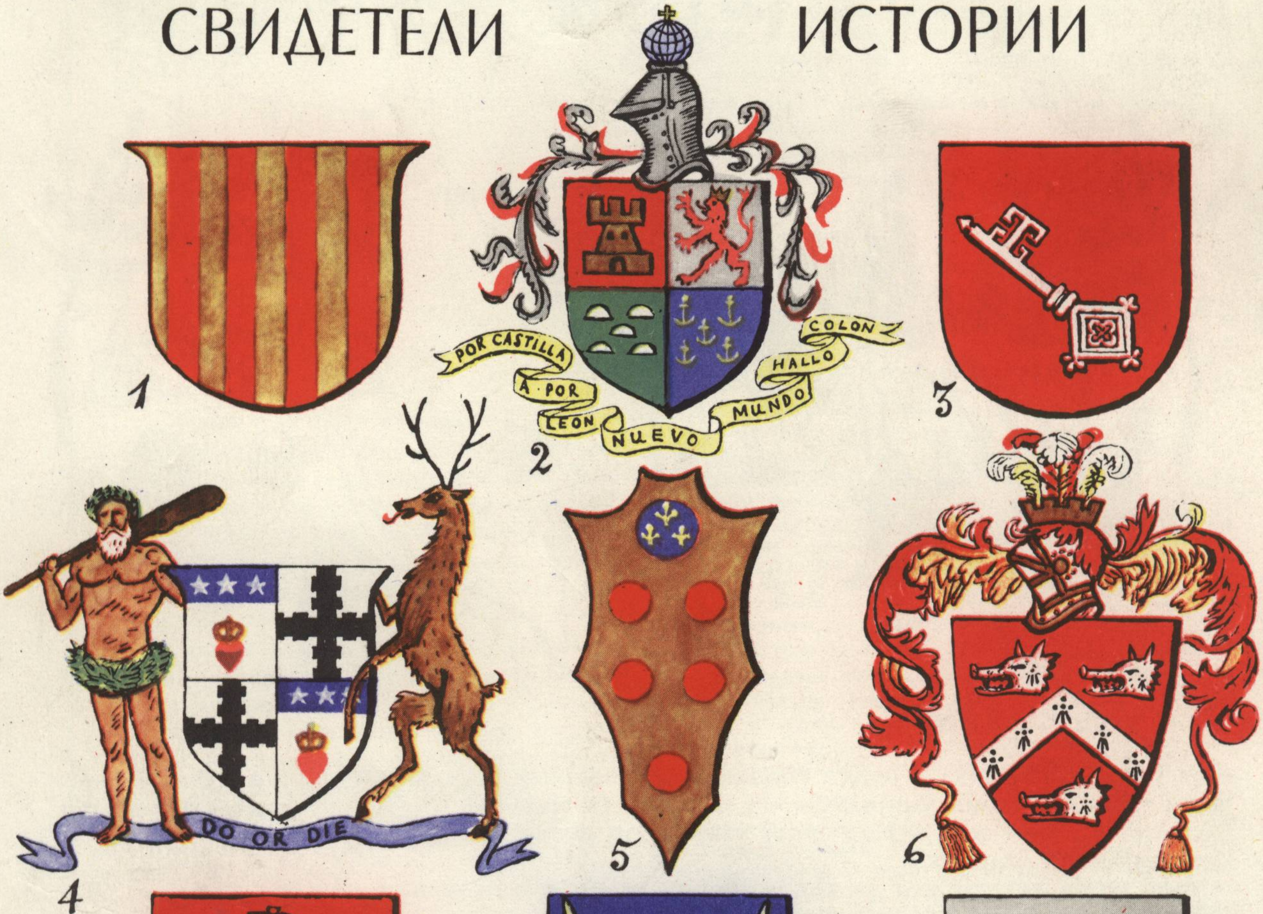
Принесли льву ананасы, мясо антилопы и финики.
Как вы думаете, что лев выберет себе на завтрак?

ЗАПОМНИ — ПРИГОДИТСЯ

Таня Семенова из города Стерлитамака, Башкирской АССР, советует ребятам запомнить такой способ быстрого умножения двух двузначных чисел, оканчивающихся на 1.
Допустим, число 51 надо умножить на 31. Сначала перемножают числа десятков ($5 \times 3 = 15$); к полученному произведению приписывают справа сумму тех же десятков ($5 + 3 = 8$) и в конце ставят 1. В итоге получим 1581.
Если сумма чисел, обозначающих количество десятков, составляет двузначное число (10 или больше), то от этой суммы берется только цифра единиц, а к числу, полученному от перемножения десятков, добавляется единица. Например: $61 \times 81 = 4\,941$.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

ГЕРБЫ — СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ



1. Герб Арагона. 2. Герб Христофора Колумба. 3. Герб немецкого города Бремена. 4. Герб рода Дугласов (Шотландия). 5. Герб рода Медичи. 6. Один из английских гербов XVI века.

Старинные гербы русских городов:
7. Тулы. 8. Саратова. 9. Смоленска. 10. Уфы. 11. Нижнего Новгорода. 12. Курска.

Если тебя интересует история гербов, прочти в номере статью «Гербы-геральдика-герольды».